

ГАСАН ГУЛИЕВ

**В РАКУРСАХ ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ**

**Критико-биографические статьи, материалы
и эссе о государственном деятеле и
писателе Наримане Нариманове**

Серия «Сыны Азербайджана»

**Баку
«Нурлан»
2008**

Осмысление истории и личности

*Автор выражает глубокую благодарность
Фонду Гейдара Алиева за поддержку
в издании этой книги*

Предисловие – Эльхан Самедов,
кандидат филологических наук

Дизайн обложки - Ульвия Гулиева-Онджек

Эта книга - о Н.Нариманове. Но не только. Она представляет историю появления на политической арене Кавказа и России представителей кавказских народов. После Октябрьского переворота они оказались в руководстве страной, заняв высокие посты в Коммунистической партии и Советском правительстве.

В ней освещаются наиболее драматические и трагические страницы их деятельности, моменты их всеобщего признания и последующих забвений и обструкций (при жизни и после их смерти).

Данная книга основывается на прежних публикациях автора, связанных с именами Н.Нариманова, а также И.В.Сталина и М.Э.Расулова.

4702000000 С грифом
N – 098 – 2008

© «Нурлан», 2008

Взгляд на историю - всегда субъективен, даже тогда, когда основывается на выверенные научно-методологические принципы. В особенности, когда эта, что называется, близкая история, и ее последствия и тенденции дают о себе знать в наши дни.

Для нас такой историей, подлежащей осмыслению, является начало прошлого, XX века. Точнее, первых двух его десятилетий, когда в результате свержение царского самодержавия на территории Азербайджана одна за другой образовались Азербайджанская Демократическая Республика и Советская социалистическая. Если придерживаться марксистской теории, то первая - буржуазно-парламентская, а вторая - пролетарско-социалистическая.

История показала несовместимость и даже враждебность друг другу этих систем. В дальнейшем, через 70 лет господства советского режима, они как бы поменялись местами, хотя при этом идеи, ради которых лидеры и вожди этих общественно-политических систем выступали, остались общими и едиными: Азербайджан, независимый и процветающий.

С небольшой исторической дистанции в неполные два десятилетия после распада Советского Союза и образования независимого Азербайджана можно, разумеется, установить закономерности и тенденции общественно-политических процессов, происходивших в стране. Гораздо труднее дать верные оценки деятельности отдельных исторических лиц, однозначно и безапелляционно отнеся их к какому-то одному из обозначенных направлений.

Если в отношении главных действующих лиц истории России это еще возможно сделать, отграничив, скажем, монархистов от революционеров, которых, в свою очередь, можно поделить между собой на большевиков, эсеров, меньшевиков и т.д., то в отношении азербайджанских деятелей

главным становится важнейший критерий - это степень их приверженности к собственной стране, своей истории, народу, языку, словом, своей самобытности. Таким образом, преобладающим здесь оказывается их чувство патриотизма, стремление встать на сторону своего народа, желание вывести его на пути расцвета и благоденствия. И в этом, пожалуй, были едины все те азербайджанские революционеры, интеллигенты, демократы, либералы и т.д., деятельность которых была направлена на осуществление этих высоких и благородных идеалов. Благодаря этому их имена и остались в истории Азербайджана, его культуры и литературы.

Сложнее было с теми, кто оказался на разных сторонах при межпартийных противостояниях. В советское время историки не жаловали, например, тех, кто не принял сторону большевиков или позволяли себе даже небольшую критику в их адрес. В интерпретации официальной печати такие лица обычно оказывались «правее», чем признанные деятели. Не обходилось и без ярлыков разного рода, таких, как «националист», «мусаватист», «враг народа» и т.п.

Даже в отношении некоторых деятелей азербайджанской истории, которые были признаны официальными властями и играли видную роль в компартии и советском правительстве, оценки их деятельности могли меняться и быть неоднозначными. Так и случилось, например, с Нариманом Наримановым - видным деятелем советского государства, лидером Азербайджана, который через некоторое время после своей смерти был предан забвению и возвращался к нам в начале 60-х годов на волне реабилитации, почти как жертва сталинских репрессий.

Затем, уже после обретения Азербайджаном независимости (1991 г.), он снова объект для нападок на него со стороны «новых мусаватистов» и тех, кто мог в новых условиях и свободы от цензуры возвысить голос против «красной империи» и ее охранителей, без разбору ставя всех в один ряд.

Точно так же, по подобному методу, предпринимались попытки «реабилитации» тех, кто был на противоположной от советской власти стороне - мусаватистов, писателей-эмигрантов, деятелей либерального толка и т.п. В этом ряду в свое время «по спискам» официальных советских органов находились М.Э.Расулзаде, А.Агаев, А.Гусейнзаде, А.Топчибашев и многие другие азербайджанские интеллигенты, деятели культуры и литературы.

Это, в общем-то существенное противопоставление, деление на «два лагеря», которое, быть может, еще можно было как-то оправдать в условиях непримиримой и ожесточенной классовой, а точнее межпартийной и идеологической борьбы, сегодня, когда мы пытаемся объективно и беспристрастно оценить деятельность всех тех, кто сыграл свою роль в политическом, экономическом, духовном развитии своего народа оказывается просто беспочвенным и неосновательным. Ведь эти деятели, служа своему народу и идя своим путем, стремились к заветной цели, указанной национальными провидителями - А.Бакихановым, Г.Зардаби, М.Ф.Ахундовым, Дж.Мамедкулизаде, М.А.Сабиром и другими. На этом пути были трудности и разного рода препятствия, не обходилось без ошибок и противоречий. Но цель была ясна - суженье народу, его интересам во имя его благоденствия и прогресса...

И вот с этих-то позиций, думается, должно и надо воздавать данное каждому из них, уважительно относиться ко всему тому, что они делали и преодолевали в тех непростых и суровых условиях жизни и истории.

С этих позиций и написана эта книга, представленная, уважаемый читатель, на Ваше рассмотрение.

*Эльхан Самедов,
кандидат филологических наук*

ОТ АВТОРА

Эта книга возникла не сразу. Она готовилась исподволь, в течение долгого времени, начиная с того периода, когда мы стали свидетелями возрождающегося интереса и внимания к одному из «славной плеяды», как тогда их называли, революционеров. Точнее, речь шла о «писателе-революционере» Н. Нариманове, чье имя вновь ожило в печати в конце 50-х годов, после смерти Сталина, получив своего рода реабилитацию в обществе...

Затем было забвение уже самого виновника, с чьим именем связывали тысячи репрессированных... Сталин, став после смерти жертвой хрущевских обвинений в «культе личности», сам был посмертно и надолго «репрессирован» в глазах общества... Состоялся «вынос из Мавзолея» и, судя по настроению общества, процесс этот далеко не завершен: оно в ожидании нового «выноса тела», на этот раз его «напарника» по борьбе – главного вождя, Ленина, и этот процесс репрессий по отношению к бывшим «революционерам-ленинцам» углубляется и «теоретически обосновывается» сегодня.

Еще не поутихли страсти в связи с обвинениями в адрес Сталина, в которых изошряются «верные ленинцы», оскорбленные тем, как Сталин якобы извратил и свел на нет «гениальное ленинское учение», а уже возникала «новая волна», которую «гонит» подросшая плеяда либеральных историков. Они бьют «не в бровь, а в глаз» революции, сделав предметом обвинений на этой стадии разоблачения главных вождей – Ленина и Троцкого...

После распада Советского Союза возрождается интерес к тем, кто стал жертвой или был противником советской системы. Так из потока забвения всплыла фигура другого революционера, который близко знал и Сталина, и Наримана Нариманова, был близок к ним по совместной борьбе с самодержавием. Но потом пути мусаватиста с большевиками

разошлись, и они оказались по разные стороны баррикады. Мамед Эмин Расулзаде, а речь о нем, не сразу возвращался на родину.

Идя одной дорогой с Н. Наримановым вначале революционного пути, М.Э. Расулзаде затем разошелся с ним в вопросе о методах и целях борьбы. Оба оказались вдали от родного Азербайджана: Н. Нариманов в России, в Москве, где покоится его прах у Кремлевской стены, а М.Э. Расулзаде – в Турции, других странах, и его могила тоже вне родины – в Стамбуле...

И с этими азербайджанскими революционерами наше общество также по сегодняшний день «не разобралось» в полной мере. Существуют разноречивые оценки их деятельности сегодня, как, впрочем, существовали и в прошлом, в советские времена...

Думаю, что многим, как и автору этих строк, которые задумывались о судьбе исторических личностей, об их роли в истории и жизни своего народа, не раз приходило на ум разобраться и попытаться осмыслить до конца движущие мотивы их действий и поступков, дать по-возможности верную оценку их роли и места в истории...

Образование независимых, суверенных государств, возникших в постсоветском пространстве, безусловно, веление времени, процесс необратимый, хотя и сложный, напряженный. Свобода народа, государственный суверенитет – идеалы, желанные и близкие многим. Став свидетелями и участниками сложных катаклизмов эпохи, мы обращаем свои взоры к тем, для которых осуществление этих идеалов составляло смысл жизни. Именно такими в истории азербайджанского народа были Нариман Нариманов, Мамед Эмин Расулзаде, целый ряд других патриотов и борцов за освобождение народа, его светлое будущее.

Начав свою деятельность с выступлений против царизма, и Н. Нариманов, и М.Э. Расулзаде оказались в одном ряду с теми, кто разрушил «тюрьму народов» – самодержав-

Иностранцы во власти

ный строй. В последующем их пути разошлись... Но оба они, хотя и по-разному, служили своему народу.

Современная политическая обстановка, а также разногласия не обошли их имена, которые нередко и необоснованно противопоставлялись друг другу. Требуется определенная мудрость и объективный взгляд на историю своего народа и ее выдающихся деятелей, чтобы поставить всё и всех на свои места.

И эта мудрость и объективность в общей оценке деятельности Н. Нариманова и других азербайджанских деятелей истории нашли выражение в речах и выступлениях нашего общенационального лидера **Алиева Г.А.**, благодаря которому стал возможным исторически объективный и четкий взгляд как на события национальной истории, так и на деятельность её лучших сынов.

Стремлением автора быть объективным в оценке событий истории и современности вызвано и появление данной книги, определены ее смысл и содержание. В нее вошли также материалы опубликованных мною некогда работ, имеющих отношение к историческим деятелям, о которых пойдет речь.

Власть... Завораживающая и привлекающая к себе всех, кто не лишен честолюбия, амбиций, стремления к господству над другими. Государственная власть... Как много титулованных и самых обыкновенных лиц, легитимных и не имеющих прав на нее людей, групп, партий и общественных движений стремились вознестись к ней, чтобы претворять в действительность помыслы и стремления, планы и обещания...

Не исключение здесь и Советская власть, которая утвердилась некогда в апогее большевистского движения на одной шестой части планеты. На территории, составленной из десятка национальных образований и народов, населявших бывшую Российскую империю...

Эта империя со времен Ивана Грозного, обороняясь и защищаясь со всех сторон от полчищ – польско-литовских на Западе и татаро-монгольских на Востоке, в последующем сама успешно расширяла свои границы во все стороны, в том числе на Северном Кавказе и в Закавказье...

В результате русско-иранской войны в первой трети 19 века к России, как известно, была присоединена и часть территории Азербайджана, определившаяся под названием Северный Азербайджан.

С этого времени и началось закрепление имперской власти на территориях Кавказа, в том числе в Грузии, с согласия грузинского царя Ираклия II, а также в Азербайджане, на территориях ханств – Ериванского, Нахичеванского, Карабахского, Шекинского, Гянджинского и других, которые уже можно было именовать «бывшими», поскольку они отходили к России и обретали новые административно-управленческие названия со своими руководителями-намест-

никами, правителями, чиновниками, поставленными к руководству этой самой властью...

Бывшие ханы и правители этих областей, сотрудничавшие с русской администрацией в ходе войны с Ираном и Турцией, и даже после, получали определенные привилегии в виде чинов, званий, жалованья, установленного царским правительством; в обмен на это они как бы отодвигались на «второй план» в управлении этими территориями.

Еще в начале 30-х годов XIX века генерал Паскевич, командовавший русскими войсками на Кавказе и в войне с Ираном, писал своему правительству о необходимости пересмотра системы административного управления.

В Азербайджане в начале XIX века царизм, стремясь усилить свои позиции, заменил ханское управление русской военной администрацией, согласно которой «непосредственное управление каждой провинцией было сосредоточено в руках коменданта – офицера русской армии, назначавшегося главнокомандующим на Кавказе... В провинциях было сохранено старое административное деление на магалы. Во главе их стояли магальные наибы. На эти должности коменданты назначали преданных российскому правительству беков»¹.

С 1841 года в Закавказье было ликвидировано «комендантское управление» и вводилась общероссийская система администрации.

Как сказано в «Истории Азербайджана», «вместо упраздненных старых учреждений вводились новые – губернские, уездные и участковые. Должности магальных наибов были ликвидированы. Из административного аппарата увольнялись чиновники-азербайджанцы, вместо которых назначались русские чиновники»².

В процессе многолетней войны за покорение народов Кавказа и национально-освободительного движения мюри-

дов, его предводитель шейх Шамиль, сдавшись на милость победителя, оказался в почетном изгнании, также получив ряд привилегий, за счет утраты своей реальной власти в горах Кавказа...³

Еще раньше такой способ отстранения от реальной власти был применен и к потомкам Панах-хана – основателя Карабахского ханства, а также других азербайджанских ханств: Бакинского, Гянджинского, Кубинского, Шекинского, Ширванского, Тальшинского, присоединенных к России.

В XX веке все народы и народности Кавказа оказались в границах Российской империи с делениями на губернии и, соответствующие имперской и колонизаторской политике царизма, национальные образования со своими административными, экономическими и культурными центрами.

Начало нового XX века ознаменовалось возникновением двух, с нашей точки зрения, наиболее знаменательных тенденций: укреплением позиций капитализма, экономического и политического статуса его в масштабах всей империи, где в этом смысле не на последнем месте был и Азербайджан, и второй – усилением национально-освободительного движения на окраинах, на Кавказе, в какой-то мере, до определенного момента, объединявшем либерально-буржуазное и пролетарско-революционное его течения.

На этом «предреволюционном», если иметь в виду и Февральскую, и Октябрьскую «революции», этапе царизм, учитывая активизацию оппозиционных сил, пытался «сверху» проводить ряд реформ, провозгласив Манифестом от 17 октября 1905 года некоторые свободы и послабления в осуществлении национальной политики, проводимой против инородцев и представителей других, нерусских национальностей. Была создана Государственная Дума, в работе которой могли участвовать и представители этих самых народов: евреев, грузин, армян, осетин, мусульман Кавказа, Урала,

¹ *История Азербайджана. В 3-х томах. Том 2. Баку, 1960, с. 20-21.*

² *Там же, с. 88.*

³ *См.: Шати Казиев. Имам Шамиль. М., «Молодая гвардия», 2001 г.*

Средней Азии... В работе 4-х созывов Государственной Думы принимали участие и представители азербайджанской интеллигенции, отстаивающие интересы и права своих соотечественников. Среди них были такие известные и получившие юридическое образование интеллигенты, как А. Топчибашев, Ф. Хойский, А. Агаев, А. Ахвердов и другие видные общественные деятели⁴.

Их выступления в Таврическом дворце Санкт-Петербурга, где проходили заседания Думы, становились известны азербайджанской общественности; они получили поддержку передовой национальной печати. Широко известны в этой связи выступления таких публицистов, как Джейхун Гаджибейли, М.Э. Расулзаде, и других представителей бакинской интеллигенции.

Но несмотря на то, что голоса кавказских, в том числе азербайджанских депутатов звучали достаточно громко и весомо во время обсуждения жизненно важных для страны проектов и предложений, сливаясь с многоголосьем русских депутатов, относительно широко представленных в Думе, они, представители кавказских народов, не смогли непосредственно стать у руководства страной, внести свой вклад в осуществление будущих проектов по совершенствованию власти в Российской империи... Потому что эта самая власть трижды распускала Думу, а в четвертый раз, в результате Февральской революции, она оказалась распущена сама...

Кавказские депутаты, а среди них было немало людей, подготовленных профессионально, получивших высшее юридическое образование в России, Франции, Германии и других странах, остались лишь лидерами движений и партий, выдвинувших их на первый раз для такого рода деятельности, но так и не достигших сколько-нибудь существенной, реальной власти...

Да, путь во властные структуры империи им, как «иностранцам», был заказан. В таком положении оказались представители «неправославной» религии: азербайджанцы, евреи, мусульмане других областей России и др. В относительно привилегированных условиях оказались «христиане» – грузины, армяне...

Вот почему Февральскую революцию на Кавказе, и в том числе в Азербайджане, инородцы восприняли как начало нового, заветного времени.

Равенство, национальное равноправие, свобода слова, защита прав народов и национальных меньшинств, подвергнувшихся «двойному» угнетению, как это имело место на окраинах империи по отношению к коренному населению Кавказа, Закавказья, Средней Азии и др., – вот те лозунги, ставшие актуальными и привлекательными для Кавказской, и в той числе азербайджанской общественности.

Главное стремление национальной буржуазии, ее либеральных представителей, выдвинувшихся на ранних этапах начавшегося в России освободительного движения, было связано с утверждением своего превосходства в политической и экономической жизни страны и, более того, в масштабах национального самоопределения и независимости страны, которые могли возникнуть на развалинах распадающейся империи Романовых.

Ведь Февральская революция, происшедшая в России, была буржуазной в своей сущности, была направлена против царизма и феодально-патриархальных отношений. Вот почему она имела успех в широких кругах кавказской общественности. Один из самых распространенных на мусульманском Востоке журналов – «Молла Насреддин», издаваемый Джалилом Мамедкулизаде, восторженно называл Февральскую революцию «счастьем» для народа...

В своем обращении к читателям под многозначительным заголовком «Поздравление» Дж. Мамедкулизаде писал: «Да, час пробил, и заворочалось колесо история: царя сверг-

⁴ См.: Д.Б. Сеидзаде. *Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Б., Азгосиздат, 1991 г.*

ли с престола, министров арестовали, и депутаты народа, взяв власть в свои руки, стали управлять страной по своему разумению»⁵.

Через несколько дней (16 марта 1917 г.) он в столь же патетическом тоне говорит о «счастье» народа. «Аллах создал нас, мусульман, счастливыми, – начинает он свое обращение к читателям журнала в статье под заголовком «Счастье» и продолжает: – А теперь обратимся к вопросу о новом правительстве – никакого сомнения быть не может в том, что мы, мусульмане, будем одной из свободных наций, живущих в братстве с другими свободными нациями... И кто не знает, что прежде в любом деле, на любой службе, в любом учреждении и канцелярии везде и всюду мусульмане по сравнению с другими народами ущемлялись в правах, а то и вовсе были лишены их».

Собственно, об этих «Ущемлениях» можно было бы говорить не только в отношении и других «мусульман» – чеченцах, аварцах, абхазах, осетинах, ингушах, но и их «немусульманских» кавказских собратьях: грузинах, евреях и др.

Но в свой «счастливейший» час, не желая вспоминать тяжелое прошлое и эти «ущемления», хотя и напоминая о них, – таков, как всегда, полуиронический взгляд писателя-сатирика на прошлое и настоящее «братьев-мусульман», он патетически (и опять же полуиронически) провозглашает в конце:

«– Да здравствуют свободные народы нашей свободной страны!»⁶

Уже вскоре стало ясно, что понятие «свободные народы» для населения Кавказа более чем «полуирония»... Ибо, как уже много десятилетий спустя оно уточнялось словами песни, «нет у революции начала, нет у революции конца...»

Новоявленный вождь и учитель пролетариата заявил со свойственным ему радикализмом: «Никакой поддержки Временному правительству!» И далее, объясняя ситуацию, В.И. Ленин говорит о возникновении «двух этапов» в революции. Обращаясь к пролетариату, он заявлял: «... рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции»⁷.

Итак, «второй этап» и снова «чудеса» самоотверженности, которые должны проявить трудящиеся – пролетариат России и, разумеется, в том числе Кавказа, его представители, которыми, конечно же, вожди революции никак не гнушаются... Ведь чем больше союзников и единомышленников, тем лучше. И этот опять-таки «чудесный» – (ленинское слово-то оказывается знаковым!) грузин – товарищ Коба, которому предназначено вести народы к чудесному будущему!

И тут мы оказываемся перед необходимостью определить, что это за «второй этап» и какие силы проявят эти «чудеса» в приобщении большевиков к власти?!

Разумеется, речь идет об Октябрьской революции, «перевороте», как назовут ее много лет спустя, уже в наши дни. И одной из особенностей этой революции-переворота будет то, что в ней примут самое активное участие представители наименьшинств, инородцы, все те, кому империя Романовых не хотела предоставить равные права и возможности участия во «властных структурах» этой самой империи. И, конечно же, наряду с иными дискредитированными в правах «иноверцами» – евреями, среднеазиатами, казаками, калмыками, киргизами и другими – в ней примут самое активное участие и представители кавказских народов: грузины, осетины, азербайджанцы, армяне, другие.

⁵ Джалил Мамедкулизаде. (Молла Насреддин). Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2, Баку, Азгосиздат, 1966, с. 222.

⁶ Там же, с. 224-225.

⁷ В.И. Ленин. Сочинения, т. 23, с. 300.

И только в условиях этого «второго этапа» представители подавленных империалистической и колонизаторской политикой царизма народов получили возможность выдвижения во власть. Следует оговорить, что появление целой когорты партийных и политических деятелей – выходцев с Кавказа стало возможным в результате рецидива той же имперской политики, которая проникла и в сознание новых властителей, обосновавшихся в Кремле после установления Советской власти в стране.

С самого начала не желая расчленять «бывшую» империю на самостоятельные и суверенные страны (исключение составила лишь Финляндия, к которой благоволил Ильич, поскольку она приютила его до революции), позволившей бы этим «инородцам» и «иноверцам» разойтись по своим «домам», новые власти тем самым широко открыли для них ворота в Кремль, где они и оказались вместе с ленинским революционным ядром – Троцким, Бухариным, Каменевым, Зиновьевым, Рыковым, Свердловым, Держинским и другими деятелями, в большинстве своем «инородцами».

Феномен такой власти, можно сказать, определился не только в соответствии с мотивом «Интернационала»: «кто был никем, тот станет всем»... Но в еще большей степени (и это могло оставить и оставило, как видим, великороссов и шовинистов с чувством уязвленного превосходства) было связано с возвышением представителей народов, дотоле не имевших прав или полуправных в империи, где все права принадлежали лицам русской национальности.

Как это случилось? И почему произошло такое, что уже после распада СССР (1991 г.) оно дало о себе знать в антисемитских и антикавказских выступлениях и настроениях «великороссов»? Справедливости ради надо отметить, что те, кто наследует «советские» ценности, лишены кавказофобии или антисемитизма; во время «советских праздников» их можно увидеть на улицах Москвы, Санкт-Петербурга, других городов с портретами Сталина в руках, что говорит

об их интернациональном чувстве и солидарности. Упрек в ксенофобии к ним не относится. И трудно представить, чтобы эти люди проявляли ненависть или злость по отношению к лицам «иной национальности»...

Итак, вновь обратимся к той же истории...

Завоевывая территории Кавказа, стремясь закрепиться на них, Российская империя и наследующий ее права на эти территории Советский Союз, уже в самом начале своего утверждения на Кавказе в качестве «социалистического государства» и в результате всевозможных манипуляций и «дискуссий» с лидерами национальных партий и «автономий» собрали воедино, под эгидой Москвы, все эти национальные образования в виде «социалистических» республик, «автономий» и т.п.

Вместе с тем этот «собираемый» или «организующий» момент сопровождался внедрением во властные структуры представителей этих самых республик, автономий и т.д. Иными словами, покоряя, подчиняя себе эти национальные образования (республики, автономии и др.), властные структуры в Москве, Кремле оказываются в конце концов сами в подчинении лидеров – выходцев с Кавказа, или, как сейчас сказали бы, «лиц кавказской национальности»...

Словом, это был «взаимопроникающий» процесс. И если имперские власти старой России, действовавшие путем подкупов, лести, предоставления привилегий лицам дворянского сословия на Кавказе, званий, денежных пособий, льгот и т.п. для того, чтобы достичь своей цели – господства, владычества над Кавказом, то в «советский период» для инородцев и представителей других национальностей возникли новые возможности. Пользуясь провозглашенными лозунгами равноправия и дружбы между всеми народами, интернациональным и социалистическим содержанием происшедшей в России революции, наиболее преданные и последовательные лидеры и деятели компартии и революционно-го движения получают прямой доступ в высшие эшелоны

советской власти в Кремле. Это тоже была привилегия, но, в новых условиях – более высокого уровня, чем в царские времена, так как нахождение «нацменов» у руководства страной, новой «империей», которую по-прежнему в зарубежной прессе именовали так, добавляя иногда слово «красная», сводило на нет все обвинения в «подавлении» народов. «узурпации» власти, в шовинизме и колониализме.

Ведь о каком «подавлении» могла идти речь в огромной стране со стороны русских «шовинистов» или «колонизаторов», если у власти находилась довольно густая прослойка представителей «угнетенных» национальностей: кавказцы (грузины, осетины, армяне, азербайджанцы), евреи, украинцы, казахи, белорусы и др.?!...

Показывая эту ситуацию, предпосылки и причины возвышения кавказцев (Сталина, Орджоникидзе, Нариманова, Микояна, др.) во властные структуры Кремля, следует иметь в виду, что этот процесс был взаимопроникновением – России на Кавказ и, наоборот, представителей Кавказа в руководство Россией («Советского Союза»). Весь этот путь к власти, сопровождающийся борьбой за влияние, интригами и заговорами (реальными и мнимыми), усилением «диктатуры пролетариата» или, точнее, диктатуры вождя, взаимоотношениями и конфликтами, имевшими место в коридорах власти, должен был явить апофеоз возвышения «великого кавказца» – Сталина, достигшего неограниченной власти в руководстве Советским Союзом, которая свелась на нет после его смерти кампанией по «разоблачению» культа личности, начатой его преемником Н. Хрущевым.

Однако приток кавказцев в руководство страной на этом не остановился. После «первой волны» руководителей-кавказцев (Сталин, Орджоникидзе, Нариманов, Микоян, др.), в условиях так называемой «оттепели» 60-х годов мы видим во властных структурах новое поколение лидеров – выходцев с Кавказа. Это – Георгадзе, Г.Алиев, Э. Шеварднадзе, другие. В атмосфере кремлевских интриг, в условиях гор-

бачевской «перестройки» и развала Советского Союза, устроенного Ельциным и К^о, они по ряду причин оказались в Кремле «персонами нон грата»...

Такого рода парадоксами насыщена и мировая история. Всего два примера. Первый, и он связан с историей античности. Когда древний Рим покорил Древнюю Грецию, подчинив ее себе за счет военных успехов, то оказалось, что римляне сами подпали под очарование и воздействие культуры и искусства греков, переняв их лучшие достижения, начиная с мифологии, архитектуры, скульптуры и живописи и кончая театром и драматургией, которые впервые были созданы на земле греков.

Другой пример – история мамелюков. Она, может быть, как историческая параллель, даже больше подходит к данной ситуации. В «Энциклопедическом словаре» 1899 года⁸ о них сказано следующее: «Мамелюки – телохранители египетского султана, египетская кавалерия; это войско возникло из 120 рабов родом с Кавказа, купленных султаном Малек-Салехом в XIII в., пополнялось христианами (пленниками и детьми), обращенными в магометанство, приобрело большую силу (предводитель их Нуреддин-Али в 1254 г. овладел престолом и начал собой династию Багаридов и господствовало в стране до победы над ним турецкого султана Селима в 1517 г.; фактически мамелюки властвовали в Египте и в XVIII ст., прославились во время французской революции и в 1811 г. окончательно уничтожены Магометом-Али».

Такая вот параллель...

⁸ Энциклопедический словарь. С.-Петербург, 1899, с. 1218–1219.

Октябрь, прервавший процесс...

Октябрьский переворот или, как впоследствии в советское время его официально именовали «великая Октябрьская социалистическая революция» (почему бы нет, если буржуазную французскую революцию именовали «Великой»), и была тем «вторым этапом», о котором говорил Ленин, предлагая пролетариату проявить во время его свершения «чудеса самоотверженности»...

Но у этого процесса были и свои сподвижники, силы, которые, отмежевываясь от остальных радикальных и либеральных движений, получили наименование большевиков; они-то и осуществили этот Октябрьский переворот, то есть были самыми «ранними, первыми, молодыми и неискушенными во власти «детьми революции», ее, если можно так сказать, «октябрятами»...

Говорят, что революцию делают нравственно чистые и идейные люди, а плодами ее пользуются мошенники и карьеристы. Правоту этих слов мог бы подтвердить и опыт этой «революции»... В особенности той ее части, которая касается участия в ней инородцев-кавказцев. Историк Эдвард Радзинский, ссылаясь на книгу нашего земляка, писателя-эмигранта М. Асад-бека «Сталин»⁹, говорит о честности и искренней преданности партии, которые выказал молодой Коба – революционер и экспроприатор; снабжавший партийную кассу и ее лидеров, обосновавшихся за границей, деньгами, которые он, бедствуя и испытывая лишения сам, посылал им полностью, до последнего рубля¹⁰.

Как бы не называли Октябрьские события – «переворот», «революция», «захват власти большевиками» и т.д. – они прервали процесс буржуазной революции или «переворота», осуществленного в «Феврале», и стали качественно новым явлением – «пролетарско-социалистическим»... И ес-

ли в Февральской, буржуазной по характеру революции приняли участие представители всех слоев, в особенности буржуазии и связанной с ней, ее поддерживающей либеральной интеллигенции, партий и организаций, включая и весь Кавказ, то в «пролетарском» движении участие кавказцев ограничилось лишь ее наиболее радикальными, революционными представителями, близкими к пролетариату и рабочему движению.

Некоторые современные историки, получившие возможность с определенной и довольно значительной временной дистанции определить характер процессов, происходивших в России и на Кавказе в XX веке, приходят к следующему заключению: переход от самодержавного, феодально-патриархального режима к буржуазному строю, который, не успев утвердиться полностью, был как бы прерван «социалистическим» строем или «диктатурой пролетариата», переросшего в государство нового типа – Советский Союз; затем он был разрушен силами или тенденциями буржуазного характера... То есть, буржуазное развитие, прерванное Октябрем на более чем 70 лет, вновь обнаружило себя, восторжествовало в процессе «перестройки» и развала СССР... И были, оказывается, у этого буржуазного «переворота» свои адепты, свои организаторы и «действующие лица».

Точка зрения, прямо скажем, необычная на первый взгляд, но весьма убеждающая, если проследить события и факты, из которых складывались портреты «сталинской эпохи», да и поздних времен, связанных с деятельностью Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина...

Современные историки Р. Баландин и С. Миронов, исходя из марксистско-ленинской методологии, объясняющей исторический процесс как смену общественно-экономических формаций: скажем, от феодализма к капитализму и от него, капитализма, к социализму, говорят и о «реставрации капитализма», которая как бы началась с самых первых моментов утверждения нового социалистического строя в

⁹ М. Асад-бек. Сталин. Карьера фанатика. Б., «Нурлан», 2003.

¹⁰ Там же, с. 28.

стране, сразу же после завершения Гражданской войны в 1918 году.

Оказывается, как убеждают авторы книги,¹¹ начиная с самых ранних времен советской власти в руководстве страной наметились две тенденции. Одна, и ее выражал Сталин, намечала путь к «индустриализации», «коллективизации», к «сплоченности народа», ко всему, что давало возможность за короткое время создать мощную «индустриально-колхозную и «военно-промышленную» базу перед лицом надвигающейся войны с фашизмом – Второй мировой войны. И вторая, игнорирующая эту самую угрозу, нацеливающая на «рыночные отношения», на развитие НЭПа и ее продолжение, что как бы считалось закономерным этапом и венцом того напряжения, которое испытал народ за время Первой мировой войны, революций (Февральской и Октябрьской), Гражданской войны и восстановления разрушенного войной хозяйства... Эта вторая тенденция, по мысли авторов книги, несла в себе идеи именно буржуазного «возрождения», ориентирована была не столько на «расслабление», что было бы естественным в тех условиях, но несла в себе крамольный, с точки зрения укрепления «социалистического строя» смысл...

То есть она как бы опрокидывала установления и принципы «диктатуры пролетариата», как основы единства для построения единственного в мире социалистического государства. Сводила на нет идею, выдвинутую Сталиным, который руководствовался ею на практике, успешно претворив ее в жизнь, в то время как была и другая мысль, поддерживаемая Троцким и его сторонниками, о «мировой» или «перманентной» революции, которая могла произойти, разумеется, не без «революционного экспорта» из России.

И весь дальнейший «раскол» и «противоречия» в партии в «эпоху Сталина» были связаны с этими основными тен-

денциями, с деятельностью троцкистов, Бухарина, Зиновьева, Рыкова, Каменева, других участников разного рода «процессов», которых, как своих оппонентов, убирал Сталин в процессе этого размежевания, опасного для судеб страны... Этот раскол распространился и на государственные, военные и другие органы, в которых также побеждала «генеральная линия» партии, дававшей решительный отпор всякого рода «инакомыслию», который закрепился в анналах истории, с подачи Хрущева, как «чистка», «репрессия», «террор»...

Это – во многом аргументированная и убедительная концепция, которая объясняет многое, в том числе «жестокость» и «суровость», с какой Сталин и руководство страной отмежевались от своих идейных противников и оппонентов. После Сталина, доказывают авторы, эта вторая, или «буржуазная» тенденция, получив карт-бланш, заявила о себе в полный голос, проявилась в коррупции и привилегиях, которые составили специфические атрибуты общества, реставрирующего буржуазные формы экономики (т.н. «Теневая экономика»), все больше отказывающаяся от принципов социализма и его идейных и моральных норм. Это можно было отчетливо наблюдать в противостоянии политических фигур – Брежнева и Андропова, что, в атмосфере всеобщей коснувшейся верхних эшелонов власти в стране, идейной «расслабленности», привело к деградации социалистического строя, к возврату к капитализму и рыночным отношениям в экономике.

В такой интерпретации процессов, происходивших в стране в течение всего XX века, становится ясным и все то, что имеет отношение к Сталину, его деятельности, отношении к нему «с разных сторон», его политическое кредо и обстоятельства жизни.

Принимая эту, во многом обоснованную и аргументированную фактами и документами, концепцию на исторический процесс, новую и в научном отношении обоснованную

¹¹ Р. Баландин, С. Миронов. *Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева.* Москва, «Вече», 2003 г.

точку зрения, отмечающую всякие конъюнктурные и эмоционально-субъективные мотивы, негативные и искаженные представления о Сталине, чем, начиная с Хрущева и вплоть до наших дней, занимаются все те, кто проповедуют «буржуазно-рыночные» отношения, мы понимаем и всю сложность и противоречивость образа великого кавказца. Возвысившись в мировом масштабе и руководя супердержавой, в создании которой принял самое деятельное участие, он был в конечном итоге «репрессирован» сам адептами буржуазии, стараниями «идейных вырожденцев», восторжествовавших после его смерти, последовавшей с неумолимостью Рока, самой Судьбы...

Теперь не сам Вождь, а его бранные останки оказались во власти его жаждущих новых привилегий соратников-перерожденцев.

Как и его имя, его дело, его, можно сказать, Судьба...

В ракурсах истории

В самый разгар горбачевской «перестройки», в августе 1987 года, автор этих строк находился по приглашению в Австрии, принимал участие в работе «русского семинара», организованного обществом австрийско-советской дружбы. На симпозиуме, организованном советским посольством в Австрии, атташе по культуре, молодой человек, только что приехавший из «перестраивающегося» Союза, выступил с сообщением о процессах, происходивших тогда в СССР и затем предложил задавать вопросы представителям разных стран, участвующих в работе семинара. Притом, что сам, еще будучи малокомпетентным, он адресовал эти вопросы мне, как человеку более сведущему в вопросах культуры, литературы и т.д. И вот, когда один из слушателей семинара – испанец средних лет спросил о «зловещей», как он сказал, роли Сталина в истории России, атташе и здесь переадресо-

вал этот вопрос кавказцу – автору этих строк: «Мол, пусть о кавказце говорит кавказец»...

Признаться, я не ожидал такой «перепасовки» со стороны ведущего это собрание и ответил напрямую так, как этот вопрос давно отстоялся в моем сознании. Я сказал, насколько помню, следующее: «Сейчас, когда прошло столько лет с тех самых времен, когда такая страна, как Советский Союз, развивалась под руководством Сталина, трудно говорить о его роли без обстоятельного знакомства или полного ощущения того, что он испытывал, чего опасался, что преодолевал. То есть, в какой реальной социальной и исторической обстановке он действовал... На этот счет сложились разные мнения: одни активно поддерживали эту его деятельность руководства страной, другие, наоборот, столь же активно ее осуждали.

Однако всё в конечном итоге оценивается в связи с «конечным результатом» – выражение, вошедшее в моду во времена Л.И. Брежнева. А этот результат таков: СССР под руководством Сталина стал мощной державой, победил гитлеровский фашизм, стал супердержавой, с которой считаются другие крупные державы, обладающие ядерным потенциалом...

– Но ведь Сталин был чудовищем... таким монстром. Сколько людей он погубил, отправил в лагеря Сибири, я сам видел это. Как это выдержал русский народ, не знаю...

Это сказал господин Шульц, человек немолодой, слушатель моего семинара. Он приходил на семинар, чтобы попрактиковаться в русской разговорной речи, которую выучил, когда был в лагере для военнопленных в Сибири. В беседах со мной он проявлял мудрость и понимание ситуации. И поскольку по возрасту был старше меня, то обычно придерживался в разговоре со мной, да и во время занятий на семинаре, дружеского покровительственного тона: «Дескать, да, я все понимаю. И ваше положение кавказцев в со-

ставс России, и причины нашего разгрома Красной Армией и ваше теперешнее желание что-то перестроить»...

Именно поэтому этот вопрос «господин Шульц» (так я обращался к нему в ответ на его вежливое обращение ко мне – «господин профессор»), обычно учтвого и корректного в обращении, застал меня врасплох. Хотя однажды, когда на моем столе, как всегда, были аккуратно разложены ксерокопии свежих номеров «Правды» и «Известий», и я решил предоставить их в распоряжение слушателей семинара для ознакомления и последующего обзора на русском языке, господин Шульц, приподняв свои кустистые с проседью брови, широко улыбаясь и демонстрируя свою безукоризненную вставную челюсть, наигранно спроси про газеты:

– Это какая «Правда»? Та, в которой нет известий?! Или же «Известия», в которых нет правды?!»

Я, хотя и оценил его юмор, признаться, ничего не смог ему вразумительно сказать и мне ничего не оставалось, как ответить ему легкой улыбкой, в которой, ругал себя я потом, ничего не было, кроме признания своей несообразительности.

Так вот, когда господин Шульц назвал Сталина – монстром, который «держал под страхом» весь русский народ, другие народы Советского Союза, я не выдержал и ответил со всей прямоотой, на которую был способен тогда. Без подготовки и соблюдения «правил игры», которых следовало бы придерживаться при подобного рода дискуссиях, я сказал:

– Вы называете Сталина монстром, чудовищем. Но ведь известно, что в отличие от царей, королей, властителей, отличавшихся грозным взглядом и вошедших в историю именно такими, Сталин не обладал такой внешностью... Наоборот, на людей, с которыми он встречался, причем с европейцами, писателями Лионом Фейхтвангером, Анри Барбюсом и другими, он производил впечатление мягкого, скром-

ного в обращении человеком, отличавшегося невысоким ростом, с рябинками на лице...

– Да, но он властвовал над целым народом, держал в своих руках всю власть... – снова господин Шульц пытался довести свою мысль до конца.

– Скажите, пожалуйста, вы, наверное, как я понял, сочувствуете этому народу, который сами же когда-то пытались закабалить силой оружия Германской армии... Советскому народу же не следует сочувствовать в связи со Сталиным, его «властью», как вы говорите, над ним. Ведь, скажите сами, чего стоил бы этот народ, если бы он соглашался находиться под властью одного этого человека, который даже не отличался грозным видом?!.. Наверное, дело все же в другом: в его более чем тесных связях с народом, который верил в него, в самой системе, которая возникла в стране и которая называлась «диктатурой пролетариата», в его умном руководстве этой системой, против которой выступали враги, как внутри страны, так и за ее пределами...

Я подумал тогда, но не высказал, что в отстаивании идей социализма, их принципов, в укреплении всей системы Советов Сталин, да и другие «инородцы», в том числе кавказцы были более последовательными и честными, более самоотверженными и надежными, чем «случайные» временщики, карьеристы типа Маленкова, Хрущева и др.

В отличие от Сталина, которому «в наследство» досталась огромная страна, и ее надо было поднимать и строить, первые вожди – Ленин, Троцкий и другие, как выясняется теперь, были озабочены «внедрением» и «переворотом», то есть осуществлением захвата власти. Причем, при помощи внешних союзников – европейских держав во главе с Германией, откуда в «пломбированном вагоне» были экспортированы его наиболее активные участники.

Еще недавно, в конце XX века можно было услышать, что вот, дескать, Ленин, Троцкий и другие «пионеры» революционного движения в России были идеалистами и роман-

тиками, которые, бескорыстно и самоотверженно служа идеалам социализма и коммунизма, передали власть прагматичному и жестокому администратору Сталину, а он... Теперь, в начале века XXI, когда открываются архивы и обнаружены документы истории, главным образом иностранные, можно представить себе в полном объеме, какими «романтиками» и «идеалистами» были первые лица – «вожди пролетариата» – Ленин и Троцкий и все те, кто составлял их ближайшее окружение, были, что называется, их «соучастниками»...

Для примера обратимся к статье Владимира Полякова, опубликованной в «Литературной газете» (4 – 10 апреля 2007 г., № 14 (6144), с. 12), которая передает взгляды и умонастроения части общества о вождях пролетариата. Она носит во многом симптоматическое название: «Полюбили стогряча Троцкого и Ильича». И поводом для опубликования послужили документальный фильм «Лев Троцкий. Тайна мировой революции» и последующее обсуждение фильма в Российском Фонде культуры.

Автор статьи задается вопросом: «Какую настоящую роль сыграл в российских революциях Лейба Бронштейн, известный миру как Лев Троцкий? Был ли он борцом за народное счастье, мечтавшим установить его на всей планете? Или изощренным политиканом, сделавшим из революции «хороший бизнес» на грабеже России?»...

В статье приводятся различные мнения участников дискуссий, которые сводятся к утверждению зловещей роли Ленина и Троцкого в истории России: «Закулисье красных лидеров существовало, ибо были военные интересы Запада. Великобритания и США были заинтересованы, чтобы Россия не стала мощной державой, победив в Первой мировой войне. Отсюда поддержка противникам российского самодержавия. Немцы же проигрывали россиянам в войне и экономически, пытались взорвать Россию с помощью партии Ленина... А теперь мы у разбитого корыта смотрим правди-

вый фильм о политическом картежнике и подлеце Бронштейне» (доктор исторических наук В. Лавров).

В ходе дискуссии были отмечены «тайные связи» Л.Троцкого со спецслужбами Великобритании, Австрии, Германии. Так, в 1904 году Троцкого приглашает в Баварию А. Парвус, связанный с крупными военными, политическими и финансовыми кругами Германии. Он и «оказал мощное влияние на ключевые для русской трагедии фигуры Ленина и Троцкого. «Купец русской революции» Парвус посвятил Троцкого в идеи «Соединенных штатов Европы», ослабления роли национальных государств в пользу наднациональных структур. ...Германия выделила деньги Парвусу под его план выведения России из войны через революцию» (Н.Нарочницкая).

Шеф британской разведки в США У. Вайзман, назвавший план по проведению секретной операцией в России «управление штормом», в канун революции направлял туда агентов, которые имели кредит политического доверия в революционной среде и способных повлиять на нее. Позже он напишет, что один из его агентов, «интернациональный социалист», был принят большевиками и допущен к ним. Речь шла о Троцком».

Именно в этот период «вдруг началось непонятное с виду стремительное сближение Ленина и Троцкого, бывших 15 лет непримиримыми врагами и оскорблявших друг друга («Иудушка Троцкий», «политическая проститутка»). И вот теперь – это неожиданно, два самых близких соратника... В конце июня 17-го контрразведка собрала много доказательств о связи ленинцев с немцами. Троцкому и Ленину грозило разоблачение, но в Петрограде начались беспорядки».

Даже, как отмечалось во время дискуссий, Троцкий после Октябрьского переворота «быстро вошел во вкус безответственного властителя», объявив врагам большевизма «беспощадную месть и расстрел», в качестве наркома по иностранным делам являлся, чтобы «уничтожить непобеди-

мую русскую дипломатию на следующий же день после переворота» (Н. Нарочницкая), на переговорах в Бресте «спровоцировал новое наступление», совершает много других провокационных и наносящих вред экономике России поступков: вывоз российского золота в Германию «за месяц до ее капитуляции», его приказ о расстреле солдат чехословацкого корпуса, вызвавшего мятеж, его письма-лозунги «Я хочу сделать войну длительной и популярной», «Да здравствует Гражданская война!», в результате которых «русская революция сопровождалась самым грандиозным хищением в истории»...

Под руководством Троцкого «по-бандитски» разграбили церковные сокровища (доктор исторических наук О. Васильева), «много утекло богатств из страны» (А. Иголкин).

И, наконец, один из самых главных выводов, в котором сошлись участники обсуждения, состоял в следующем: революции и войны, происшедшие в России, «были не исторически закономерными», а спланированными и сконструированными архитекторами «мировой перестройки».

Таким образом, документальный фильм, ставший объектом обсуждения, отобразил новые подходы и оценки событий, связанных с «Октябрьской революцией», деятельностью ее первых лидеров – Ленина и Троцкого, активностью международных сил, стоявших за ними. Как сказано в статье, фильм «документально разоблачает ложные представления о причинах русских революций» и об их «вождях», в перестройку пытались (особо усердствовал журнал «Огонек») представить «пламенных революционеров» героями, трагически павшими в «борьбе великих идей». Но все больше фактов доказывают: под лозунгами о «народном счастье» разрушили и разграбили великую страну.

Вот эту «разрушенную и разграбленную великую страну», скажем к месту, и предстояло поднимать и восстанавливать лидерам и вождям нового поколения – «ленинцам», среди которых немалое число было выходцев с Кавказа, –

И. Сталин, С. Орджоникидзе, Н. Нариманов, А. Джапаридзе, С. Киров, А. Микоян и др.

С этого момента начинается «сталинская эпоха» в истории России, объединившей теперь на новых, социалистических принципах «окраинные народы» в «Союз нерушимый»...

Следует отметить, что если современные историки и политологи навешивают «всех собак» на лидеров первого звена, обвиняя их во всех грехах: своекорыстии, амбициозности, предательстве национальных интересов, в жестокости и «красном терроризме», в разграблении и хищениях, то под эти обвинения никак не подпадают «кавказские революционеры» и, прежде всего связанная с азербайджанской историей «Тройка»: И. Сталин, Н. Нариманов и М.Э. Расулзаде, о которых речь – ниже.

Но сперва о Сталине. С его именем ассоциируется переход от «теории» к «практике», то есть самому «социалистическому строительству» в масштабах огромной страны. Вот почему на нем как бы фокусируется основное внимание всего мира.

В работах, опубликованных о нем в разное время, он упоминается как человек бескорыстный, не стремящийся к личному благу, а тем более к обогащению.

Как было отмечено выше, азербайджанский писатель-эмигрант М. Асад-бек в своей книге указывает на его бескорыстие, преданность революционному делу, во имя которого он совершал террористические акции и экспроприации, и, рискуя жизнью своей и своих товарищей, не только не пользовался их результатами сам, а до последнего рубля снабжал «изъятыми» суммами и поддерживал тем самым «ленинский центр», который мирно заседал в швейцарских кафе за кружкой пива.

20-е и 30-е годы – самая активная фаза в биографии кавказского революционера...

Это было время, когда перекраивалась карта мира. Одни правители уходили, другие приходили им на смену. Марксистская теория, согласно которой «историю делает народ», еще не овладела умами в полной мере... По-прежнему для масс, в том числе и писателей, вершителями мира оставались личности – коронованные и некоронованные правители стран, от воли которых зависело «быть или не быть» миру, свободной или покоренной той или иной стране. Имена этих правителей, а также всемогущих политиков и государственных деятелей большого масштаба и были у всех на устах: Николай II, Ленин, Троцкий, Ататюрк, Реза-шах Пехлеви, Гитлер, Муссолини, Сталин. О них писали, говорили, спорили, высказывали разные точки зрения.

Далекий от теории марксизма, но сознавая ее притягательную силу для социалистов и радикалов всех мастей, М. Асад-бек был внимателен к процессам, происходившим в мире, на оставленной им родине – в СССР, в составе которого оставался и Азербайджан. И тем более – в Германии и Италии, где фашизм, придя на смену монархиям, становился грозной силой, угрожающей миру в Европе и во всем мире. А его лидеры, поднятые на пьедестал истории, уже решали многое, если не все... Как, впрочем, в России, Турции и Иране, после свержения в этих странах монархических режимов.

Асад-бек пишет о Николае II, стремясь осмыслить причины, приведшие к его отречению («Николай II: величие и закат последнего царя». Берлин, 1935), Ататюрке и Реза-шахе Пехлеви («Аллах велик. Упадок и подъем исламского мира от Абдул Гамида до Ибн Сауда». В соавторстве с Вольфгангом фон Вайслом. Вена, издательство «Пассер», 1936), анализируя события, происшедшие в арабском мире, Турции и Иране, и приведшие к смене режимов и правителей в этих странах...

Многим осталась непонятной причина переезда писателя в Италию. Однако если понять его стремление осуществить свой замысел – написать книгу о появившемся в мире

новом лидере Муссолини – «умеренном фашисте», «спасителе нации» и т.д., причем написать с «близкого расстояния», а может быть, даже общаясь с самим дуче, – станет понятным этот шаг писателя, который навещался в Италию не раз и поддерживал отношения с влиятельными итальянцами.

Книга о Муссолини была завершена к 1937 году, был заключен договор с итальянским издательством, которое, однако, не реализовало договор.

Зато другая книга – «Ленин», переведенная с немецкого языка на итальянский, вышла в миланском издательстве «Траверс» двумя годами ранее, то есть в 1935 году.

Еще ранее, в 1932 году, Асад-бек, еще до прихода Гитлера к власти, опубликовал в Германии книгу «Сталин. Карьера фанатика». Она сразу же была переведена на английский язык и издана в США (Издательство «Викинг Пресс», Нью-Йорк, 1932), затем переведена на русский язык и издана в Латвии (книгоиздательство «Филин», Рига, 1932), получив восторженные отклики в печати.

В своей книге, посвященной Сталину, который только еще находился на старте своей карьеры «вождя всех времен и народов», он обстоятельно рассмотрел прошлое своего героя.

Асад-бек был превосходно информирован о жизни и деятельности Сталина, портрет которого воссоздается им как бы с близкой дистанции, с натуры, с учетом реалий времени и точно увиденной обстановки. С подробнейшей осведомленностью в реальной ситуации в партии большевиков и взаимоотношениях, которые существовали между «вождями» разного ранга и разными политическими направлениями.

К слову, о Сталине написаны десятки книг и воспоминаний. Их авторами были люди разных взглядов и занимаемых положений: от Черчилля до личного телохранителя Сталина, от его соратников – деятелей партии и государства до офици-

альных историков и «летописцев». Все они вносили свою лепту в монументально раскрывающуюся перед читателем тему, которая со временем и становится темой вождя.

С середины 30-х годов Сталин начинает привлекать внимание и европейских писателей, которые приезжают в СССР. Увиденное воочию, встречи и беседы с лидером нового социалистического государства дают им материал для книг, которые интересны и сегодня как свидетельства очевидцев, пытавшихся осмыслить новый режим, создаваемый на глазах всего мира. Среди них книги о Сталине, написанные Анри Барбюсом, Лионом Фейхтвангером и др. В середине 50-х годов, после смерти Сталина, своими интересными воспоминаниями о нем поделился Мамед Эмин Расулзаде, рассказав о взаимоотношениях с Кобой в период его бакинской деятельности.

Широк был диапазон интересов к личности и деяниям человека, проделавшего большой путь к самой вершине государственной пирамиды в державе, создание которой трудно представить без его участия и деятельности в целом. Он предстал в этих книгах и работах в разных ракурсах: как личность и человек, партийный и государственный деятель, военачальник и теоретик, руководитель и соратник...

Из этих работ, нередко противоречивых в оценке его деятельности и личности, как бы складывается собирательный портрет. И каждое новое высказывание, новая деталь или характеристика становились своего рода штрихом или коррективом, уточняющими портрет, создаваемый как бы во времени, которое менялось также, позволяя судить о Сталине с новых изменившихся временных и исторических дистанций.

Сегодня можно сказать, что создана «Сталиниана». Это – целый пласт научно-публицистической литературы, которая составляет своего рода коллективный труд по истории могущественной страны, какой представлялся Советский Союз вплоть до его развала. Но эта «Сталиниана» – не толь-

ко история, но и во многом поучительное историческое пособие, которое может объяснять процессы, связанные со становлением тоталитарных режимов, их типологию. И может быть поучительна для осмысления не только прошлого...

Особое место среди работ, написанных о Сталине, занимает книга Асад-бека «Сталин. Карьера фанатика», созданная в 1931-м году и позволявшая европейскому читателю впервые увидеть феномен «революционера-кавказца», уже занявшего в формирующемся большевистском государстве лидирующее положение. Это было интересно и поучительно, так как в Германии, где и была создана эта книга, из самых низов также рвались к власти «фюреры» разного масштаба. И уже через год один из них, придя к власти, заставил заговорить о себе весь мир.

Заслуга Асад-бека состоит прежде всего в том, что он одним из первых, если не первым, создал образ лидера нового типа, пришедшего к власти на волне новой идеологии и в условиях классовой борьбы, которая после Первой мировой войны приобрела особый размах в Европе, США и России.

На примере Сталина Асад-бек создал типичный, объективный, живой, психологически развернутый портрет лидера такого образца. Но одновременно развернул перед читателем «время» и «место», в которых действовал его герой. А если быть точным, он показал социальные и политические предпосылки появления революционера и бунтаря, условия его жизни, его предков, родителей, товарищей по семинарии, соратников и учителей. Идет обстоятельный рассказ об условиях его жизни, детстве, отрочестве, юности, о формировании личности, мировоззрения, словом, обо всем, что и составляет биографию Кобы – верного соратника Ленина. И, конечно же, взаимоотношения с «вождем мирового пролетариата».

А пока до конца 20-х годов, когда в стране, руководимой Сталиным, намечались и определялись тенденции, которые должны были вывести общество к роковому 37-му году, ос-

тавалось еще время. Книга подводит вплоть до начала 30-х годов; она современна в самом точном смысле этого слова. Здесь, в повествовании, как бы намечаются две линии: одна ретроспективно уводит в прошлое Сталина, его детство и молодые годы. Другая, повествующая о жизни и биографии будущего вождя – Кобы, который со временем, расправившись со своими оппонентами, придет к власти, – это своего рода перспектива, открывающаяся перед героем Асад-бека, который точно проецирует образ на десятки лет вперед. И международный читатель (а книга, как уже было сказано, вышла на немецком, английском, русском языках) мог составить представление о человеке, который позднее будет восприниматься в мире как руководитель созданной им супердержавы...

Другое достоинство книги в том, что она и сегодня, спустя 70 лет со дня ее написания, не утратила своего значения, читается с большим интересом, воссоздает многие любопытные моменты биографии Сталина: начало его революционной деятельности, пребывание в ссылках, подпольную работу в Тифлисе, Баку, подробности побегов из Сибири, обстоятельства личной жизни. То есть все то, что, можно сказать, не отражали официальные документы или отражали очень скупо.

Это можно понять: период жизни молодого Сталина был самым «недокументированным», складывался по воспоминаниям и свидетельствам очевидцев. И если учесть, что книга создавалась «за кордоном» писателем-эмигрантом, лишенным возможности наблюдать своего героя с близкого расстояния (преимущество, которое впоследствии получили некоторые современные европейские писатели) или погрузиться в «место действия», то можно оценить в полном объеме ту работу, которую удалось осуществить талантливому историку и публицисту.

Может оказаться оправданной поговорка «нет худа без добра» применительно к условиям работы Асад-бека над

книгой о Сталине. Отсутствие названных выше возможностей в определенной степени компенсировалось наличием других, не менее интересных источников – ярких рассказов, свидетельств живых очевидцев, фактора «устного творчества», которые, так сказать, оказывались под рукой...

В романе «Девушка из Золотого Рога» Асад-бек воспроизводил атмосферу берлинской эмиграции, воссоздавал, в частности, беседы, обмен мнениями, суждениями и сведениями, который происходил в одной из берлинских кофеен, где собирались эмигранты – выходцы с Кавказа, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Эта разношерстная публика жила своей жизнью и несла в себе самую разнообразную информацию, которая в сочетании с книгами и материалами мировой печати могла быть ценным первоисточником для писателя.

Быть может, именно поэтому более насыщенными оказались психологические ракурсы книги о Сталине. Во всяком случае, многие из книг, созданные позднее и опирающиеся на гораздо более обширные источники и документы, уступают книге Асад-бека именно по этой части, из-за отсутствия психологической аргументированности.

Это – особенность метода писателя, стремившегося, прежде всего, понять и показать побудительные мотивы героя, художнически препарировать его сознание, проникнуть в глубины подсознания, почти по З.Фрейду обозначить побудительные инстинкты и намерения. Но одновременно представить его в живом, ярком изложении, в ракурсах истории, в тесной связи с его личностными и общественными исканиями, а главное – лишенным иконообразности.

Безусловно, писавшие о Сталине позднее Асад-бека не могли не учитывать эту его работу. Так, один из главных соперников Сталина – Л.Троцкий, также создавший в эмиграции портрет своего политического оппонента, не мог не учитывать книгу Асад-бека о нем. В частности, касаясь кавказского периода деятельности будущего вождя, Л.Троцкий

писал, ссылаясь на книгу Асад-бека «Сталин. Карьера фанатика»: «В довольно фантастической биографии, написанной Эссад Беем, рассказывается, будто до семинарии молодой Иосиф вел бродячую жизнь в Тифлисе в обществе «кинто»... (Л. Троцкий. «Сталин». Том I).

Следует отметить, что в своей характеристике Сталина Асад-бек исходил не из политических пристрастий, а прежде всего из объективной реальности, способствовавшей самоутверждению и возвышению «кавказского фанатика», который действовал в конкретной обстановке, жил среди людей, представляющих пеструю кавказскую среду. И прежде чем оказаться на вершине властной пирамиды, сполна испытал, как показал Асад-бек в своей книге, все превратности и трудности на своем пути.

Впрочем, об отношении Л. Троцкого к теме Сталина дает представление книга Д. Волкогонова, посвященная этой же теме. Д. Волкогонов пишет: «...Троцкий, решив стать биографом своего смертельного врага, вероятно, обрек себя на творческую неудачу. Это, наверное, самая слабая книга Троцкого. Кроме мести, зла, желчи, у него уже ничего не могло сойти с кончика пера. Да, большим усилием воли Троцкий смог написать семь глав задуманной им большой книги. В ее центре Каин, носивший маски Сосо, Кобы, революционера, могущественного вождя партии и великого народа. Даже не читая книги, каждый, знакомый с отношениями Сталина и Троцкого, может судить о ее содержании. Она написана черными чернилами ненависти, хотя и во многом оправданной».

А драматург и публицист Эдвард Радзинский, создавший одну из лучших книг о Сталине, говоря об экспроприациях, совершаемых молодыми революционерами во главе с Кобой во имя пополнения партийной кассы, переправляемой Ленину, который жил в эмиграции, ссылается в своей характеристике Сталина этого периода на Асад-бека. Э. Радзинский пишет: «Но тогда, в дни далекого 1907 года, Коба, как

писал... Асад-бей, «был прямым и честным, довольствовался малым. Все остальное отсылал Ленину» (Эдвард Радзинский, Сталин, Москва, Издательство «Вагриус», 1997, с. 70).

Мы подробно остановились на этой книге М. Асад-бека о Сталине, потому что она, как никакая другая, дает верное представление о характере действий и жизненных стимулах кавказского революционера, включая и его «бакинский период» деятельности, пребывание в Баилдовской тюрьме, участие в ряде экстремальных ситуаций. Именно в Азербайджане Сталин встречался и сотрудничал с «местными товарищами», среди которых были Н. Нариманов, М.Э. Расулзаде, А. Джапаридзе и другие.

Среди плеяды кавказских революционеров, принявших участие в революции с самых юных лет, Сталин был не первым, кто ее начинал. Но он стал первым, кто смог достичь самых больших высот во властных структурах Кремля, в котором осели надолго, на 70 с лишним лет, представители большевиков.

О том, как торил он этот путь к власти, написано немало. Здесь представляют интерес несколько моментов в связи с его жизнью и деятельностью: а) его роль в создании Советского государства и её оценка; б) особенности и отличия его взаимоотношений с соратниками по партии и государственному аппарату, в том числе с кавказскими их представителями; в) принципы партийности и личных пристрастий в его взаимоотношениях с Кавказом и кавказцами, в том числе с «азербайджанской номенклатурой».

И прежде всего – вехи его жизни и деятельности, вернее, всё, что открывал он в революции, и что открывалось в ней для него самого...

Если представить жизнь как цепь занимательных, приключенческих, авантюрно-детективных и т.п. историй, то вряд ли более интересным и привлекательным для читателя и зрителя могла бы стать жизнь кого-то другого, чем Сталина.

Александр Македонский, Юлий Цезарь, Чингиз-хан, Атилла, Наполеон, Муссолини, Гитлер... О них созданы фильмы, документально-художественные кинолетописи... Хотя в истории человечества они и оставили след как завоеватели, тираны, монстры, истребившие в своих захватнических войнах, затеянных ими же самими, десятки тысяч людей...

Но, парадокс, о Сталине, руководившем битвой против фашистской чумы XX века, победившего того же Гитлера, да и Муссолини, еще не создано ни одного сколько-нибудь полного и законченного фильма, раскрывшего бы его человеческую суть... Хотя его образ и появлялся при его жизни в отдельных фильмах, но это были фильмы о войне: «Падение Берлина» (в роли Сталина – артист Геловани), или эпизоды в других кинолентах – в киноэпопее В. Озерова «Освобождение», в фильме «Огни Баку» и др. И если в киноэпопее образ Сталина как бы отодвигался на второй план, представляя «первый план» маршалам Жукову, Рокоссовскому, Коневу и др. и рядовым героям войны, то в некоторых других случаях, еще при своей жизни «вождь народов» сам «задвигал» в долгий ящик произведение, в котором фигурировал в качестве основного героя. Так случилось с пьесой М. Булгакова «Батуми», повествовавшей о «грузинском» периоде деятельности вождя: несмотря на благожелательный прием в театре, сам Сталин запретил ее постановку...

За редким исключением, книги, посвященные Сталину, отличаются объективностью и непредвзятостью их авторов. При жизни Сталина их авторы, жившие в СССР и писавшие о нем, естественно, могли создавать лишь панегирики, не углубляясь в психологические или эмоциональные сферы, что было чревато для любого автора.

А после смерти Сталина, с подачи Хрущева наметился другой крен в воссоздании образа «вождя народов». В последующем эта тенденция очернительства и предвзятого искажения образа проникает в литературу и кино, в частности,

в претендующего на киноэпопею о войне фильм (по роману А. Чаковского) «Блокада» и др.

В наши дни, когда новые поколения уже не знают или мало что знают о Февральской и Октябрьской революциях-переворотах, их деятелях о Гражданской войне, да и о Великой Отечественной тоже (увы, появились новые поколения, взращенные на иных идеалах и ценностях), некоторые из писателей – бывшие эмигранты, испытывая ностальгию по родине и, возвращаясь в родные пенаты, стараются оправдать себя, свое поведение «невозвращенцев-диссидентов» тем, что начинают создавать фильмы, в которых черными красками замазывают все, даже самое светлое и радужное, как это мы видим, например, в сериале «Московская сага» по роману В. Аксенова. Или на ленту снимается мрачная, по-настоящему трагическая история тех, кто оказался в самом пекле войны (сериал «Штрафбат»)...

При этом красной нитью проходит через такого рода очернительские пристрастные по исполнению фильмы и книги мысль, что во всем этом, во всех бедах народа виноват один лишь Сталин и тот строй, который он создал. Не учитывается при этом такой вопрос: создавал ли он один этот строй?!... Или другой: так уж плох был этот строй?!..

Несмотря на свидетельства очевидцев, отмечавших мягкость и обходительность Сталина во взаимоотношениях с людьми, акцентировали внимание на его жестокости, хитрости и коварстве, игнорировались мудрость и дальновидность, позволившие ему вовремя распознавать врагов и тех, кто наносил ущерб делу, которому он посвятил себя...

Если следовать уже высказанному здесь предположению, что в результате действий скрытых и явных недоброжелателей Сталина, стремившихся изменить избранный им курс и социалистический строй в стране, что эти их действия и привели к краху всей системы и торжеству буржуазии, установлению рыночных отношений, то легко представить и причину, и целенаправленность такого рода фильмов, сериа-

лов, книг, в которых подводится идеологическое обоснование новому «буржуазно-рыночному» строю.

Но другое дело – Сталин. Он не только противостоял этому «рыночному строю», который восторжествовал после него на всем пространстве бывшего Советского Союза в результате неумения или нежелания модифицировать социализм в духе реформ, которые проводились в это же время в Китае с целью усовершенствования политической, экономической и социальной систем, придания им жизнестойкости в противостоянии с миром капитализма, что в конечном итоге привело к кризису в целом ряде бывших социалистических республик (застой, коррупция, сословная дифференциация и т.п.).

«Поражение» Сталина, всей созданной при его руководстве системы социализма, которая простиралась по всему миру в странах Восточной Европы (Польша, Болгария, Венгрия, Чехословакия), в странах Азии (Китай, КНДР, Вьетнам, Камбоджа), в Америке (Куба), можно сказать, дело рук его преемников, оказавшихся несостоятельными в новых условиях, в изменяющемся мире.

Но при этом личность самого Сталина не становится от этого блеклой или малопритягательной для историков, политологов, ученых и писателей. Наоборот, со временем, с разветвляющейся год от года исторической дистанции новые поколения исследователей его дела, процессов, происшедших и всё еще происходящих на территориях стран, которые входили в сферу его влияния, всей «эпохи Сталина», всё более пристально и объективно начнут воссоздавать как его портрет, так и портрет эпохи, названной его именем...

Наиболее удачным можно считать портреты вождя, созданные при его жизни двумя «иностранными» писателями – Анри Барбюсом¹² и Лионом Фейхтвангером¹³ соответственно в 1936 и 1937 годах. Эти портреты созданы с близкой

дистанции, в результате наблюдений, осуществляемых «вживую», в процессе бесед с ним, наблюдений над его образом жизни, его окружением, отношением к нему соратников, народных масс...

Но и эти «портреты» имели некоторую нацеленность: показать живого Сталина, лишённого черт некоего мифологического персонажа, созданного большевистской пропагандой.

Анри Барбюс вместе с тем как бы «заглянул» дальше, определив корни и специфику «культы» Сталина, в котором впоследствии будут упрекать вождя те, кто претендовал потом на такое же «уважение и любовь» со стороны народа. Никита Хрущев, сделавший немало, чтобы опорочить вождя, которому при жизни пел дифирамбы, стремился утвердить свой авторитет, аналогичный авторитету Сталина, но удостоился лишь, по меткому народному выражению, определения «культы без личности»...

Анри Барбюс связал отношение народа к Сталину с его надеждами и ожиданиями лучшего будущего, которое творилось на глазах всего мира. Он писал:

«Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России – подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображен на красных плакатах – рядом с Карлом Марксом и Лениным, – это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создает то, что будет. Он спас. Он спасет»¹⁴.

Ближе всех к «оригиналу» в создании живого, «не ретушированного» портрета вождя оказался М. Асад-бек¹⁵, азербайджанский писатель, обосновавшийся после вынужденного отъезда со своей родины в Германии. Два обстоятельства делают его «зарисовки» более убедительными и точными.

¹⁴ Анри Барбюс. Сталин, с. 111.

¹⁵ М. Асад-бек. Сталин. Карьера фанатика. Б., «Нурлан», 2003.

¹² Анри Барбюс. Сталин. М., «Худож. лит-ра», 1936.

¹³ Лион Фейхтвангер. Сталин. М., 1937.

Во-первых, он пишет, ориентируясь не на «просоциалистического» читателя и лишен каких-либо «коммунистических симпатий», как коммунист А.Барбюс или Л.Фейхтвангер, близкий в то время к коммунистическому движению. М.Асад-бек ориентируется на немецкого и, шире, европейского читателя, стремясь удовлетворить его спрос на информацию о вожде и вообще о вождях, уже заявлявших о себе в некоторых европейских странах...

Во-вторых, он, в отличие от других писателей, опирался на разного рода источники, иногда прямо противоположного характера, что позволяло создавать более выпуклый, развернутый и психологически обоснованный портрет вождя. Это были источники как советские (книги, газеты, журналы, радиоинформация), так и европейские, включавшие в себя информацию и «фольклорные» факты и сведения, содержащиеся в эмигрантских, в том числе «кавказских кругах», обосновавшихся в Европе...

Помимо описания всех перипетий, приведших Сталина к революционному движению, к большевикам и деятелям, группировавшимся вокруг Ленина, его участия в подпольной деятельности в Тифлисе, Баку, других городах Закавказья, его арестов и ссылок в Сибирь, возвращения (побег) в Санкт-Петербург, в канун Октябрьского переворота, М. Асад-бек дает представление о нем, как о личности, его качествах как борца, чувстве долга и ответственности, благодаря которым он заслужил доверие Ленина, назвавшего его «чудесным грузином».

М. Асад-бек приводит в своей книге, получившей широкую известность на Западе, эпизоды, характеризующие молодого Сталина в бытность его на подпольной работе в Тифлисе, а затем в Баку, подчеркивая в них соответственно его честность и самоотверженность, проявляемые им как революционером.

В Тифлисе, на ранних стадиях своего участия в революции, он – руководитель группы боевиков, экспроприрую-

щих государственные деньги для пополнения партийной кассы, в которых нуждались партийные лидеры (Ленин и др.), находящиеся в эмиграции, в Европе.

«Если и признанным, жившим за границей вождям приходилось часто голодать, то тем труднее было положение неприметного Кобы в начале его деятельности. В качестве нелегального, находящегося постоянно в разъездах пропагандиста, он не вправе был искать какого-либо занятия. Партия должна была обеспечить существование своих работников. Но у нее не было к этому возможности. Партийная касса была пуста», – пишет М. Асад-бек о раннем, тифлисском периоде жизни Сталина¹⁶.

М. Асад-беку не было нужды идеализировать образ будущего вождя: он не был сторонником ни Ленина, ни Сталина. До него «вожди революции» составляли тот благодатный «материал», который позволял ему обосновывать мысли о тенденциях и закономерностях, происходивших в политической жизни в Европе и выталкивающих на «поверхность» государственной власти руководителем новой формации – Ленина, Сталина, Муссолини, идущих на смену старым, изжившим себя «лидерам» – Николаю II, например, которому он также посвятил книгу...

Благодаря безукоризненной честности молодого Сталина, отдающего все суммы «экспроприруемых» денег своим руководителям, Центру, он получал «прописку» в плеяде борцов, фанатически преданных революционному делу. Таким «фанатиком революции» и изображает Сталина М. Асад-бек, и этот образ нигде и никем не опровергался впоследствии.

Второй эпизод, впервые представленный в обширной Сталиниане, относится к пребыванию вождя в Баку, в Баиловской тюрьме, где его, дерзнувшего не подчиниться тюремным властям, подвергают физическому наказанию, про-

¹⁶ М. Асад-бек. «Сталин. Карьера фанатика», с. 51.

ведя его через строй солдат, осыпавших его ударами шпиритенов:

«Сталин остался последним и невозмутимо глядел на пытку, которой подвергали его товарищей. Не каждый из них был в силах пройти вдоль всей шеренги, многие, обливаясь кровью, падали уже по пути, теряя сознание.

Сталин смотрел совершенно безучастно на то, что происходило перед его глазами. В руках он держал книжку – ленинскую контрабандную брошюру. Время от времени он заглядывал в книжку и прочитывал несколько строк, как бы заучивая наизусть. Наконец очередь дошла и до него.

«А ну-ка, ударьте покрепче! – скомандовал полковник. Медленно, мерной походкой приблизился Сталин к длинной шеренге. Медленно раскрыл он книжку, остановился на ближайшей странице и, углубившись в далекие мысли вождя, пошел сквозь строй.

Эта дерзость вывела из себя даже солдат. Они яростно хлестали по обнаженному телу, тем безжалостнее, чем безучастнее становилось лицо Сталина, кровь ручьем лила из открытых ран, но ни один мускул на его лице не дрогнул»¹⁷.

Разумеется, этот эпизод, хотя и передающий жестокость наказания, которому подвергался Сталин в Баилловской тюрьме, должен был также представить его человеком железной воли, чуть ли не соответствующим «житиям святых»... Но и здесь М. Асад-бек не идеализировал образ вождя, а пытаясь показать его в соответствии с правдой жизни и обстановкой, сложившейся в Баилловской тюрьме, в окружении заключенных, часть из которых видела в нем лидера и борца, акцентирует в его образе черты фанатика, упрямо и ответственно идущего к намеченной цели. Только так и можно было понять выдержку и стойкость в этой ситуации, которые проявил будущий «вождь народов».

Безусловно это лишь отдельные, но выразительные черты образа революционера.

Ни первый, и ни второй факты из биографии вождя не могли быть использованы в литературе о Сталине, выходящей преимущественно в Советском Союзе. Ведь в первом эпизоде, где он предстал перед читателем в образе боевика-экспроприатора, его деятельность могла нанести ущерб его имиджу «великого вождя», могла интерпретироваться его врагами в идеологически неприемлемом значении. Во втором эпизоде широкая советская публика могла быть шокирована сценами жестокого избиения «любимого вождя»...

Книга, на которую мы ссылаемся здесь, содержит много эпизодов, проливающих свет на биографию Сталина, его взаимоотношения с Лениным, Троцким, другими вождями революции, в том числе с кавказскими лидерами и соратниками. В существующей Сталиниане, созданной людьми разных убеждений, занимающих разное положение, книга М.Асад-бека является одним из наиболее объективных и непредвзятых источников, отражающих момент вхождения Сталина во властные структуры страны, его формирование как лидера государства, чем и можно объяснить обстоятельную ссылку на это издание.

Необходимость переосмысления

В мифологии, которую создали древние греки, существовала строго выверенная иерархическая лестница, ведущая от простых людей-землян прямо к небесам, к богам и властителям дум. Не в состоянии влиять на все то, что происходило в природе, во взаимоотношениях между людьми, в быту, походах, на войне, на суше и на море, древние греки, считая, что все сущее напрямую зависит от богов и богинь, распределивших между собой сферы влияния (Посейдон – моря и всё, что происходило на нем, Дионис – на земле, как покровитель земледельцев, Афина – в сфере проявления че-

¹⁷ М. Асад-бек. Сталин. Карьера фанатика, с. 171.

ловеческой мудрости, Афродита – в сфере любовных отношений и т.д. и т.п.), они, в зависимости от необходимости, взывали к ним, прося у конкретного бога или богини поддержки, а если ее не получали, то обращались в «высшую инстанцию» – к Верховному Богу Зевсу, который принимал окончательное решение... Но даже воля Зевса, олицетворяющего высшую Власть на земле, решала не всё. Ибо, по мнению греков, в жизни и на земле многое было предопределено Роком («Ананке») или, говоря проще, Судьбой, менавшей, если так уж было суждено, даже волю Зевса...

Рок, Судьба – вот что довлело над человеком, личностью. Это стало темой большинства трагедий древнегреческих драматургов, герои которых не могли переступить установлений Рока, выйти за «круг», который был им предначертан. И это касалось не только человека, но и богов...

В случае со Сталиным, Наримановым и Расулзаде, безусловно, бескорыстных революционеров, точнее было бы говорить о злом Роке, злой Судьбе, которая довлела над ними еще при жизни, но в особенности после смерти.

Это прежде всего касается азербайджанских деятелей освободительного движения – Нариманова и Расулзаде, над которыми были еще и «верховная власть» Сталина, а также созданного им партаппарата, который со временем должен был поглотить их, подобно тому, как по мифологии тех же греков, Зевс поглощал своих грудных детей, боясь, что они, став взрослыми, могут отобрать у него Власть.

Перейдем от мифологии к истории, в которой помимо «белых пятен» все еще остаются неосмысленными многие темы и проблемы, связанные с жизнью и деятельностью политических и государственных деятелей, о которых идет речь. Здесь оговорим, что и Нариманов, и Расулзаде имели прямое отношение к литературе. Как писатели и публицисты они внесли свой вклад в культурное и литературное наследие своего народа. Рассматривая их общественную и политическую работу, следует иметь в виду и этот аспект их дея-

тельности. И в целом общественную и культурную обстановку, в которой они действовали как политики и писатели.

К сегодняшнему дню постепенно эти «белые пятна» заполняются. Начинает вырисовываться панорама социальной, культурной и литературной жизни Азербайджана в период противостояния «мусаватизма» и «большевизма» – двоих крайних политических направлений, разъединивших Н. Нариманова и М.Э. Расулзаде, выступавших в первоначальные стадии освободительного движения в Баку и Азербайджане с общей платформы борьбы с самодержавием.

Научная мысль стремится проникнуть в самые сложные и противоречивые моменты отечественной истории. Вот, например, один, можно сказать, забытый надолго и почти неизученный пласт истории и литературы приходится на 1918 – 1920-е годы – период утверждения Азербайджанской Демократической республики, много сделавшей для развития культуры и образования народа: были открыты университеты в Баку и новые педагогические училища, на средства, выделенные правительством, более 100 человек были направлены в Европу для получения высшего образования, большое внимание уделялось изучению азербайджанского языка и истории. Среди активных деятелей этого периода известно немало подлинных знатоков истории и культуры, разносторонне одаренных людей, получивших как традиционное восточное, так и европейское образование.

Однако изучение этого периода советскими историками, не говоря уже о литературоведах, было односторонним, связывалось преимущественно со вниманием к деятелям и событиям, имеющим отношение к Советской власти, ее утверждению в Азербайджане. Дело доходило до курьезов. В научной монографии, освещавшей «борьбу Коммунистической партии Азербайджана за установление Советской власти», можно было, например, не найти ни имен М.Э. Расулзаде, ни имен деятелей Азербайджанской демократической республики.

Чтобы получить информацию о ситуации, сложившейся в Азербайджане в конце Советской власти, узнать больше о действующих здесь политических силах, я перелистал труд, специально посвященный борьбе большевиков с другими партиями и... просто не обнаружил их, этих партий, в многостраничной книге. Не было сведений ни о Республике Азербайджан (1918 – 1970 гг.), ни о ее парламенте, партиях, в нее входящих, их деятелях, правительстве, премьер-министре, министрах. Речь шла только о борцах за Советскую власть. Только они боролись не с реальными силами, а с тенями... Автор, желая подчеркнуть вклад Компартии в победу Советской власти в Азербайджане, тем самым невольно умалил значение этого вклада... Ведь бороться с «тенями» не составляет большого труда. Конечно, можно понять, многое было и запрещено... И еще: на противоположном полюсе борьбы находились выдающиеся деятели азербайджанской истории и культуры. Воодушевленные идеей создания азербайджанской государственности, они внесли большой вклад в развитие духовной и материальной культуры народа. Это нельзя перечеркнуть или умолчать...

В азербайджанскую литературу лишь в конце 50-х – начале 60-х годов постепенно возвращались имена тех, кто был непосредственно репрессирован в годы «бериевщины». Их было около трети из числа всех членов Союза писателей Азербайджана. Под действие репрессивных решений попали такие известные писатели, как Гусейн Джавид, Юсиф Везир Чемазминли, Сеид Гусейн, Микаил Мушфиб, Султан Меджид Ганизаде, а также многие из тех, кто активно содействовал развитию национальной культуры, литературы и языка, а потому и был объявлен «националистом», «пантюркистом», «мусаватистом» и просто «шпионом» империалистических держав.

Но любопытно другое. Избежать «злого рока» не смогли даже те, кто подобно Нариману Нариманову не дождался трагических лет, когда силы зла, олицетворяемые сталин-

ским партаппаратом, взяли верх и был вовсю запущен маховик террора и репрессий.

В истории Азербайджана Нариман Нариманов был одной из самых сложных личностей, многогранно реализовавшей свое человеческое и политическое кредо, свою мораль, свой дар. Его помыслы были неотделимы от будущего народа, которому он, не жалея сил, посвятил талант литератора, врача, гражданскую энергию, всю свою активность политика. И при этом, несмотря на изменения политической ситуации, давление отдельных функционеров (об этом мы узнали из печати позже), сложное переплетение разнородных интересов, обнаружившихся в руководстве, остался верен себе, той руководящей им идее, которая определила всю его жизнь, его судьбу.

Если представить пройденный им путь, то можно обнаружить удивительную последовательность, с какой он продвигался к своей главной цели, как порой, меняя методы и формы своей деятельности (иногда вынужденно, под давлением обстоятельств), следовал той идеальной программе совершенствования действительности, которую избрал для себя однажды и остался ей верен до последнего своего часа.

А поскольку в жизни все было не так просто и ясно, как в «Кратком курсе ВКП(б)», и поскольку уже с первых лет Советской власти отчетливо обозначается и правое, и левое крыло, возникают дискуссии и «поляризация мнений», то можно представить себе, как это отражалось на таком человеке, каким был Нариманов, на его политической деятельности и служебном положении, на его умонастроениях и судьбе.

Историки (да и литературоведы также) сделали немало, чтобы представить его последующим поколениям подобным тому монументу, который возвышается на одной из площадей Баку, и каким по существующему стереотипу должен быть революционер такого масштаба. Он еще мало известен нам как личность, как человек, которому была свойственна

целая гамма разноречивых, связанных с его художественной натурой ощущений и интересов, особенно если иметь в виду его близость к творческой интеллигенции, к театру, в котором он не только ставил свои пьесы, но и сыграл однажды роль в «Ревизоре». Не представлен в ракурсах повседневных забот и дел. Наконец, не раскрыт психологически, хотя и создано о нем немало произведений, как правило, незрелых в смысле раскрытия всей глубины его внутренней жизни, переживаний, сомнений, перепадов в настроениях.

Очень этому могли бы содействовать его литературные произведения, дневники, письма: некоторые из них до сего времени спрятаны глубоко в архивах. До сих пор, например, остается неизданным 3-й том его сочинений в 3-х томах, которые начали издаваться еще в советские годы (1988 – 89 гг.).

В своих произведениях он открывается человеком удивительно цельным и гармоничным, многосторонне одаренным, открытым для восприятия всего нового и передового, тонко чувствующим и ранимым. А главное – совестливым и благородным в своих помыслах. Ведь были же в среде дореволюционной интеллигенции люди, которые, имея достаток, жили в свое удовольствие в то время, когда рядом протекала жизнь, полная лишений и невзгод.

Именно совестливость и высокая нравственность привели интеллигента Нариманова в революцию, подвинули на жизнь, полную лишений, риска, бессонного труда. Учитель, врач, журналист, лектор, писатель, просветитель, общественный и политический деятель, руководитель республики, один из представителей ЦИК СССР, – все это и этапы одной жизни, и пример бескорыстия (ибо тогдашние руководители не были «обременены» привилегиями).

Да и в своем художественном и публицистическом творчестве, если брать его широко, в единстве всего написанного им, он был многогранен, синтезируя в своем творчестве богатейший опыт жизни деятеля культуры и просве-

дителя, политика и государственного мужа, философа-марксиста, который имел свою, применимую к условиям всего мусульманского Востока, программу революционного преобразования. Он был идейным, в самом глубоком и точном смысле этого слова, деятелем партии, в которой уже тогда обозначается аппаратная структура, идет борьба за лидерство и власть.

Все это мучительно переживал Н. Нариманов, осознававший в начале 20-х годов противоречивость момента и опасавшийся за будущее строящегося социалистического общества. Об этом свидетельствует опубликованное в 1988 году письмо к сыну, а также «обширный доклад в ЦК» и некоторые другие, принадлежащие перу Нариманова документы. Они чрезвычайно важны для понимания эволюции его взглядов и настроений. А главное – мотивов сопротивления и противодействия бюрократическим тенденциям в высшем эшелоне власти, примириться с которыми он, как интеллигент и революционер, не мог.

Принципиальность, смелость и решительность, с какими он выступил против негативных тенденций, служат его чести и одновременно ставят в ряд с жертвами той вакханалии произвола и репрессий, которая достигла своей кульминации в 37-м. Но парадокс: занимая в партии и государстве видные посты, «возвышаясь», в номенклатурных списках, он уже начал испытывать обструкцию, был поставлен в условия, которые неизбежно привели бы его к положению «возмутителя спокойствия» или оппозиционера по отношению к возглавляемому Сталиным ЦК.

В его жизни резко обозначены два этапа борьбы: до и после революции. И неизвестно еще, какой из них был для него труднее, больше отнимал сил и энергии. Как видно из «открывшихся» нам документов, было одинаково непросто быть профессиональным революционером и отстаивать свои убеждения, свое кредо истинного партийца.

И еще. Не все, возможно, помнят, что уже вскоре после смерти Нариманова, его имя как бы исчезло со страниц газет, а творчество, мягко говоря, осталось лишь в анналах истории литературы. Как-то незаметно исчезло его имя и с названия Института восточных языков при МГУ. После смерти он как бы стал объектом мести и «высочайшего» гнева разного рода «вождей». Хотя официально и не был репрессирован, а похоронен на Красной площади с почестями, приличествующими его высокому положению в государстве.

Лишь со второй половины 50-х годов началась своеобразная реабилитация писателя и политического деятеля. Выходят его произведения на азербайджанском и русском языках и перед читателями новых поколений открываются разнообразие и яркие сцены из прошлой жизни, пестрая галерея социальных и политических типов от монарха-деспота («Надир-шах») до авантюристов, ханжей разного рода («Шамдан-бек», «Пир» и другие). Мы становимся свидетелями сложностей и противоречий, с которыми сталкиваются молодые люди из романа «Багадур и Сона», понимаем причины трагического положения низов («Невежество»), осознаем многое из того, что в сущности стимулировало его активность на политическом поприще.

В связи с нашим сегодняшним пониманием роли Нариманова в общественном и литературном процессе своего времени, обращением к его наследию и всему, что делает это наследие актуальным и заслуживающим самого пристального внимания сегодня, хотелось бы сказать вот о чем.

В одной из прошлых публикаций сказано следующее: «Обществу нужно его наследие (имеется в виду Нариманов – Г.Г.), особенно той части, что пережила испытание временем. С этим нельзя не согласиться. Но почему именно эта «часть» наследия?! Не вдаваясь в детализацию, хотелось бы вообще предостеречь от такой «избирательности»... Ведь такой отбор, как мы знаем, уже делался в прошлом, в советские времена. Причем его результатом стало то, что самые

важные свидетельства-документы только в обстановке гласности увидели свет. Однако русский перевод рассказа «Злоключения одного села» (другой вариант названия «Дядя»), осуществленный более двадцати лет тому назад автором этих строк, долгое время, по-видимому, в силу заложенного в рассказе «иносказания» не мог получить редакторское «добро». Не удалось добиться этого даже по случаю юбилея писателя. Рассказ не вошел и в I том трехтомного собрания сочинений. И лишь позднее этот рассказ-памфлет наконец-то увидел свет в журнале «Литературный Азербайджан».

И второе. Мы свидетели крушения стереотипов и догм. Предстоит многое переосмыслить и в деятельности Нариманова, которое, будучи многосторонним, отражающим широкий спектр творческих, профессиональных интересов, участия в политической, социальной и культурной жизни общества, его роль в истории Азербайджана, страны, нуждается в более углубленном осмыслении, в изучении его в контексте перемен, происходящих в стране, известных событий в республике.

И нет сомнения, что в фундаментальных, жизненно важных проблемах, таких, как суверенитет и независимость республики, экономическое самоопределение, развитие национальной культуры и языка, укрепление межнациональных отношений, государственного строительства, демократия и плюрализм Нариманов остается провозвестником перемен, мудрым и дальновидным политиком, человеком, символизировавшим собой единство слова и дела. А главное – верным идеалам просветителя народа и его заступника, которым он свято следовал всю свою жизнь, доминантой которой была верность себе, своим идеалам, принципам бескорыстного служения народу.

Предстоит еще большая работа по выявлению новых фактов, деталей, объясняющих его человеческий подвиг, помогающих понять его подлинный вклад в историю народа. Нет сомнения, что полный и обстоятельный анализ всего

того, что он сделал при жизни, еще более приблизит его образ к нам и к грядущим поколениям.

В еще большей степени это относится к творческому наследию М.Э. Расулзаде, сведения о котором появляются уже после обретения страной независимости. Как убежденный сторонник независимого Азербайджана, свободного от власти большевиков, он, естественно, не мог претендовать в условиях советской власти на известность у себя на родине. Да и позднее, когда эта власть осталась в прошлом, его имя не сразу заняло подобающее ему место в стенах борцов за независимый и суверенный Азербайджан. Его труды, статьи и выступления, изданные в разных странах (в Турции, Польше, Германии, Иране и др.), все еще не собраны вместе и мало изучены. До сих пор осталось неизданным собрание его сочинений, не говоря уже о переводе их на другие языки. Некоторые публикации и издания книг М.Э. Расулзаде стали возможны в результате активности отдельных энтузиастов-любителей и ученых, специально исследующих наследие этого выдающегося деятеля азербайджанской истории. Издание и исследование его работ также становится актуальной задачей наших дней.

Сегодня, когда на всем постсоветском пространстве кипят неумемные буржуазные страсти, а оказавшиеся во властных структурах люди, называя себя демократами, прокладывают дорогу к богатству и власти, откровенно порой демонстрируя свои хищнические амбиции, когда, можно сказать, завершилась некогда романтически начатая фаза «социального равенства» и многие, утратив опору в нравственных и моральных установлениях прошлых времен, ищут теперь опоры в религии, в возврате к исконно народным, традиционным ценностям, а иные в по-капиталистически циничном первоначальстве как залоге возможного благоденствия, нелишне будет вспомнить и представить себе еще раз людей, которые были и в нашей азербайджанской истории, людей честных и бескорыстных, думающих о своем народе, о

его завтра, и всеми своими силами и энергией прокладывая путь к его счастливому будущему. Эти люди стоят нашего уважения и поклонения сегодня и в будущие времена...

Посвящая им эту книгу, я хочу оговорить, что включаю в нее свои публикации прошлых лет, соответствующие ее тематике и созданные в разных жанрах (очерка, статьи, рецензии, пьесы, сценария документального фильма и др.). Причем оставляю все тексты без изменений, как они были написаны и опубликованы в свое время, ибо считаю, что эти публикации, их расположение в книге, есть своего рода и «хроника», представляющая и объясняющая развитие отношения к этим деятелям на протяжении определенных лет и периодов, когда «колебались» и менялись взгляды на их роль и деятельность.

Поскольку публикации даются без каких-либо текстологических изменений так, как они и были опубликованы в свое время, то в них вероятны повторы отдельных мыслей и описаний (за что автор приносит свои извинения читателю), которые однако позволяют в некоторой степени сохранить «колорит» времени написания, используемые в соответствующие годы фразеологию, лексику и стиль.

ПУБЛИКАЦИИ

НОВАЯ ВСТРЕЧА С БАХАДУРОМ И СОНОЙ

Вышел из печати сборник произведений выдающегося азербайджанского писателя-революционера Наримана Нариманова. Это не первое издание его на русском языке. В 1925 году, к тридцатой годовщине литературной деятельности писателя в переводе на русский язык появились повесть «Пир» и драма «Надир-шах», изданные отдельной книгой. Тогда же был опубликован сборник его статей и писем. А в 1926 году увидели свет основные произведения писателя, собранные в двух томах.

Отражая идейную борьбу, происходившую на всем мусульманском Востоке, книги Нариманова, как оценивала их советская критика тех лет, сыграли значительную роль в революционном перевоспитании трудящихся масс. С тех пор прошло немало времени, и эти издания стали библиографической редкостью.

В новом издании собрано почти все, что создано Н. Наримановым на протяжении двух десятилетий, с 1894 по 1913 годы. В книгу вошли повести «Бахадур и Сона» и «Пир», пьесы «Невежество», «Шамдан-бек» и «Надир-шах». Идейная направленность этих произведений ярко свидетельствует о непримиримости писателя к отрицательным явлениям действительности.

Уже в ранних своих произведениях Н. Нариманов, по словам Луначарского, кровно связанный с «марксистско-ленинской идеей, с одной стороны, и восточными массами – с другой», выступает как художник-гуманист, для которого судьба родного народа дороже всего. Писатель правдиво рисует картины вековой отсталости и патриархальной жизни деревни, обличает невежество людей, не понимающих пользы науки и просвещения («Невежество») и вместе с тем

вскрывает неприглядную суть буржуазной «цивилизации», указывает на губительную и растлевающую силу денег, ради которых забывают о чести и совести люди, подобные Шамдан-беку («Шамдан-бек»). Затрагивая насущные проблемы современности, писатель на материале истории доказывает порочность деспотической системы управления государством, приводящей к печальным бедствиям широких народных масс («Надир-шах»). В обстановке усиливающегося разгула буржуазного национализма, поддерживаемого царским правительством, сеявшим вражду между братскими народами Закавказья, Н. Нариманов провозглашает идею дружбы народов, осуждает национальную кичливость и ограниченность, воспевает любовь, которая поднимается выше национальных и религиозных различий и предрассудков («Бахадур и Сона»). Это было время, когда защита интересов трудящихся встречала злобное противодействие прежде всего со стороны мулл и духовенства, и Нариманов направляет острие своей сатиры против исламской религии и ее служителей, мошеннически обирающих народ («Пир»).

Персонажи ранних произведений Н. Нариманова – это, прежде всего, жертвы общественных и религиозных предрассудков. Таковы, например, Омар – герой драмы «Невежество», гибнущий оттого, что он не в силах больше жить в темноте, и Бахадур, попытавшийся перешагнуть пропасть, отделяющую людей разных национальностей и вероисповеданий в условиях феодально-патриархальной действительности. Следует отметить, что в повести «Бахадур и Сона» автор, показывая столкновение нового и старого, вкладывает в речи Бахадура свое понимание причин отсталости мусульманских масс. Это придаст повести публицистическую направленность. Стремясь выявить истоки разобщенности христиан и мусульман и определить причины экономической и политической отсталости своей страны, Бахадур в разговоре с Соной затрагивает вопросы религии и ее места в мусульманском государстве. Нариманов касается

в повести также вопросов журналистики и языка, эмансипации женщин и школьного образования, проблем воспитания, места современной ему литературы в жизни народа. Выдвигая эти проблемы, автор остро полемизирует с консервативными силами общества, которые тщатся как можно дольше удержать трудовой люд в состоянии нищеты и неграмотности; он целиком и полностью на стороне Бахадура и его друзей. Эти проблемы, поднимаемые Наримановым, волновали тогда многих свободомыслящих молодых людей, передовую азербайджанскую интеллигенцию, и, естественно, писатель не мог обойти их. Характерная особенность «Бахадура и Соны» состоит в том, что в повествование о влюбленных органически вплетаются диалоги и беседы, в которых освещаются проблемы, выдвигаемые самой жизнью, историей.

К истории писатель обращается, стремясь выявить корни произвола и тирании. В исторической драме «Надир-шах» Нариманов делает попытку объяснить причины народной нищеты. Он передает атмосферу придворных интриг, военных заговоров, в результате которых один тиран сменяет другого, рисует тяжелую жизнь крестьян, разоряемых грабительскими податями.

В центре драмы – колоритная фигура Надир-шаха, который в начале пьесы ничем не отличается от правящей клики, так же грабит и разоряет крестьян, видя в этом проявление геройства, но затем прислушивается к словам своего дяди Джавада, осуждающего разбой, призывающего Надира помочь народу и свергнуть тирана.

Надир-шах, этот предводитель восточной пугачевщины, пытающийся провести некоторые реформы и преобразования в стране, терпит поражение в силу объективных закономерностей развития истории.

В ряду морально-этических проблем, выдвигаемых драматургом, следует отметить проблему растлевающего влияния «золотого тельца». В комедии «Шамдан-бек» Нариманов резко осуждает людей, не гнушающихся ничем ради

приобретения богатства, ценой предательства строящих свое личное благополучие. В разработке такой темы Наримановым нельзя не почувствовать влияния драматургии Гоголя. Писатель высоко ценил комедии Гоголя и, как известно, перевел «Ревизора» на азербайджанский язык и сам был участником спектакля, сыграв в нем роль городничего. Наримановский Шамдан-бек напоминает гоголевского Хлестакова. Сосредоточив на Шамдан-беке весь огонь своей сатиры, автор подвергает его беспощадному осмеянию.

В разоблачении пороков феодально-патриархального общества Н. Нариманов продолжает традиции М.Ф. Ахундова. Но он идет, конечно, гораздо дальше. Будучи очевидцем и активным участником классовых боев эпохи пролетарских революций, он подходит к событиям с позиций писателя-революционера. В его творчестве находит свое выражение гневный протест униженных и оскорбленных, обманутых духовенством людей. Этот протест особенно мощно звучит в словах Гюльбадам, героини повести «Пир». Бедная женщина, желая спасти своего сына, публично проклинает священный очаг, место паломничества верующих мусульман, ввергая окружающих ее набожных людей в смятение.

В новое издание произведений писателя-революционера, к сожалению, не вошли фельетон «Хевта феряды» («Недельные стоны») и рассказ «Злоключения одного села», известный также под названием «Дядя». Изданные впервые за годы Советской власти лишь в 1956 году, они до сих пор остаются неизвестными русскому читателю.

Произведения, вошедшие в рецензируемую книгу, хорошо переведены на русский язык. В них устранены недостатки, встречающиеся в более ранних изданиях.

Гасан Гулиев
(«Литературный Азербайджан»,
1964, № 1, с. 110 – 111)

ТАЛАНТ, ОТДАННЫЙ НАРОДУ

К 95-летию со дня рождения Наримана Нариманова

История азербайджанской литературы насчитывает немало поэтов и писателей, всецело живших интересами народа. Особое место среди них занимает выдающийся писатель-революционер Нариман Нариманов, творчество которого отражает целую историческую эпоху в жизни азербайджанского народа.

Какие же вехи стали решающими в формировании мировоззрения писателя?

Революционные события, потрясающие все Закавказье, с каждым днем нарастающая волна протеста рабочих и крестьян против угнетателей – все это не могло не оказать сильного воздействия на молодого Н.Нариманова, тогда еще учащегося Горийской семинарии, зачитывающегося произведениями Пушкина, Гоголя, Гете, Байрона, М.Ф.Ахундова и Сабира. Мировоззрение будущего писателя формировала сама жизнь, а также просветительские и гуманистические идеи того времени. Н. Нариманов, вначале захваченный этими идеями, готовится к культурно-просветительской деятельности. Тогда же возникают первые литературные замыслы, проступают очертания будущей драмы «Невежество».

Необычайно трудной, интересной и многогранной представляется жизнь Нариманова в эту пору и в последующие за окончанием семинарии годы. Учительствуя в азербайджанских школах Тифлисской губернии и Баку, он в то же время принимает активное участие в театральной жизни, стремится к издательской работе, развивает бурную общественную деятельность, сотрудничает в бакинских газетах и, наконец, отдается своему любимому делу – литературе. Это обращение к просветительской и литературной работе было вполне закономерным для Н. Нариманова, видевшего смысл жизни в служении своему народу.

Политическое пробуждение широких народных масс было нелегкой задачей. В самом деле, как использовать литературу и печать в деле перевоспитания масс, воздействие на сознание и разум трудящихся, если большая их часть не умела ни читать, ни писать? Как высвободить этих неграмотных людей из-под влияния духовенства, умело использующего их темноту и невежество?

Может быть, именно поэтому Н. Нариманов обращается прежде всего к театру, как искусству наиболее демократическому.

Таким образом, обращение Нариманова к драматургии не было случайным. Его первая драма «Невежество» приподняла завесу и обнажила истинную причину отсталости обездоленного крестьянства.

«О, невежество превращает человека в зверя! Будь оно проклято!» – так автор устами своего героя Омара выносит приговор старому миру.

Теме растлевающего влияния денег в буржуазном обществе посвящена следующая пьеса, на этот раз комедия, «Шамдан-бек», в которой Нариманов во всей неприглядности раскрывает образ проходимца Шамдан-бека, типичного представителя той буржуазной среды, которая десятками и сотнями порождала авантюристов, не брезговавших ничем ради обогащения. Комедия «Шамдан-бек» создавалась не без влияния гоголевской драматургии. Как известно, Н. Нариманов высоко оценивал произведения Гоголя и горячо пропагандировал его творчество в Азербайджане. Он перевел комедию «Ревизор» на азербайджанский язык, и, поставив ее, сам выступил в роли городничего. Центральный персонаж пьесы – Шамдан-бек – это азербайджанский Хлестаков. По-сабировски, яркими и красочными мазками обрисовывая фигуру этого нечестного и отвратительного в своей корысти человека, Н. Нариманов подвергает осмеянию не только шамдан-беков, но и тех, кто помогает им продвигаться и утвердиться в обществе. Шамдан-беки строят свое

благополучие на несчастье других людей, как это происходит в пьесе. Автор показывает, что есть сила, способная обуздать шамдан-беков, остановить разрушительное действие этих бессовестных, достигших окончательного морального падения людей. Это – единство всех честных людей.

«Если бы люди были всегда едины, если бы они всегда действовали сообща, им не нужны были бы ни кинжалы, ни ружья, ни пушки!» – говорит он.

Пусть этот призыв найдет сочувствие и поддержку не у всех, пусть он несколько декларативен. Но семена брошены, и они со временем дадут благодатные всходы!

Несомненно, пером писателя водила вера в лучшее, что есть в народе, убежденность в конечном падении режима самодержавия и скором наступлении часа освобождения для всех трудящихся.

Сам Н. Нариманов как революционер и писатель сделал немало для будущего своего народа.

Первым в истории дореволюционной азербайджанской литературы приняв на вооружение революционную марксистско-ленинскую эстетику, он активно участвовал в крупнейших событиях своего времени, сражаясь словом и делом за народ.

Для самого Н. Нариманова этот путь не был прямолинейным и легким, как это иногда изображают некоторые исследователи его творчества. Преодолевая узость и ограниченность буржуазного «просветительства» и идеологию реформизма, писатель-революционер пришел в ряды партии коммунистов, поняв, что только социалистическая революция может обеспечить возникновение справедливого общественно-политического строя и навсегда покончить с эксплуатацией.

Но этому предшествовали мучительные поиски путей, размышления о жизни родного народа и глубокое изучение его истории.

Историческая пьеса «Надир-шах» в определенной степени отражает эти раздумья писателя над судьбами много-страдального народа, на протяжении всей своей истории угнетаемого и разоряемого тиранами, безнаказанно творившими произвол. Эта драма свидетельствовала также и о некоторых противоречиях в мировоззрении раннего Нариманова. По цензурным соображениям писатель не мог поставить и разрешить проблему тирании на «местном» материале и вынужден был обратиться к истории соседней страны – Ирана. Но и те выводы, которые он сделал в процессе изображения исторической действительности, вызвали неодобрение слуг самодержавия, основная же идея произведения просто напугала их, и пьеса была запрещена для постановки.

История Ирана, как и многих других восточных стран, была насыщена военными переворотами, в результате которых один тиран сменял другого. Именно эту атмосферу придворных интриг, заговоров и кровавых дворцовых расправ воскрешает драматург, сосредоточивая основное внимание на фигуре Надир-шаха, который в начале пьесы, ничем не отличаясь от правящей клики, так же притесняет, грабит и разоряет крестьян, находя в этом даже особое удовольствие и проявление геройства. Но вскоре, прислушавшись к словам своего дяди Джавада, призывающего его выступить в защиту народа и свергнуть тирана, Надир-шах освобождается от своих заблуждений.

Надир-шах пытается проводить широкие реформы и преобразования, но терпит поражение. Это соответствует объективным закономерностям развития истории. И сила Нариманова-драматурга в том, что он, верный правде жизни и истории, реалистически и объективно показывает это крушение планов своего героя, несмотря на то, что в какой-то степени сам разделял мысли героя о необходимости реформ на благо народа. Таким образом, следуя логике развития истории, писатель идет дальше своих убеждений и наглядно показывает невозможность осуществления реформ при на-

личии самодержавного строя и тирании. И сама жизнь потом не раз подтверждала справедливость этого вывода.

Появление романа Н. Нариманова «Багадур и Сона» было своего рода знаменем времени. В обстановке обострившейся классовой борьбы и наступления реакции, когда царское самодержавие и местные проводники его политики сеяли вражду между народами и, главным образом, между армянами и азербайджанцами, роман Н. Нариманова был своим острием направлен против темных сил реакции и национализма и выражал умонастроение передовой части общества. Он был направлен также против тех представителей буржуазной интеллигенции, которые подпевали на разные голоса местным эксплуататорам: нефтепромышленникам, купцам и помещикам, не желавшим резких преобразований во имя народа и отчаянно цеплявшихся за старое, отживающее. В идейной борьбе своего времени писатель выступил с беспощадной критикой всего, что тормозило поступательное движение общества, нанеся сокрушительные удары своим противникам.

Воспользовавшись жанром романа как наилучшим средством для выражения своих взглядов и революционных идей, Н. Нариманов, следуя традициям азербайджанской литературы, в основу своего произведения положил любовную историю двух молодых людей, в трагической судьбе которых роковую роль сыграли отсталые представления и различные предрассудки, так ревностно защищаемые реакционерами.

«О, эта пропасть, разделяющая людей! – восклицает Багадур. – Я пытался уничтожить ее, она убила меня... Но я верю – когда-нибудь она все-таки будет уничтожена...»

Осуждая национальную кичливость и ограниченность и убедительно показывая то, как они мешают счастью простых людей, писатель берет на прицел религию – одну из основных причин всех бед и несчастий народных и старается обнажить ее реакционную сущность.

Н. Нариманов хорошо видел, что отсталость широких масс народа усугубляется политической инертностью некоторой, наиболее темной, части крестьян и рабочих, их упованием на «аллаха» или на могущественного земного «владыку» – бека, хана, капиталиста-заводчика, сельского кулака-кровососа. Невежество, это следствие необразованности, часто перерастало в неумение разобраться в насущных общественных и политических вопросах, как это изображается в «Злоключениях одного села». В этом рассказе-памфлете наглядно показано, как крестьяне, доверившись авторитету и власти местного богача и старшины и видя в них «благодетелей», сами, таким образом, обрекают себя на унижения и притеснения со стороны властей. Писатель с горечью иронизирует по поводу такой пассивности, которая в конце концов приводит к тому, что всемогущий деревенский богач, воспользовавшись доверчивостью и ленью крестьян, водит их за нос, отнимая при этом у них право на участие в общественных делах.

Богатая оттенками, сатира Н. Нариманова служила высоким общественным идеалам. Она не боялась задеть «святыне», религиозные чувства сограждан и была по самым главным, наиболее злокачественным язвам общественной и политической жизни, среди которых не последнее место занимал религиозный фанатизм покорных духовенству темных, непросвещенных людей.

Повесть «Пир» – одно из лучших созданий писателя и, может быть, лучшее антирелигиозное произведение во всей азербайджанской дореволюционной литературе. Высоко оценила ее и русская критика 20-х годов. Анализируя повесть, вышедшую на русском языке в 1925 году, С. Вельман указывал на определенную идейную родственность повести некоторым произведениям западноевропейских литератур, и в частности роману Э. Золя «Лурд» и книге Э. Синклера «Выгоды религии», в которых также раскрывается обман духовенством религиозных масс. С. Городецкий в ста-

ть, опубликованной в журнале «Искусство трудящимся» (№ 18, 1925), писал:

«По силе художественной убедительности повесть «Пир» долго еще будет могучим рычагом пробуждения масс Востока от невежества и религиозного фанатизма».

В этой повести писатель выступил с острой критикой феодально-патриархальных отношений и в ярко нарисованных бытовых сценках изобличил косность, невежество и бескультурие отсталых слоев народа. Но главное значение повести – в ее антирелигиозной направленности. И потому она еще и сегодня служит мощным обвинительным актом против религии и ее служителей.

Всю свою жизнь, весь свой огромный талант отдал писатель-революционер служению народу. Трудно охватить всю многостороннюю деятельность Н. Нариманова. Педагог, врач, переводчик, основатель первой в Азербайджане общественной библиотеки, журналист, сотрудничающий в азербайджанских и русских газетах и журналах, а также в зарубежной прессе, революционер-большевик, пропагандирующий марксистско-ленинские идеи в широких слоях мусульманских масс, драматург, прозаик, организатор учительского съезда в Баку, руководитель Азревкома, – вот далеко не полный перечень сфер его деятельности. А после Октябрьской революции Н. Нариманов был первым Председателем Совнаркома Азербайджанской ССР, принял деятельное участие в создании Закавказской Федерации, в созыве съезда народов Востока, в работе Генуэзской конференции, был одним из Председателей ЦИК СССР.

Особое место в творчестве Нариманова занимают работы, посвященные пропаганде и распространению марксистско-ленинских идей. Его публицистические выступления, статьи и речи служили благородному делу – защите угнетенных масс, разоблачению происков мирового империализма.

Широко известны статьи Н. Нариманова «Ленин и Восток», «Путь к коммунизму», «Национальный вопрос» и др., написанные в последние годы жизни. В этих работах он разъяснял значение ленинизма, историческую роль В. И. Ленина в деле завоевания трудовым человечеством свободы и лучшей жизни. Последняя работа Н. Нариманова – «Год работы без Ленина» также посвящена Ленину. В ней писатель-революционер страстно подтвердил свою беззаветную преданность ленинскому знамени, свою непоколебимую веру в торжество ленинских идей.

Советский народ бережно относится к творческому наследию писателя, который, по словам С. Орджоникидзе, «был наилучшим боевым знаменосцем нашей партии», «символом освобождающегося Востока».

Гасан Гулиев
(«Литературный Азербайджан»,
1965, № 2, с. 125 – 127)

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ 20-х ГОДОВ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. НАРИМАНОВА

*(К истории русско-азербайджанских
литературных связей советского периода)*

В один из мартовских дней 1925 года, из газет, продолжавших освещать события, связанные с выступлениями римских рабочих против фашизма и приготовлениями к похоронам Сун-Ят-Сена, наряду с сообщениями о локауте в Швеции, состоянии местной промышленности и участии Германии в Лиге Наций, трудящиеся молодой страны Советов узнали о кончине Председателя ЦИК СССР тов. Н. Нариманова.

С портретов, помещенных на страницах центральных газет и обведенных траурной каймой, смотрел пожилой человек, с восточными чертами лица, с пристальным, чуть усталым, выражением глаз. Смерть вырвала из рядов бойцов за коммунизм активного деятеля партии, «человека с недюжинными способностями, который главной задачей и целью своей жизни ставил помощь народу, человечеству»¹⁸.

Отдавались последние почести тому, кто, не жалея сил, боролся за установление Советской власти в Азербайджане и во всем Закавказье и немало содействовал пробуждению отсталых и угнетенных трудящихся масс бывших окраин царской России.

Газеты писали, что после Сун-Ят-Сена смерть лишила пролетариат и всех трудящихся другого пламенного революционера пробуждающегося Востока.

Дипломатические миссии слали свои соболезнования правительству и ЦИК СССР. На всех правительственных и государственных учреждениях в знак траура были приспущены флаги, а в Москве и в ряде других городов был дан

прощальный салют, когда гроб с телом Н. Нариманова опускали в могилу, вырытую у стен Кремля, недалеко от мавзолея В. И. Ленина.

Незадолго до этого страна торжественно отметила 30-летие литературной деятельности Н. Нариманова. В адрес юбиляра поступили многочисленные приветствия и поздравления от различных организаций, советских учреждений, редакций газет, друзей и соратников.

«Правда» писала: «Тов. Нариманов – один из председателей ЦИК нашего Союза, член нашей партии, любимец азербайджанских рабочих и крестьян, – сам является воплощением роста национальностей, прежде задавленных и угнетенных царизмом, теперь вошедших в общую семью народов, которые решительно стали на путь социализма. Мы шлем наши приветия и наши пожелания долголетней и плодотворной работы»¹⁹.

Бережно относится к памяти и писательскому наследию Н. Нариманова азербайджанский народ, который видит в нем человека многосторонне одаренного, отдавшего весь свой талант и энергию во имя освобождения народов Востока и торжества ленинских идей.

В годы Советской власти творческое наследие писателя стало достоянием самых широких слоев азербайджанского народа. Книги Н. Нариманова выдержали несколько изданий и издаются по сей день. В азербайджанской литературной критике и печати исследуются и освещаются вопросы, отражающие жизнь и творчество писателя.

Однако следует отметить, что основная часть произведений Н. Нариманова и работ, посвященных его творчеству, появилась лишь за последнее время, в 50 – 60 годах.

Творчество крупнейшего представителя азербайджанской классической литературы, его многосторонняя деятельность слабо освещались в азербайджанской периодиче-

¹⁸ М. И. Калинин, «Правда», 21 марта 1925 г., № 65 (2996).

¹⁹ Газета «Правда» от 15 февраля 1925 г.

ской печати и критике в годы культа личности. Начиная с 30-х годов, вплоть до исторического XX съезда партии, на котором были восстановлены ленинские нормы политической и общественной жизни, творчество и деятельность Н. Нариманова освещались очень слабо, а его произведения почти не исследовались²⁰.

За последние годы этот пробел был заполнен, и на страницах республиканских газет и журналов стали появляться статьи и заметки ведущих азербайджанских писателей, литературных критиков и публицистов.

Немало статей, брошюр и заметок появились и в республиканских изданиях и периодике, выходящих на русском языке.

Среди работ о Н. Нариманове следует отметить статьи М. Ибрагимова, Мир Джалала, М. Рафили, Дж. Хандана, В. Мамедова, К. Талыб-заде и других. Эти авторы, используя исторические и партийные документы, материалы архивов писателя, воспоминания современников, друзей, родственников и другие самые различные источники, делают попытку проследить и выявить идейные истоки произведений Н. Нариманова, показать его связи с революционным и национально-освободительным движением, а также участие в литературной и культурной жизни своего времени.

В большинстве этих работ, подробно рассказывающих о революционной и общественно-политической деятельности Н. Нариманова и раскрывающих его взгляды на политические, культурные и литературные события эпохи, сравнительно меньшее место занимает анализ его произведений, а труды, посвященные литературной деятельности Н. Нариманова, почти не показывают художественного своеобразия его произведений, не поднимают вопросов мастерства, не дают глубокого представления о его творческой лаборатории.

²⁰ Из единичных работ этих лет о творчестве Н. Нариманова можно назвать статью Мир Джалала (Пашаева) в журнале «İnqilab və tədriş» («Революция и культура») за 1935 г., № 3.

Авторы этих работ слабо освещают вопросы взаимосвязи наримановских персонажей с персонажами и героями предшествующей азербайджанской литературы и вообще недостаточно широко показывают преемственность и взаимосвязь Н. Нариманова с другими выдающимися представителями азербайджанской классической литературы...

Говоря об издании произведений Н. Нариманова на русском языке, следует отметить тот факт, что Н. Нариманов, пожалуй, был одним из первых среди азербайджанских писателей, творчество которого так широко популяризировалось среди трудящихся масс Советского Союза. И это не было случайным. По достоинству оценивая произведения писателя и подчеркивая его заслуги перед партией и народом, советская печать находила в его книгах яркое отражение идейной борьбы, происходившей на всем мусульманском Востоке, и придавала огромное значение их воспитательному воздействию на широкие массы.

К 30-летию литературной деятельности писателя была опубликована книга, в которую вошли повесть «Пир» и драма «Надир-шах»²¹. Она открывалась биографической справкой о писателе и вступительной статьей С. Вельтмана, в которой раскрывались проблематика и некоторые особенности этих произведений. Тогда же был издан сборник его статей и писем²². А уже в 1926 г. издательство «Земля и Фабрика» выпустило собрание сочинений писателя в двух томах, с предисловием Агамали-оглы, В. Гурко-Княжина и С. Вельтмана, под общей редакцией М. Павловича. В первый том этого собрания вошли «Пир», «Шамдан-бек», «Надандыг», во второй – «Багадур и Сона», «Надир-шах».

Это издание, ставшее библиографической редкостью, до последнего времени являлось единственным собранием сочинений писателя на русском языке, содержащим основные

²¹ Н. Нариманов, «Пир», М., 1925 г.

²² Н. Нариманов, «Статьи и письма», М., 1925 г.

его произведения²³. К сожалению, некоторые произведения писателя, такие, как рассказ «Дядя»²⁴, фельетон «Хевта феряды» («Недельные стоны») не вошли ни в это собрание, ни в новую книгу писателя и до сих пор остаются неизвестными русскому читателю.

Н. Нариманов, будучи писателем и революционером Востока, был тесно связан с освободительным движением русского пролетариата, близко знал многих выдающихся деятелей революции, которые в его лице видели не только пламенного борца и видного государственного деятеля, но и чуткого товарища, отзывчивого друга, талантливого писателя и тонкого психолога.

В высказываниях современников, лично знавших Н. Нариманова, в статьях и заметках о нем, помещаемых на страницах советской печати при жизни и в первые годы после его смерти, в речах партийных, государственных и литературных деятелей по достоинству оценивалась огромная революционная и творческая работа, проводимая Н. Наримановым.

Во время празднования 30-летнего юбилея писателя-революционера и затем в связи с его смертью советская партийная печать, литературные и общественно-политические журналы поместили немало статей и воспоминаний о Н. Нариманове, в которых всесторонне характеризовались его жизнь, деятельность и творчество.

Один из крупнейших теоретиков марксистско-ленинской эстетики А.В. Луначарский в статье «Памяти тов. Нариманова», высоко оценивая его как революционера, прочно связанного «с коммунистически марксистской ленинской идеей, с одной стороны, и восточными массами – с другой»,

называет его «выдающимся поэтом-драматургом новейшей театральной литературы» и высказывает, пожелание, чтобы его смерть «послужила поводом к новой его жизни среди нас, а именно переводу его драматических сочинений на русский язык». Эти сочинения, по словам А. В. Луначарского, «должны быть проникнуты глубоким народным национальным духом и яркой коммунистической тенденцией»²⁵.

В статье С. Городецкого «Нариман Нариманов»²⁶ говорится о неразрывных узах, связывающих писателя-революционера с партией Ленина, указывается на некоторые отличительные черты творческого метода писателя, произведения которого «давно живут на Востоке и будят мысль угнетенных». Автор статьи подчеркивает антирелигиозную направленность повести «Пир», с сожалением отмечая, что некоторые издательства не поняли такой направленности, «объема и значения этой вещи».

«Между тем, – пишет С. Городецкий, – методы антирелигиозной пропаганды уже предвосхищали повсеместно теперь проводимые тезисы этой пропаганды. И тут, как и во всем, Нариманов был чутким ленинцем. По силе художественной убедительности повесть «Пир» долго еще будет могучим рычагом пробуждения масс Востока от невежества и религиозного фанатизма. Другой аналогичной вещи мусульманский мир еще не создал»²⁷. Подчеркивая огромный художественный талант Н. Нариманова, который отличался к тому же прекрасным знанием быта мусульманских крестьян, чувством народного острословия, автор с сожалением отмечает, что эти особенности блекнут в переводе. Говоря о значении работы Н. Нариманова в области театра и драматургии, автор статьи называет его «основателем революционного тюркского (т.е. азербайджанского) театра»²⁸.

²³ Во II квартале 1963 г. Госполитиздат издал книгу избранных произведений Н. Нариманова (на русском языке).

²⁴ Этот рассказ, известный и под названием «Случай с одной деревней», был написан в 1915 г. и впервые за годы Советской власти был опубликован в книге избранных сочинений писателя в 1956 г. (на азербайджанском языке).

²⁵ Журнал «Искусство трудящимся», 1925 г., № 18, с. 1.

²⁶ Там же, с. 2.

²⁷ Там же, с. 2.

²⁸ Там же, с. 2.

Автор свидетельствует о том, какой исключительной силой воздействия на массового зрителя обладает драма «Надир-шах» – «первая пьеса, рисующая попытку революционера-народника свергнуть самовластие шаха»²⁹.

Характеризуя творчество писателя и высказывая пожелание, чтобы Ассоциация Востоковедения как можно скорее собрала и издала все художественные произведения Н. Нариманова, Городецкий отмечает его значительную роль в культурной революции, происшедшей в Азербайджане за годы Советской власти, рассказывает о некоторых интересных подробностях участия Н. Нариманова в культурной жизни республики.

Культурно-просветительской работе Н. Нариманова, его интересу к театральной жизни страны и помощи Сатир-Агит-театру посвящены и воспоминания П. Сибирцева, помещенные в этом же номере журнала.

Авторы статей, посвященных памяти Н. Нариманова и опубликованных на страницах журнала «Новый Восток», издаваемого Ассоциацией Востоковедения Союза ССР, почетным членом которой был писатель, стремятся дать общую характеристику жизни и творчества писателя и революционера, отмечают вклад Н. Нариманова в сокровищницу культуры народов СССР, делают попытку проанализировать отдельные стороны его деятельности и творчества.

Статья председателя Научной Ассоциации Востоковедения и ректора Института Востоковедения М. Павловича о Н. Нариманове, напечатанная сперва в «Правде»³⁰ и опубликованная затем с небольшими изменениями в журнале «Новый Восток»³¹, воспроизводит основные моменты деятельности писателя, раскрывает идейный мир и проблематику некоторых его произведений, а также отдельные, наиболее яркие и характерные эпизоды его общественно-полити-

²⁹ Там же, с. 2.

³⁰ «Правда» от 21 марта 1923 г. № 65(2996).

³¹ «Новый Восток», 1925, г., кн. 1(7), с. I–III.

ческой деятельности. Так, говоря об увлечении Н. Нариманова произведениями русских классиков, М. Павлович отмечает исключительную роль писателя в популяризации их среди широких масс азербайджанцев.

Как известно, Н. Нариманов перевел на азербайджанский язык комедию Гоголя «Ревизор», а затем с успехом сыграл в ней роль городничего.

«Ввиду того, – пишет М. Павлович, – что Кавказ находился под гнетом исключительных законов осадного, военного и полувоенного положения, эта пьеса попала «не в бровь, а прямо в глаз» местной бюрократии, державшей Кавказ в своих руках. После появления перевода «Ревизора», все передовое тюркское общество начинает смотреть на Нариманова как на выдающегося деятеля и борца против царизма»³².

Роли Н. Нариманова в деле интернационального воспитания трудящихся, его участия в проведении национальной политики в Закавказье посвящена статья Н. Тюрякулова «По ленинскому пути»³³.

Оценивая жизненный путь революционера, который «имел мужество резко провести идею международного братства в своих произведениях», и «чуть ли не единственный из старого поколения тюркской интеллигенции в России смело растоптал идол национализма и пошел по стопам Ленина», автор клеймит тех, кто разжигает национальную вражду, используя ее для своей выгоды и обогащения.

Деятельность Н. Нариманова в период национально-освободительного движения в Персии и Азербайджане, его участие в пропаганде революционных идей на Востоке, – вот что составляет содержание статьи В. Гурко-Княжина «Нариманов и Восток»³⁴, в которой автор рисует обстановку, предшествующую установлению Советской власти в Баку, затрагивает вопросы, связанные с организацией персид-

³² «Правда», 21 марта 1925 г. №65(2996).

³³ «Новый Восток», 1925 г., кн. 1(7), с. IV.

³⁴ Там же, с. V – VII.

ской социал-демократической партии «Ичтимаюн – Амиюн», основанной Наримановым, рассказывает о драматических событиях, развернувшихся в период деятельности Бакинской Коммуны.

В центре внимания Н. Бороздина, автора другой статьи под названием «Культурно-общественная работа Н. Нариманова»³⁵, стоит педагогическая, культурно-просветительская и врачебная работа Н. Нариманова.

Автор говорит о его пристальном интересе к проблемам изучения истории, культуры и искусства как зарубежного, так и советского Востока.

«С большим интересом, – рассказывает И. Бороздин о Н. Нариманове, – следил он за развивающейся экспедиционной деятельностью Ассоциации»³⁶, направленной к систематическому и планомерному изучению восточных республик и областей нашего Союза. Под его председательством состоялось торжественное открытие выставки, явившейся результатом Дагестанской экспедиции 1923 г. Точно так же внимание его привлекло начатое Ассоциацией, совместно с Крымсовнаркомом, изучение татарской культуры в Крыму, имеющее развернуться во всю ширь в экспедиционной кампании этого года»³⁷. Всецело одобрен был т. Наримановым план организации Музея Восточной культуры в Москве, долженствовавшего отображать яркую и многообразную жизнь Востока, кончая его революционным пробуждением»³⁸.

Здесь же автор сообщает о деятельности Н. Нариманова как основателя и руководителя Народного Университета в Астрахани.

Отображению жизни широких мусульманских масс в произведениях Н. Нариманова посвящены несколько статей С. Вельтмана. Из них следует отметить его работу «Н. На-

риманов – бытописатель Востока»³⁹ и его же предисловие к книге писателя⁴⁰, в которых автор, на примере некоторых произведений писателя, показывает значение и ценность художественного творчества Н. Нариманова.

Приводя слова Н. Нариманова из его речи на собрании ответственных работников-мусульман 20 декабря 1918 г., в которой писатель напомнил о том, что «прежде чем государству издавать законы, необходимо изучить быт, нравы и религию народностей»⁴¹, С. Вельтман заключает, что именно в этом была основная задача и цель, которые ставил писатель в своих беллетристических произведениях и публицистических статьях, посвященных Востоку.

«Жизнь Востока в ее будничных проявлениях, народное невежество, религиозные предрассудки, столь связывающие весь быт Востока – нашли в нем объективного, умелого и талантливого изобразителя»⁴².

Характеризуя идейную направленность и значение таких произведений, как «Пир», «Багадур и Сона», «Надир-шах», и указывая на восприятие Н. Наримановым традиций русской классической литературы 80 – 90-х годов, автор отмечает, что Н. Нариманова сближает с этой литературой общий подход к реалистическому показу темноты народных масс.

Анализируя повесть «Пир», С. Вельтман указывает на определенную идейную близость повести к некоторым произведениям западноевропейской литературы, в которых также раскрывается обман религиозных масс духовенством⁴³.

В качестве примера автор приводит роман Э. Золя «Лурд», в котором выдающийся французский писатель «развернул целую систему интриг, подкупа и лжи духовенства разных рангов для поддержания легенды о чудодейственной

³⁹ «Новый Восток», 1925 г., кн. 1(7), с. XI–XIV.

⁴⁰ Н. Нариманов, «Пир», М., 1925 г.

⁴¹ См. «Новый Восток», 1925 г., кн. 1(7), с. XI.

⁴² См. предисловие к книге «Пир», М., 1925 г.

⁴³ См. предисловие к книге «Пир», М., 1925 г., с. 10.

³⁵ «Новый Восток», 1925 г., кн. 1(7), с. VIII – X.

³⁶ Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР.

³⁷ Т.е. 1925 года.

³⁸ «Новый Восток», 1925 г., кн. 1(7), с. X.

силе лурдского «священного очага»⁴⁴, и книгу Э. Синклера «Выгоды религии», указывая при этом на общую антирелигиозную направленность этих произведений.

«Священный очаг»⁴⁵, в котором т. Нариманов воспроизвел один из уголков религиозного лицемерия, невежества и темноты, — пишет автор, — ценен тем, что в нем есть несомненное знакомство с бытом, психологией и социальной средой»⁴⁶.

Считая повесть одним из лучших образцов антирелигиозной художественной литературы, критик при этом отмечает некоторые недостатки, выражающиеся, по его мнению, в том, что писатель «недостаточно развернул фабулу повести, оборвал конец и несколько пренебрег художественной формой»⁴⁷.

В подробном анализе событий, отраженных в исторической драме «Надир-шах», критик стремится дать представление о том, насколько верно изображается историческая эпоха в драме Н. Нариманова.

Характеризуя главного героя драмы — Надир-шаха, как типичного представителя восточной «пугачевщины»⁴⁸, С. Вельтман справедливо указывает на «недостаточную местами психологическую убедительность»⁴⁹ в поступках героя и так трактует этот образ:

«...Надир-шах — правитель из простого народа, склонный к широким законодательным актам. Он ведет борьбу с шахской властью, духовенством и т. д., и автор противопоставляет его слабоумному правителю татарского происхождения, которого Надир-шах и низвергает. Заняв трон, Надир-шах содействует процветанию страны, вводит ряд реформ и

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Т. е. повесть «Пир».

⁴⁶ Н. Нариманов. «Пир», М., 1925 г., с. 13.

⁴⁷ «Пир», М., 1925 г., с. XII.

⁴⁸ Там же, с. XIII.

⁴⁹ Там же.

т. д., затем в обстановке придворных интриг теряет почву и погибает от рук убийц»⁵⁰.

Такая трактовка образа главного героя совпадает с оценкой идейного содержания драмы, данной самим писателем. Н. Нариманов писал:

«В этой самой драме я стремлюсь к тому, чтобы обезоружить духовенство, ослабить его влияние на массу путем ограничения права вмешиваться в государственные дела, в политическую жизнь.

Но мой герой пал от рук тех, которые считали дерзостью со стороны героя из народа его попытку устранить влияние мулл на государственную жизнь. Это написано мной 20 лет тому назад, но 10 лет тому назад мною написан роман «Багадур и Сола», где я открыто выступаю по вопросу об отделении церкви от государства»⁵¹.

Как видно из приведенных выше статей, в них сравнительно меньшее место занимает анализ таких произведений писателя, как «Багадур и Сола», «Наданлыг», «Шамдан-бек» и других. Очевидно, это можно объяснить тем, что указанные произведения Н. Нариманова были переведены на русский язык значительно позже, и русские критики были лишены возможности ознакомиться с их содержанием. М. Павлович, например, в своих воспоминаниях, говорит о том, что писатель собирался переработать свой роман «Багадур и Сола» для перевода на русский язык. Неожиданная смерть поразила т. Нариманова»...⁵².

Роман этот, вместе с другими неизвестными русскому читателю произведениями, был опубликован в собрании сочинений, вышедшем в свет после смерти писателя в 1926 г. и уже значительно позднее был помещен в журнале «Литературный Азербайджан» (1958 г., № 1), с примечанием «перевод автора».

⁵⁰ «Пир», М., 1925 г., с. XIII–XIV.

⁵¹ См. «Новый Восток», М., 1925 г. кн. 1(7), с. XIII.

⁵² См. «Правду» от 21 марта 1925 г. № 65 (2996).

Следует отметить, что этот роман еще в 1896 г. был переведен передовым армянским писателем В. Папазяном на армянский язык и издан с его предисловием в Тифлисе.

Советская критика особо выделяла работы Н. Нариманова о В.И. Ленине, в которых он широко разъяснял народным массам значение ленинизма, историческую роль В.И. Ленина в деле завоевания трудовым человечеством свободы и счастья.

В последние годы жизни Н. Нариманов написал статьи «Ленин и Восток», «Путь к коммунизму», «Национальный вопрос» и др. Последняя работа Н. Нариманова «Год работы без Ленина» также была посвящена В. И. Ленину. В ней писатель-революционер подтвердил свою беззаветную преданность ленинскому знамени, свою непоколебимую веру в торжество ленинских идей.

Нариман Нариманов относится к числу тех писателей-коммунистов, творчество которых является вдохновляющим примером служения художника Родине.

Память о писателе, произведения которого и сегодня представляют интерес для советского читателя, помогают ему понять историю народа навсегда покончившего с вековой отсталостью и строящего коммунизм, обязывает нашу литературную науку и критику широко и всесторонне изучить творческое наследие писателя.

Известно, что Н. Нариманов сотрудничал во многих газетах и журналах не только Азербайджана и Закавказья, но и России, Ирана, Турции и др. Органы печати, в которых публиковались статьи и корреспонденции Н. Нариманова, направленные на борьбу за освобождение народов, были самыми различными по направлению и партийности, начиная от революционных изданий, таких, как «Гуммет», «Фугаре фиюзат», «Бакинский рабочий», «Астраханский край», «Известия», и кончая либерально-буржуазным «Терчуман» («Переводчик» – единственная в России газета, которая издавалась на русском и тюркском языках в Бахчисарае).

«Каспий», «Хаят», «Иршад» и др., не говоря уже о зарубежных.

Все эти работы Н. Нариманова представляют ценный материал для изучения эпохи; они помогли бы еще лучше узнать истоки художественного творчества писателя и более глубоко исследовать его журналистскую деятельность.

Еще не подняты и недостаточно освещены материалы некоторых архивов писателя, относящиеся к различным этапам жизни и творчества Н. Нариманова. Даже одна литературная сфера его деятельности дает богатый материал для интересной и глубокой исследовательской работы. Его переводческая деятельность (помимо «Ревизора», Н. Нариманов перевел драму Клода Ге «Казнь» и т.д.), драматургическая и театральная работа, его проза и публицистика – все это позволяет литературной критике не только говорить об идейной стороне произведений Н. Нариманова, но дает возможность поднять и вопросы художественного мастерства, метода, творческих приемов писателя и т.д.

Ценным свидетельством об интересе представителей передовой азербайджанской литературы к культуре и литературе других народов могут быть заметки и высказывания Н. Нариманова о классиках русской и западноевропейской литературы. С юности записывая в отдельные тетради наиболее понравившиеся отрывки из произведений разных писателей, Н. Нариманов, будучи уже зрелым художником и публицистом, высказал интересные мысли о Крылове и Пушкине, Лермонтове и Тургеневе, Гоголе и Толстом, Шекспире и Ибсене, Шиллере и Золя, Гюго и Гейне, Гете и Байроне. К сожалению, эти высказывания мало известны как азербайджанскому, так и русскому читателю.

Большой интерес для изучения истории азербайджанской литературы представляют также высказывания Н. Нариманова о некоторых азербайджанских писателях (о Саби-ре и др.).

Много ценного в историю развития азербайджанского языка и письменности внесли педагогические работы Н. Нариманова, в частности самоучитель русского языка для азербайджанцев⁵³ и самоучитель азербайджанского языка для русских⁵⁴, а также его участие в замене арабского алфавита латинским и затем русским. Эта сторона деятельности писателя также остается мало исследованной.

Разумеется, невозможно в небольшой работе достаточно широко осветить все проблемы, связанные с творчеством и жизнью столь деятельного и неутомимого человека, каким был Н. Нариманов. Не ставя себе целью проанализировать творческое наследие писателя в целом или хотя бы его отдельные произведения, мы в этой работе затронули в общих чертах лишь вопрос, касающийся освещения жизненного и творческого пути писателя-революционера в русской советской печати, преимущественно за 1925–1926 гг.

Задача дальнейшего изучения творческого наследия писателя заключается, как нам кажется, в том, чтобы собрать и систематизировать все его произведения, статьи, заметки и пр. в одном полном собрании сочинений, а затем в больших работах, монографиях и исследованиях увековечить память писателя и революционера, который, по определению С. Орджоникидзе, «был наилучшим и боевым знаменосцем нашей партии», «символом освобождающегося Востока».

Гасан Гулиев

(«Ученые записки» АПРЯЛ, серия XII.

Язык и литература. Б., 1966, № 2, с. 3 – 11).

⁵³ Н. Нариманов, «Самоучитель русского языка», ч. 1, Баку, Типография «Апор».

⁵⁴ Н. Нариманов, «Самоучитель татарского языка для русских», ч. 1, Баку, Типография «Апор», 1899–1900 гг.

Н. НАРИМАНОВ: НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Удивительное дело, порой открывание старого впечатляет не меньше, чем появление нового, воспринимается как признак новизны, нередко граничащей с сенсацией.

Такое впечатление оставил показ по ЦТ кинохроники, воспроизводящей похороны В.И. Ленина. Мы как бы соприкоснулись с самой эпохой, ставшей исторической, увидели тех, кто окружал вождя в последние годы жизни.

Новые поколения вряд ли могли уловить сходство со многими реальными политическими деятелями, представленными в этой ленте. Вот они: Луначарский, Ворошилов, Сталин, Калинин, идущий впереди гроба; его сменяет Нариман Нариманов – другой из четырех Председателей ЦИК СССР.

Мы осознаем: не из-за Калинина или Нариманова эти уникальные кадры были «закрыты» на более чем пятьдесят лет... А скорее из-за тех, кто оказался в конфронтации друг с другом в процессе борьбы за власть. И 1924 год – год смерти В.И. Ленина – обозначил старт этой борьбы, наметившейся подспудно еще в годы болезни вождя. Теперь мы знаем ее причины, хронику, имена жертв. К ним, думаю, следовало бы отнести и тех, кто, подобно Нариманову, уже после своей смерти продолжали долгое время числиться персонами «нон грата» в той отечественной истории, которую некогда создавали сами.

Любой документ времени, который проливает свет на судьбу и личность, сопричастную истории страны, имеет право на то, чтобы быть обнародованным и во имя утверждения истины получить право на «вторую жизнь». Таким, очень многозначительным в объяснении обстоятельств последних лет жизни, умонастроений и поступков Нариманова следует считать его письмо к сыну, которое также на многие годы было «заперто» в архивах. Строки из него помогают понять многое. В еще большей степени они рождают вопро-

сы, связанные с его жизнью и судьбой, толкают на размышления о том времени и непростых взаимоотношениях в «высшем эшелоне», побуждают идти дальше в осмыслении коллизий, которые обозначились в последний год жизни революционера ленинской школы.

«В 1895 г. 15 января в Баку в Тагиевском театре в первый раз поставлена была моя пьеса «Наданлык» («Невежество»). Этот день я считаю началом моей литературной работы. Сегодня 28-го января 1925 г. по нов.ст. проходит 30 лет», – сообщал Н. Нариманов в этом письме⁵⁵.

30-летие литературной деятельности писателя-революционера общественность страны отмечала широко; в адрес юбиляра поступали приветствия и поздравления от друзей и соратников, различных организаций и коллективов. «Правда», отмечая заслуги Нариманова, выражала «пожелания долголетней и плодотворной работы»⁵⁶.

Но «долголетию» не суждено было сбыться. Спустя месяц, в один из мартовских дней 1925 года из газет, продолжавших освещать события, связанные с выступлениями римских рабочих против фашизма, локаутом в Швеции, другими беспокойными приметами, наступавшими в жизни Европы, читатели узнали о кончине Нариманова. Отдавались последние почести, дипломатические миссии посылали свои соболезнования ЦИК СССР и правительству. На всех правительственных и государственных учреждениях были спущены флаги, гремели залпы прощального салюта у стен Кремля, воздавая должное человеку, посвятившему себя служению народу, идеалам социализма.

Однако и это посмертное признание заслуг Нариманова, игравшего видную роль в политической и государственной жизни страны, деятеля, чей талант организатора и ум политика высоко ценили Ленин, Чичерин, Орджоникидзе, Кали-

нин, Луначарский, Енукидзе и все те, с кем ему пришлось работать в 20-х годах, было недолгим. Еще год спустя – в 1926-ом – осуществилось издание двухтомника собрания его сочинений в Москве, но уже в последующие годы имя Нариманова кто-то искусно «погружал» в Лету.

К сожалению, мало что известно сегодня о взаимоотношениях Н. Нариманова с членами Политбюро: Сталиным, Бухариным, Троцким, с другими видными деятелями партии, например, с С.М. Кировым, который с 1921 по 1925 год возглавлял партийную организацию Азербайджана. Ведь историков до недавнего времени интересовали внешние, «протокольные» моменты взаимоотношений среди соратников, то, что их делало монолитным куском гранита. И сами историки сделали немало для нивелирования острых углов и «замазывания трещин» в их взаимоотношениях. В то время как личные симпатии и антипатии, характер складывающихся взаимоотношений в руководстве, конфликтные моменты и т.п. дают несравненно больший материал для понимания людей и событий в движении времени. И можно, хотя и трудно, реконструировать их, эти отношения, если иметь под рукой материалы, которые, увы, и теперь в обстановке гласности и обнародования документов, «открывания рукописей», все еще находятся за семью замками. В частности, тех материалов, которые были подготовлены самим Наримановым.

«Сейчас, когда я пишу тебе эти строки, дело наше доведено до того, что самые близкие друзья коммунисты не могут друг с другом говорить на тему о наших вопиющих недостатках вследствие неумения управлять государством, теми, которые после Ленина назвали себя «законными» наследниками его...» (с.92).

Да, это – явный намек на Сталина, Троцкого и тех, кто начинал марафон к собственному единовластию, не допуская соперничества. Намек, за который недолго было поплатиться головой. И платили жизнью, десять лет спустя...

⁵⁵ Нариман Нариманов. Избранные статьи, речи, письма. Баку, «Язычи», 1988 г., с.86. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁵⁶ «Правда», 15 февраля 1925 г., № 38 (2969).

Нариманов не мог не видеть того, как разворачивалась борьба за власть, за влияние в аппарате ЦК; болезнь и особенно смерть Ленина обострила противоречия между главными конкурентами на власть и их сторонниками. Надвигался кризис в руководстве, который Нариманов наблюдал и болезненно переживал, предвидя его последствия.

«Власть портит многих. Так и случилось: власть окончательно испортила многих, довольно хороших видных работников, которые решились взять судьбу огромного государства в свои руки и диктовать безотчетно... Это необходимо было первое время, но продолжать такое состояние до сих пор, это значило приближать большевизм к краху» (с.91-92).

Возможно, были среди его соратников и такие, кто разделял его опасения. Но их следовало бы искать в числе тех, кто не претендовал на власть.

В публикациях последних лет нередко пытаются определить тех из ближайшего окружения Ленина, кто, в отличие от Сталина, встав у руля, сохранил бы коллегиальность в руководстве партией и страной. Такие предположения всегда будут лишь досужими предположениями. За исключением Ленина, державшегося за коллегиальность, и одним уже своим гигантским авторитетом признанного лидера, влиявшего на политику внутри и вне страны, остальным членам Политбюро еще нужно было утверждать свой авторитет у масс и в руководстве.

Но даже Ленин был чрезвычайно чувствителен ко всякого рода расхождениям во мнениях и проявлениям плюрализма в осуществлении единой политики. Известны случаи разногласий в партийном руководстве в ответственные моменты – в канун Октябрьской революции (о сроках восстания), в отношении к Брестскому миру. Да и в мирное время не всегда его предложения получали единогласную поддержку; и, возможно, из анализа именно индивидуальных позиций того или иного руководителя (мнений, поступ-

ков и т.д.) впоследствии и появлялись весьма нелестные, но типичные для каждого лица, характеристики (о грубости Сталина, об увлечении Троцкого командно-административным методом, об отсутствии диалектики у Бухарина-теоретика).

Не следует сбрасывать со счетов и другое явление, порожденное успехами в Гражданской войне и самой революционной эпохой. Это – проявления «вождизма», ставка на вождей, которые необходимы массам в экстремальные, революционные моменты истории. Особо ценилось и культивировалось умение вдохновлять и увлекать массы, «поворачивать» их в необходимую сторону. Организаторские способности, умение четко аргументировать мысль и убеждать других, увлекать за собой массы – таким был идеал большевика-ленинца, и такой образ руководителя, вожака масс воссоздает большая по объему литература того времени, укрепляя в сознании читателей многих поколений именно такой образ.

И какие бы при этом не делались оговорки (герой рисовался выходцем из той же среды, что и руководимые им рабочие и солдаты, понимающим своих подчиненных, защищающим их интересы и т.д. и т.п.) вождь оставался главным действующим лицом времени. Культ вожака вырос из необходимости подчинения железной дисциплине во имя порядка. Обосновывалось тем самым и его право быть положительным («главным») героем литературы.

В начале 20-х сами руководители движения начинали примерять тогу вождей; вырабатывался свой индивидуальный стиль даже в одежде (Сталина, Троцкого и других). Доминировала военная форма в различных ее вариантах (кожаная куртка, кавалерийский мундир, китель, обтянутый португеей, и т.д.).

Любопытно, что даже Нариманов, всю жизнь носивший европейский «цивильный наряд» (вначале форму гимназиста, студента, учителя гимназии, затем, став врачом, костюм и ко-

телок) тоже не избежал всеобщего поветрия в начале 20-х. Так, на портрете, созданном художником Мидлером именно в последние годы жизни, мы видим Нариманова в кавалерийской папахе и бурке, которые никак не вяжутся со всем его обликом интеллигента, основное время проводившего за рабочим столом, в своем кабинете врача или в государственных учреждениях.

Это несоответствие внешнего внутреннему состоянию проявляется в самом портрете, на котором мы видим человека, стоящего во весь рост в непривычном для него «кавказском» одеянии: рука, высунутая из-под бурки, придерживает ее за отворот, глаза передают усталость уже немолодого человека, утомленного от кабинетной, «аппаратной» работы. Тут уместно бы говорить о дегероизации образа... Но опять же – дань стилю эпохи, нуждающейся в вождях и потому «выковывающей» их и таким образом также.

Да, кому строгая кожаная куртка комиссара, а кому черная бурка лихого кавалериста... Суть же одна – монументализировать образ руководителя масс, выразить символику вождизма, проявляющегося в те годы на разных иерархических уровнях.

Массам нужен был тот единственный и «самый главный» из вождей, которому они верили бы до конца. И барды времен революции, поначалу связывая необходимость такого лидерства с потребностью в новом мессии, пока еще в абстрактно-символической форме выражали подобные идеалы масс (В.Брюсов, А.Блок, С.Есенин и др.). Однако Маяковский типизировал черты гениального предводителя масс, когда уже на политической арене действовали, борясь за место, оставленные вождем, его наследники и ученики.

Первым объектом возвеличивания, причем искреннего и неподдельного как со стороны литераторов (Маяковский, Горький, Есенин, Брюсов и др.), так и партийных деятелей, был В.И.Ленин. К числу тех, кто не представлял себе движение без вождя, можно отнести и Нариманова, который по-

святил Ленину целый ряд работ: «Ленин и Восток», «Год работы без Ленина», «Пути понимания научного коммунизма», «Национальный вопрос», «Ленин и мусульманский вопрос», статьи и речи, посвященные Ленину и написанные в последний период жизни. По существу Нариманов стал одним из первых в советской историографии, кто активно пропагандировал ленинское наследие.

И в то же время вот характерные определения и эпитеты, которые сопровождают пропаганду идейно-теоретического наследия Ленина: «великий наш вождь», «великий вождь», «величайший в мире психолог и искреннейший защитник угнетенных...», «великий учитель» и т.п. В свете преодоления последствий культа личности и развенчания вождизма на всех уровнях подобные обращения могут покорить и вызвать у современного читателя обратную реакцию – неприятие...

Однако это было лишь начало. Разумеется, последующая эскалация темы вождя, начатая в связи с монументализацией образа «верного ленинца», затмила предыдущий всплеск. Но и по своей нацеленности она выполняла другую, чисто конструктивную функцию: творила авторитет лидеру, сосредотачивающему в руках всю полноту власти. Власти, благодаря которой и утверждался авторитет, в отличие от той, которая рождалась благодаря авторитету.

Уже первые европейские писателей, встречавшиеся со Сталиным (Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер), обращали внимание на то, что толпы демонстрантов несут его огромные портреты.

Но, видимо, такое культивирование «вождизма» было настолько притягательным, что уже спустя много лет после развенчания культа личности, новые вожди смотрели на нас с огромных портретов, вывешенных на фасадах домов, при всех своих регалиях и блеске золотых звезд, которые все прибавлялись и, если не хватало места на груди для нового ордена, художник, нисколько не смущаясь, что допускает

ассиметрию, несколько «раздвигал» одно плечо на портрете, чтобы добавить новую звезду герою... Но это – уже издержки нашего времени, которые в середине 20-х только обозначались.

Дело шло к усилению единоначалия; запускаясь маховик центростремительного движения, управляемого сверху, с мостика. Лишь одна рука могла и должна была лечь на штурвал управления всем механизмом, состоявшим из «шестеренок», «болтов» и «винтиков»... Возможно, что в руководстве также поддерживались эти тенденции, наступала усталость от иерархической неопределенности, мешающей подобной централизации, создаваемой в те годы и получившей звучное название «аппарат» – «аппарат ЦК», «аппарат ЦИКа» и т.д.

И еще признаем: в стране (ни до смерти Ленина, ни после) не был создан демократический институт по всенародному избранию лидеров партии и государства. Не случайно, впервые лишь в наше время – на 19-й Всесоюзной партконференции был поставлен вопрос о формах и сроках избрания руководителей партии и государства.

И то, что в середине двадцатых годов намечалась тенденция утвердить личную власть в партии и государстве со стороны отдельных руководителей в «верхнем эшелоне», не осталось незамеченным для Нариманова.

«Дорогой мой Наджаф! Не гонись за властью, потому что она портит человека. Если хочешь изучить человека, если хочешь узнать весь его внутренний мир, то поставь этого человека у власти на некоторое время и этот человек обнаружит все свои достоинства и недостатки. Ввиду этого, если ты не подготовлен к тому, чтобы успешно, без обмана и лжи вести массу за собой, лучше откажись от нее... Но если масса (рабочие и крестьяне) ценят тебя, находят необходимым твое участие у власти, доверяют тебе и ты уверен, что при этом доверии ты принесешь известную пользу общему делу, не отказывайся. Если у тебя будет хоть малейшее сознание о

том, что тебя выбирают по принуждению со стороны кого бы то ни было, ты лучше откажись. В противном случае ты потеряешь свое достоинство не только перед массой, но и перед собой. Каждый раз, когда будешь сознавать, что ты у власти не по достоинству, а по принуждению, ты будешь чувствовать известное угнетение, угрызение, систематически будешь терять свое достоинство не только в глазах массы, но и в своих: отсюда и дальнейшее разложение в своем мировоззрении.

Это опасный момент в жизни общественного деятеля» (с.93-94).

Это было изложение собственного кредо на власть, и «письмо» предостерегало от возможных искривлений в данном вопросе. Оно было выражением опыта не только политика, но и литератора, который понимал общественную важность постановки такого рода проблемы.

У Низами Гянджеви – мыслителя и поэта XII века, в повести «Обманутые звезды» М.Ф.Ахундова – просветителя и драматурга второй половины XIX века, да и в своем собственном творчестве (историческая драма «Надир-шах») Нариманов выделял именно этот полуутопический для прошлого и заманчивый для будущего идеал – преданность правителя интересам народа и страны. Мудрый правитель Искандер у Низами, занявший шахский трон, просвещенный простолудин Юсиф, осуществляющий преобразования в стране, у М.Ф. Ахундова, наконец, Надир-шах в его собственной одноименной пьесе, который по отзыву С. Вельтмана, являл собой образ «типичного представителя восточной «пугачевщины»⁵⁷, вот та литературная почва, которая рождала подобные взгляды. Мысль о неприятии власти, чуждой гуманной цели, была воплощена не только в пьесе «Надир-шах», но и в созданном еще в 1915 году рассказе «Злоключения одного села» (другой вариант названия – «Дядя»),

⁵⁷ Нариманов Н. «Пир», М., 1920 г., с. XIII.

в котором осуждаются те, кто подчиняет власть над другими собственным амбициям и эгоистическим интересам.

В те годы мало кто (и в том числе Нариманов) отрицал необходимость концентрации власти в одних руках. Во всяком случае неизвестны какие-либо свидетельства в пользу перехода к формам европейского парламентаризма или требования ограничить власть Генсека, Председателей ЦИКа или Совнаркома одним или двумя сроками избрания их в должности. Лишь известное письмо Ленина рекомендовало в качестве некоей альтернативы увеличить количество членов ЦК до 100 человек за счет представителей рабочих, что, быть может, могло привести к перевесу «голосов», но, как показали последующие годы, не предотвратило преобладание власти партийного аппарата над государственным. И тем более концентрации власти в этом аппарате в одних руках.

Нариманов, безусловно, был выразителем прогрессивных веяний своей эпохи. Но он также был взращен на литературно-художественных традициях своего народа и шире – Востока, о путях освобождения которого он много думал. Письменная и фольклорная традиция, как мы видели, подсказывала ему и такую модель на пути к благоденствию, как власть «справедливого правителя», «мудрого руководителя народа».

Предводитель масс, вожак, вышедший из народной среды, не вождь «милостью божией», а подлинный, народный, – таков был весьма распространенный идеал. И этот идеал позднее воплощался в литературе тоже.

Однако с завершением Гражданской войны и переходом к созданию государственного аппарата административно-кабинетный стиль начал определять установку на новый идеал – подтянутого и дисциплинированного служаку, советского аппаратчика, органически вписывающегося в иерархическую структуру Учреждения.

В такой обстановке мода на народных вожаков неизбежно должна была исчезнуть. Наступало время собраний, заседаний, летучек (вспомним сетование Маяковского в «Прозаседавшихся»), где требовались чуткость и внимание к формулировкам, к положениям доклада, когда ценилось умение принимать решения; составлять планы, «сочинять бумажку», выступать и вносить предложения... Именно в этих условиях администратор и побеждал вчерашних вожаков, вытеснял их как в жизни, так и в литературе.

И все это не мог не ощущать и сам Нариманов, большая часть времени которого также проходила в кабинете, где им был создан целый ряд важных документов, или на разного рода заседаниях, как малых, так и больших. Конечно, среди них были и очень важные, исторические по своему значению события: например, сессия союзного ЦИК в 1923 году, когда в качестве председателя заседания ему выпала честь предложить кандидатуру В.И. Ленина на пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, или съезд народов Востока, состоявшийся в Баку в сентябре 1920 года, который открыл Нариманов.

Были и другие значительные события: поездка на Генуэзскую конференцию в 1922 году в составе советской делегации, участие в разработке первой Конституции СССР, других партийных и государственных документов, в дипломатических мероприятиях, укреплявших позиции молодого советского государства в его отношении с другими странами...

Сегодня, обращаясь к истории борьбы за власть, видишь две категории людей, из которых одна – это теоретики и стратеги партии, к числу которых можно было бы отнести представителей интеллигенции, Бухарина, Чичерина, Нариманова и других, которые особенно переживали подобные процессы. Будучи по складу ума мыслителями, они составляли отряд идейных революционеров ленинской выучки, стремились осмыслить свои действия с точки зрения гло-

бальных интересов пролетариата. Для них было характерным иметь собственную точку зрения на мировые революционные процессы. Концепция Нариманова, например, сводилась к следующему: можно приблизить крах капитализма в Европе за счет ослабления ее колоний, потери источников сырья и т.д. Распад колониализма в будущем, считал Нариманов, выбьет почву из-под ног европейских капиталистов, которые, лишившись своих заморских владений, не смогут удержаться перед натиском собственного пролетариата... Отсюда его внимание к «восточному вопросу», активная публицистическая деятельность, которая сыграла большую роль в распространении марксистско-ленинских идей в Турции, Иране, странах арабского Востока.

И посмертная характеристика, данная С. Орджоникидзе Нариманову, несколько не утрируя, лишь констатирует его значение как политика и стратега ленинского типа: «Тов. Нариманов являлся самой крупной фигурой нашей партии на Востоке. Он принадлежал к тому поколению, которое первой своей задачей поставило освобождение угнетенного Востока...

Тов. Нариманов был наилучшим боевым знаменосцем нашей партии⁵⁸».

Строки из собственного письма-исповеди также помогают понять сокровенные помыслы человека, которому осталось жить менее двух месяцев.

«Я был соц.-демократом, но эта организация все более и более отдаляется от идеала. Я принял программу большевиков с особенным удовольствием, т.к. в ней я видел и вижу скорое осуществление моей именно программы: уничтожить рабство на земле.

Быть может, ты прочтешь эти строки, когда и большевизма не будет. Но это не значит, что большевизм не годится; это будет означать, что мы не сумели его удержать.

мы не достаточно оценили его, мы плохо взяли за дело. Откровеннее сказать: мы настолько стали надменными от власти, что, занимаясь пустяками, дрызгами, упустили главное из рук» (с.90-91).

Нариманову должно было исполниться 55 лет; из них 30 лет были отданы литературной работе, широко отмеченной общественностью. Он находился в расцвете сил, творческих и организаторских. Он был настроен боевито, смотрел в будущее с оптимизмом, пытался говорить то, что думал, бороться за правду, отстаивать свои убеждения до конца.

«Обо всем этом ты узнаешь из моего обширного доклада в ЦК. Этот доклад даст тебе возможность разобраться во всем этом и из этого же доклада узнаешь, что твой отец имел смелость говорить то, что многие другие не могли этого делать из боязни лишиться службы или власти...» (с.92).

Что это: предчувствие опасности, с какой связан этот шаг, и желание объяснить близким о ее причине?!.. Или, быть может, дерзкое самоутверждение, попытка преодолеть страх, оправдать свой поступок в собственных глазах, а заодно и потомков?!..

И что означает это письмо, написанное за полтора месяца до смерти? Написанное пятилетнему сыну, который еще не умел читать?

Мы теперь знаем, к каким ухищрениям прибегали репрессированные в 30-х годах деятели партии. Как жена Бухарина заучивала наизусть текст его предсмертного послания потомкам. И потому не будем удивляться и этому письму. Впрочем, это были еще не 30-е, а 20-е годы, и вряд ли его автор мог заранее представить последствия своего поступка в черном цвете. И, возможно, письмо потому и осталось неоконченным.

Однако в борьбе за власть вчерашние единомышленники могли стать заклятыми врагами, а антагонисты – закадычными друзьями.

⁵⁸ «Известия», 22 марта 1925 г., № 66 (2399)

В прошлом гильотина и залпы карабинеров легко решали проблему соперников и оппозиционеров. В новые времена создавались новые методы и формы расправы с неудобными. И сегодня окутаны тайной финальные страницы жизни С.М. Кирова, А.М. Горького и др.

Кончина Нариманова, ее официальная версия также рождает некоторые вопросы, во всяком случае оставляет открытым вопрос о ее однозначности. На траурном заседании ЦИК СССР, которое шло под председательством М.И. Калинина, секретарь ЦИК А. Енукидзе, выступая с речью, в частности, сказал следующее: «Вчера, выходя из Кремля, он пошел домой пешком и на Моховой ул., недалеко от здания Манежа, ему вдруг стало плохо. Тов. Нариманов немедленно был отвезен в кремлевскую больницу, но по дороге, не доезжая до больницы, он скончался»⁵⁹.

В таком же духе фиксирует факт смерти другой документ, приводимый в книге И. Дубинского-Мухадзе «Нариманов», выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей».

«Я, сиделка кремлевской амбулатории, Юлия Ивановна Литвин, проходя после окончания работы в восемь с четвертью – восемь с половиной часов вечера сего 19 марта 1925 года по тротуару у решетки Александровского сада по направлению от Троицких ворот до площади Революции увидела прислонившегося к решетке и сильно кашляющего человека, которому, видимо, было дурно.

Подойдя, чтобы оказать ему помощь, я узнала в нем председателя ЦИКа тов. Нариманова, которого я несколько раз видела ранее в нашей амбулатории.

Узнав, в свою очередь, меня, он сказал: «Ведите меня скорее в больницу, я умираю...» Я переспросила: «Не хочет ли он ехать домой?» Он категорически распорядился вести его в больницу Кремля.

⁵⁹ «Правда», 21 марта 1925 г., № 65 (2996).

Дорогой, он все время стонал, говорил, что ему плохо, а пока мы доехали до больницы, он уже скончался.

Ю. Литвин»⁶⁰.

Но, вспомним, он сообщал в письме, что подготовил «обширный доклад в ЦК», в котором, по-видимому, заявлял о своем несогласии с методами работы аппарата, может быть, самого Сталина. И этого вполне было достаточно, чтобы попасть «в немилость». Но не уйти из жизни «по состоянию здоровья» так скоротечно...

Бакинский писатель Захар Борисович Абрамов, с которым пишуший эти строки недавно познакомился в издательстве «Язычи», где тот сдавал рукопись своего романа, посвященного революционным событиям в Азербайджане и деятельности Нариманова, убежден в том, что Нариманов умер после бурного разговора со Сталиным.

Несколько иную, хотя и не противоречащую в главном этой версии, картину дает, как мы уже знаем, И. Дубинский-Мухадзе в своей книге, откуда эта же информация попадает в «Летопись жизни и творчества Н. Нариманова», составленную старейшим журналистом Гуламом Мамедли⁶¹.

В этой официальной версии бросается в глаза ряд моментов и «совпадений»: во-первых, то, что именно медицинская сестра Кремлевской амбулатории (!) первая увидела Нариманова, прислонившегося к решетке сада, обратила внимание на кашель (?), узнала его и сама же (!) отвезла его в больницу. Во-вторых, Нариманов, «зная», что «умирает», «категорически распорядился» (?) отвезти его именно в «больницу Кремля», а не домой. В-третьих, факт написания «расписки» женщиной, которая, по ее же словам, сделала все, что могла и даже более того. Кому и для чего давалась эта расписка, если врачи в Кремлевской больнице могли и

⁶⁰ И. Дубинский-Мухадзе. Нариманов. М., «Мол. гвардия», серия «Жизнь замечательных людей», 1978, с.232-233.

⁶¹ Гулам Мамедли. Нариман Нариманов (1870-1925). Хроника жизни и творчества. Баку, «Язычи», 1987 г. (на азербайджанском языке).

без нее констатировать причину смерти?! Может быть, «расписка» нужна была для подтверждения «времени» и «места» кончины?!..

Исследователей жизни и творчества Нариманова должна была насторожить и сама форма «расписки о кончине» человека, который, будучи профессиональным и довольно опытным врачом, вел себя так противоречиво в момент «внезапно» возникшей болезни.

На то, что Нариманов в конце своей жизни мог попасть «в немилость», с чем можно связывать и последовавшую вскоре за этим смерть, указывают и другие косвенные обстоятельства. Например, полное забвение его имени уже через год после смерти; причем не только в масштабах страны, но и в республике, где он начинал свою революционную деятельность, был широко известен как просветитель, врач, писатель, словом, деятель, оставивший заметный след в истории развития азербайджанской культуры и литературы.

Случилось так, что произведения писателя, выходявшие при его жизни отдельными книгами в Москве и отмеченные вниманием таких известных деятелей культуры, как А.В. Луначарский, С. Городецкий, В. Гурко-Княжин, С. Вельман, М. Павлович, П. Сибирцев, И. Бороздин и другие, неожиданно «исчезли из поля зрения» критики и литературоведения. И, добавим, стали возвращаться к читателю лишь в середине 50-х годов, на волне восстановления ленинских норм политической и общественной жизни. Имя Нариманова как бы возвращалось к нам снова вместе с именами некоторых других деятелей, приговоренных «к забвению...» Как имя человека, который как бы стал жертвой репрессий.

Нариманов умер в 55 лет от роду. Он мог бы дожить до 1937 года и ему было бы тогда 67 лет. Однако вряд ли он смог бы перешагнуть через этот трагический для многих ленинцев «зловещий год».

Кто были противники Нариманова, «расплачивающегося» уже после смерти за свою смелость и последователь-

ность в отстаивании ленинских принципов?! Сталин, Багиров, Берия?!.. И даже после того, как в середине 50-х годов и далее наметилась его «реабилитация»: выпускались в Москве и Баку его книги, был сооружен памятник в Баку, устанавливалась мемориальная доска на фасаде дома по ул. Воровского, где он жил (сейчас там находится издательство «Советский писатель»), в республике, похоже, оставались те, кто не разделял некоторые из его взглядов.

Чем объяснить то обстоятельство, что только теперь увидели свет некоторые из архивных материалов, имеющих важное значение для правильного осмысления деятельности Нариманова и истории вообще?! Где тот «обширный доклад в ЦК» и почему он должен находиться за семью замками?! А также другие документы, имеющие отношение к нему.

Может быть, среди тех, кто «не открывал» его наследие полностью, были те, кто не разделял его взглядов на необходимость развития азербайджанского языка в республике?! И основываясь на его выступлениях, в которых он защищал идею развития родного языка, остающегося, наряду с русским, средством общения представителей разных национальностей в республике, упрекал его в «национализме»?!

Но вслушаемся в то, о чем спорил Нариманов в «Ответе некоторым товарищам», помещенном на страницах газеты «Бакинский рабочий»: «Последнее время некоторые ответственные товарищи в Азербайджане выступают в прессе по вопросу о сокращении числа тюркского (т.е. азербайджанского. – Г.Г.) языка в школах, или о сокращении числа спектаклей в тюркском (т.е. азербайджанском. – Г.Г.) театре и т.д.»⁶². Становится сразу же понятно, насколько глубокими и прозорливыми были взгляды Нариманова по вопросу о языке, особенно в свете современных дискуссий о необходимости подлинного двуязычия в национальных республиках.

⁶² «Бакинский рабочий», 15 июня 1922 г.

Нет сомнения, что начавшаяся публикация его работ в трех томах (уже вышел 1 т.)⁶³ должна как можно полнее представить все документы, связанные с личностью Нариманова, включая те, что, возможно, сыграли роковую роль в его судьбе.

Наджафу же – единственному сыну Нариманова так и не довелось прочитать письмо отца. Но не потому, что оно было не окончено. Спустя десять-пятнадцать лет тенденции, связанные с узурпацией власти, о которых предостерегал Нариманов в письме, уже отчетливо обозначились. Конечно, не 5-летнему сыну, а последующим поколениям он хотел оставить свидетельство своих опасений о будущем. Не пришлось же прочитать письмо отца потому, что он не дожил до тех дней, когда оно было предано огласке. Наджаф Нариманов, в годы Великой Отечественной войны, командуя танковым взводом, погиб при освобождении города Волновахи на Донбассе.

*Гасан Гулиев,
доктор филологических наук, профессор
(«Бакитский рабочий» от 13 января 1989 года)*

ВЕРНОСТЬ СЕБЕ – ВЕРНОСТЬ ПРИНЦИПАМ

К 120-летию со дня рождения Наримана Нариманова

Выражение, вынесенное в заголовок, пожалуй, покажется кому-то надуманным. Как можно говорить о том, что подразумевается само собой. Вполне естественно, что люди бывают верными себе, так во всяком случае должно быть.

Однако представим себе крупного деятеля, обремененного властью и ответственностью. Всегда ли и ко всем ли можно применить эту формулу?! Вспомним недавнее наше прошлое, знакомых нам по отечественной истории творцов застоя и разных деятелей уже во времена перестройки, исповедующих двойную мораль. Конечно, и они были и остаются верны себе... Но по-своему, с учетом собственных интересов, которые далеко не всегда и не во всем совпадают с интересами общественными.

В истории Азербайджана Нариман Нариманов был одной из самых сложных личностей, многогранно реализовавшей свое человеческое и политическое кредо, свою мораль, свой дар. Его помыслы были неотделимы от будущего народа, которому он, не жалея сил, посвятил талант литератора, врача, гражданскую энергию, всю свою активность политика. И при этом, несмотря на изменения политической ситуации, давление отдельных функционеров (об этом мы узнаем из печати только сейчас), сложное переплетение разнородных интересов, обнаружившихся в руководстве, остался верен себе, той руководящей им идее, которая определила всю его жизнь, его судьбу.

Если представить пройденный им путь, то можно обнаружить удивительную последовательность, с какой он продвигался к своей главной цели, как порой, меняя методы и формы своей деятельности (иногда вынужденно, под давлением обстоятельств), следовал той идеальной программе совершенствования действительности, которую избрал для себя однажды и остался ей верен до последнего своего часа.

⁶³ Нариман Нариманов. *Избранные произведения, т.1 (1890-1917)*, Баку: Азернешр, 1988 г.

А поскольку в жизни все было не так просто и ясно, как в «Кратком курсе ВКП(б)», и поскольку уже с первых лет Советской власти отчетливо обозначаются и правое, и левое крыло, возникают дискуссии и «поляризация мнений», то можно представить себе, как это отражалось на таком человеке, каким был Нариманов, на его политической деятельности и служебном положении, на его умонастроениях и судьбе.

Историки (да и литературоведы также) сделали немало, чтобы представить его последующим поколениям подобным тому монументу, который возвышается на одной из площадей Баку, и каким по существующему стереотипу должен быть революционер такого масштаба. Он еще мало известен нам как личность, как человек, которому была свойственна целая гамма разноречивых, связанных с его художественной натурой ощущений и интересов, особенно если иметь в виду его близость к творческой интеллигенции, к театру, в котором он не только ставил свои пьесы, но и сыграл однажды роль в «Ревизоре». Не представлен в ракурсах повседневных забот и дел. Наконец, не раскрыт психологически, хотя и создано о нем немало произведений, как правило, неглубоких в смысле раскрытия всей глубины его внутренней жизни, переживаний, сомнений, перепадов в настроениях.

Очень этому могли бы содействовать его литературные произведения, дневники, письма; некоторые из них до сего дня спрятаны глубоко в архивах.

В них он открывается человеком удивительно цельным и гармоничным, многосторонне одаренным, открытым для восприятия всего нового и передового, тонко чувствующим и ранимым. А главное – совестливым и благородным в своих помыслах. Ведь были же в среде дореволюционной интеллигенции люди, которые, имея достаток, жили в свое удовольствие в то время, когда рядом протекала жизнь, полная лишений и невзгод.

Именно совестливость и высокая нравственность привели интеллигента Нариманова в революцию, подвинули на жизнь, полную лишений, риска, бессонного труда. Учитель, врач, журналист, лектор, писатель, просветитель, общественный и политический деятель, руководитель республики, один из председателей ЦИК СССР, – все это и этапы одной жизни, и пример бескорыстия (ибо тогдашние руководители не были обременены привилегиями).

Да и в своем художественном и публицистическом творчестве, если брать его широко, в единстве всего написанного им он был многогранен, синтезируя в своем творчестве богатейший опыт жизни деятеля культуры и просветителя, политика и государственного мужа, философа-марксиста, который имел свою, применимую к условиям всего мусульманского Востока, программу революционного преобразования. Он был идейным, в самом глубоком и точном смысле этого слова, деятелем партии, в которой уже тогда обозначается аппаратная структура, идет борьба за лидерство и власть.

Все это мучительно переживал Н. Нариманов, осознававший в начале 20-х годов противоречивость момента и опасение за будущее строящегося социалистического общества. Об этом свидетельствует недавно опубликованное (к сожалению, малым, «сувенирным» тиражом) письмо к сыну, а также «обширный доклад в ЦК» и некоторые другие, принадлежащие перу Нариманова, документы. Они чрезвычайно важны для понимания эволюции его взглядов и настроений. А главное – мотивов сопротивления и противодействия бюрократическим тенденциям в высшем эшелоне власти, примириться с которыми он, революционер ленинской выучки, не мог.

Принципиальность, смелость и решительность, с какими он выступил против негативных тенденций, служат его чести и одновременно ставят в ряд с жертвами той вакханалии произвола и репрессий, которая достигла своей

кульминации в 37-м. Но парадокс: занимая в партии и государстве видные посты, «повышаясь», говоря современным языком, в номенклатурных списках, он уже начал испытывать обструкцию, был поставлен в условия, которые неизбежно привели бы его к положению «возмутителя спокойствия» или оппозиционера по отношению к возглавляемому Сталиным ЦК.

В его жизни резко обозначены два этапа борьбы: до и после революции. И неизвестно еще, какой из них был для него труднее, больше отнимал сил и энергии. Как видно из «открывшихся» нам документов, было одинаково непросто быть профессиональным революционером и отстаивать свои убеждения, свое кредо истинного партийца.

И еще. Не все, возможно, помнят, что уже вскоре после смерти его имя как бы исчезло со страниц прессы, а творчество, мягко говоря, осталось лишь в анналах истории литературы. Как-то незаметно исчезло его имя и с названия Института восточных языков при МГУ. После смерти он как бы стал объектом мести и «высочайшего» гнева разного рода «вождей». Хотя официально и не был репрессирован, а похоронен на Красной площади с почестями, приличествующими его высокому положению в государстве.

Лишь со второй половины 50-х годов началась своеобразная реабилитация писателя и политического деятеля. Выходят его произведения на азербайджанском и русском языках, и перед читателями новых поколений открываются разнообразные и яркие сцены из прошлой жизни, пестрая галерея социальных и политических типов: от монарха-деспота («Надир-шах») до авантюристов, ханжей разного рода («Шамдан-бек», «Пир» и другие). Мы становимся свидетелями сложностей и противоречий, с которыми сталкиваются молодые люди из романа «Багадур и Сона», понимаем причины трагического положения низов («Невежество»). Осознаем многое из того, что в сущности стимулировало его активность на политическом поприще.

В связи с нашим сегодняшним пониманием роли Нариманова в общественном и литературном процессе своего времени, обращением к его наследию и всему, что делает это наследие актуальным и заслуживающим самого пристального внимания сегодня, хотелось бы сказать вот о чем.

В одной из недавних публикаций сказано следующее: «Обществу нужно его наследие (имеется в виду Нариманов. – Г. Г.), особенно в той части, что пережила испытание временем». С этим нельзя не согласиться. Но почему именно эта «часть» наследия?! Не вдаваясь в детализацию, хотелось бы вообще предостеречь от такой «избирательности»... Ведь такой отбор, как мы знаем, уже делался в прошлом. Причем его результатом стало то, что самые важные свидетельства-документы, как сказано выше, только в обстановке гласности увидели свет. Однако русский перевод рассказа «Злоключения одного села» (другой вариант названия «Дядя»), осуществленный двадцать лет тому назад автором этих строк, долгое время, по-видимому, в силу заложенного в рассказе «иносказания», не мог получить редакторское «добро». Не удалось добиться этого даже по случаю юбилея писателя. Рассказ не вошел и в 1-й том трехтомного собрания сочинений. И лишь недавно этот рассказ-памфлет наконец-то увидел свет в журнале «Литературный Азербайджан».

И второе. Мы свидетели крушения стереотипов и догм. Предстоит многое переосмыслить и в деятельности Нариманова, которое, будучи многосторонним, отражающим широкий спектр творческих, профессиональных интересов, участия в политической, социальной и культурной жизни общества, его роль в истории Азербайджана, страны, нуждается в более углубленном осмыслении, в изучении его в контексте перемен, происходящих в стране, известных событий в республике.

И нет сомнения, что в фундаментальных, жизненно важных проблемах, таких, как суверенитет республики, ее взаимоотношения с центром, экономическое «самоопреде-

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ление», развитие национальной культуры и языка, укрепление межнациональных отношений, государственного строительства, демократия и плюрализм, Нариманов остается провозвестником перемен, мудрым и дальновидным политиком, человеком, символизировавшим собой единство слова и дела. А главное – верным идеалам просветителя народа и его заступника, которым он свято следовал всю свою жизнь, доминантой которой была верность себе, своим идеалам, принципам бескорыстного служения народу.

Предстоит еще большая работа по выявлению новых фактов, деталей, объясняющих его человеческий подвиг, помогающих понять его подлинный вклад в историю народа. Нет сомнения, что полный и обстоятельный анализ всего того, что он сделал при жизни, еще более приблизит его образ к нам и к грядущим поколениям.

*Гасан Гулиев,
доктор филологических наук, профессор
(«Бакинский рабочий» от 14 апреля 1990 года)*

Выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Нариман Нариманов (1870-1925) занимает значительное место и в истории азербайджанской литературы. Его перу принадлежат драмы «Невежество», «Надир-шах», комедия «Горе от языка, или Шамдан-бек», повести «Пир», «Багадур и Сона», а также целый ряд работ, статей и корреспонденции, посвященных самым различным актуальным проблемам того времени.

Н. Нариманов, пожалуй, был одним из первых среди азербайджанских писателей, чье творчество получило признание у широкого читателя благодаря переводам и изданиям на русском языке. Советская критика также по достоинству оценила произведения писателя-революционера, прочно связанного «с коммунистически марксистской ленинской идеей, с одной стороны, и восточными массами – с другой» (А. В. Луначарский).

В его книгах нашли отображение идейные и социальные столкновения, происходившие на всем мусульманском Востоке. Придавая огромное значение творчеству Н. Нариманова, воспитательному воздействию его книг на широкие массы, центральные издательства и журналы еще при жизни писателя опубликовали на русском языке такие его произведения, как «Пир», «Невежество», «Надир-шах», «Шамдан-бек» и др. Однако некоторые произведения писателя, среди которых «Злоключения одного села», а также ряд статей и заметок, до сих пор остаются неизвестными русскому читателю.

Предлагаемый в переводе на русский язык рассказ Н.Нариманова «Злоключения одного села» был создан автором в форме памфлета и увидел свет в 1915 году на страницах га-

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ОДНОГО СЕЛА

зеты «Ачыг сёз» (№№ 1, 3, 7, 10, 11). Этот рассказ, известный также под названием «Дядя», в годы Советской власти впервые был опубликован в сборнике произведений Н. Нариманова, выпущенном Азернешром в 1956 году на азербайджанском языке.

В «Злоключениях одного села» писатель, умело используя оружие сатиры и иронии, бичует всякое проявление невежества и пассивности в общественной жизни. Высмеивая людей, которые, доверившись обещаниям и авторитету «денежного мешка», не принимают никакого участия в устройстве своей жизни и в разрешении социальных проблем, уповают на «благодетеля», писатель стремится пробудить у них чувство общественного самосознания, вызывает к совести и разуму угнетенных мусульманских масс.

Произведение доносит до современного читателя отголоски политических, социальных и иных противоречий, которые теперь уже сделались достоянием истории. Но вместе с тем «урок», преподносимый Н. Наримановым в доступной и понятной широкому демократическому читателю форме, во многом показателен. Он позволяет и нам лучше представить роль тех «меценатов» и «благодетелей», которые часто за просветительской и либеральной фразеологией прятали свой истинный облик. «Свидетельство» Н. Нариманова поможет лучше осмыслить в этом отношении их место и позиции в битвах азербайджанского пролетариата.

С другой стороны, не потеряли своего значения и призывы к активности, к гражданской деятельности, которые, разумеется, в новых общественных условиях, переосмысленные в духе коммунистической морали, служат созидательным целям народа, являются своего рода заветами для новых поколений.

Как-то мне довелось коротать свои дни в одном из кавказских селений. Это было большое и довольно зажиточное село. Приезжаем сразу бросалось в глаза различие между его двумя частями: одна была расположена на горе, и там, между близко построенными, почти прилепившимися друг к другу, домами и на прилегающих улицах было много пыли, песку и грязи. Другая часть, если приходилось спускаться туда, выделялась чистотой и просторными улицами, добротно построенными домами. Одна часть села была известна под названием Намелсем, а другая – Инмире.

Так они назывались еще с давних времен.

Рассказывают, что Намелсем и Инмире – это имена известных людей: в свое время каждый из них очень много сделал для благоустройства своей половины села, тем самым увековечив свои имена. Подобно двум половинам села жители каждой также отличались своими укладом и образом жизни. Те, что жили в Намелсем, получили земли и состояния еще от своих отцов и дедов и потому проводили свои дни в постоянном блаженстве и удовольствиях.

Если бы кто внимательно присмотрелся к ним, то ему, наверное, показалось бы, что такой образ жизни им также достался по наследству.

Население Инмире, напротив, было трудолюбивым. Здешние крестьяне своевременно сеяли и собирали урожай, часто ездили в город, чтобы продать плоды своего труда, и, познав там много полезного, преуспевали.

Жители Намелсем также бывали в городе, но по возвращении оттуда рассказывали в основном о том, что видели и слышали в городских чайхане и кафе.

Это было время, когда даже в городах не хватало школ. Но население Инмире мечтало о школе в селе. И первые, кто

противились этому, были жители стороны Намелсем. Скажем, старшине нужно было для обсуждения вопроса с каждой стороны пригласить посредников. Представители Инмире не заставляли себя долго ждать, тогда как от Намелсем никто не приходил. И поэтому вопрос о школе снова откладывался. Одним словом, люди Инмире всегда проявляли активное участие в общественных делах и совместными усилиями добивались многого. Выбирая судью, старшину или человека для исполнения каких-либо обязанностей, они всегда старались оказать предпочтение достойным, то есть выбрать не обманывавших народ. Жители Намелсем не вмешивались в общественные дела. Когда же нужно было найти посредника, называли Дядю. Настоящего имени Дяди никто не произносил, потому что оно было очень длинным. Собственно, этого нельзя было делать и по той причине, что среди жителей Намелсема считалось неприличным называть по имени достопочтенных людей. Уважаемых людей здесь называли «кербалай», «мешади», «гаджи», «хозеин»⁶⁴, но самого влиятельного из них называли Дядей. В самом деле, на этой стороне села не было более влиятельного человека, чем Дядя. Он был настолько известен, что даже в других селах и городах его знали под этим именем. Одним словом, все его называли Дядей.

Дяде было 70–80 лет, нужно добавить и то, что здесь никто не знал возраста Дяди. Каждый уже сызмала запомнил его ястребиный облик. Это был высокий мужчина, с приятным лицом, с черной бородой и упитанной шеей. Он был неизмеримо богат. Не только среди жителей Намелсема, но и во всем селе, может быть, даже уезде нельзя было найти более богатого и обеспеченного человека.

Жители стороны Намелсем очень любили и почитали Дядю, и, надо сказать, не без причины. Здешние обедневшие беки постоянно пользовались его кредитом. Зачастую.

⁶⁴ Искаженное от «хозяин» (здесь и далее примечание переводчика).

когда они не в состоянии были своевременно вернуть долги, их земли переходили к Дяде. Он давал в рост деньги и другим людям. Дядя и в самом деле был очень хорошим человеком. Однако, если ему вовремя не возвращали долги, не забывал и показать свою власть. Подобно отцу, воспитывающему сына, Дядя наказывал тех, кто не помнил о своих заверениях...

По этой ли или другой какой причине, народ очень любил Дядю. И как не любить его, если он, без ведома жителей Намелсем, в нужное время сам говорил в их пользу, улаживал их дела, не обременяя их хлопотами. Чего же лучшего было еще желать населению Намелсем?!...

Когда в село приезжал пристав или другой какой начальник, то он обычно останавливался в доме Дяди. Этот факт еще более поднимал авторитет Дяди среди односельчан. Хорошо зная психологию своих людей, Дядя понимал, что общение с подобными лицами, близость к ним поднимает его достоинство в глазах односельчан. Обстоятельства складывались таким образом, что даже население Инмире начало остерегаться Дяди, хотя внешне оно старалось подчеркнуть свою любовь и уважение к нему. Но про себя каждый из этих людей посмеивался над ним и был несказанно рад тому, что влияние Дяди среди населения Намелсем день ото дня увеличивается.

Были причины радоваться этому. Люди из Инмире были достаточно сообразительными и полагали, что интересы народа хорошо может защитить лишь человек образованный, интересующийся тем, что творится в мире. Дядя же не выезжал за пределы деревни и был довольно ограниченным. Воистину жители Инмире были людьми проницательными. Чтобы увеличить влияние Дяди на жителей Намелсем, они нарочно говорили тем: «Счастливые вы люди: у вас есть такой человек, как Дядя». А люди из Намелсем, услышав это, думали: «Видно, Дядя и в самом деле очень умный и рассудительный человек, если даже другие признают это».

Что же еще добавить к этому? Думаю так, они еще больше тянулись к Дяде и полностью доверяли ему свои дела и права. И если даже возникали какие-нибудь значительные вопросы, и тогда жители Намелсем не собирались для обсуждения их, да в этом и не было особой нужды, потому что, если бы сотня голов стала одной головой, и тогда бы она не смогла сравниться с головой Дяди.

Все должно было происходить так, как намечал Дядя. И поэтому люди, верившие в него, спокойно сидели дома. Жители Инмире, видя это, втихомолку посмеивались над ними. По правде говоря, каждая из сторон еще с давних времен неприязненно относилась друг к другу, и положение старшины здесь было затруднительным; он не мог продержаться более одного-двух лет. Если старшина был родом из Инмире, то защищал интересы своей стороны, если же он был выходцем из Намелсем, то защищал своих. То ли по несчастью сельчан или какой-то другой причине, в этом селе еще не появился беспристрастный старшина. И, однако, тот из них, кто поддерживал интересы Инмире, все же немного дальше держался у власти, так как знал, что, в общем, все население Намелсем представляет Дядя, и имел дело лишь с ним.

Конечно, Дядя не нуждался в деньгах. Лучшее, что мог он пожелать, – это получить в награду медаль или крест. Дяде очень хотелось иметь все, что есть приятного в мире. А почему бы ему и не хотеть? При этом он рассуждал так: деньги есть, а с их помощью можно купить все, что душе угодно, может представиться даже возможность занять более выгодное место в обществе.

Не удивляйтесь! Воистину при помощи денег можно стать вровень с сильными мира сего. Для этого и не нужно многого: одному подарить барашка, другому – корову. Третьему отправить мотал⁶⁵, или кое-что еще.

⁶⁵ Мотал – овечий сыр.

Однажды в селе возникли беспорядки. Участились грабежи, воровство. По просьбе всех сельчан властями был утвержден новый, посторонний старшина. Похоже, что новый старшина был хорошим человеком. Звали его – Дашдемир⁶⁶. Поистине он был крепок в делах, как железо, к тому же хорошо образован и преисполнен самых лучших намерений. Сразу же после приезда, он навел порядок в селе.

Спустя некоторое время старшина заметил, что люди Намелсем совсем не участвуют в общественных делах и даже не показываются, когда он созывает их для чего-либо. Только время от времени появлялся Дядя и выступал от их имени.

Скажем, в вопросе о школе. Люди Инмире приходят все, как один, выступают, обсуждают, спорят. А из Намелсем нет никого, а если кто и присутствует, то это – Дядя, который приходит, когда ему вздумается. Так проходил день за днем...

Однажды старшина посетовал своей жене: «Меня удивляют жители Намелсем. Они похожи не на людей, а на баранов. Что же касается жителей другой половины, то те напористы. С ними держи ухо востро. Правда, среди них нет потомков беков, они все простые люди, но сведущи во всем и, если ущемить их в правах, могут наброситься и покусать, как осы». Жена поддакнула старшине: «Ты еще недостаточно знаешь жителей Инмире. Если хочешь заслужить доброе имя и продвинуться в чине, держись той стороны, там люди напористые, из ничего, смотришь, и сделают что-то. Мой отец был из здешних мест, и я с детских лет много слышала о них».

Слова жены запали в память старшине...

С того дня он по-другому стал смотреть на жителей Намелсем. Если кто-нибудь приходил с их стороны жаловаться, то он предварительно справлялся о нем у Дяди. Выходи-

⁶⁶ Буквально «камень и железо».

ло так, что Дядя и разбирал дело. Если проситель был по душе Дяде, он говорил, что надо помочь, если же человек почему-то не нравился ему, то и не заступался за него. Напротив, если в Инмире случалось что-то, старшина сам отправлялся туда, внимательно разбирал дело, принимал решения...

Итак, Дашдемир исполнял обязанности старшины в одном, раз и навсегда заведенном порядке. Из всех старшин он больше всех прожил в этом селе. А его авторитет перед начальством укреплялся день ото дня. И в конце концов дошло до того, что губернатор, как-то приехавший в село, в кругу аксакалов сказал ему: «За хорошую службу я предоставлю тебе лучшую должность». Здесь же находился и Дядя. А потом и население также довело до сведения губернатора, что их старшина – отличный человек.

С этого дня Дядя еще больше сблизился с Дашдемиром. И почему бы ему не сблизиться с ним?! Он увидел, что старшина снискал расположение губернатора. А Дяде только это и нужно было...

Неподалеку от села находился источник. По давней традиции каждые три дня недели поочередно одна из сельских сторон использовала воду для своих нужд. Так случилось, что однажды жители Инмире пользовались этой водой четыре дня. Жители Намелсем рассказали об этом Дяде. Дядя промолвил: «Ладно, я поговорю». И правда, встретившись со старшиной, Дядя сказал ему об этом. На это старшина заметил Дяде: «Поскольку на этой неделе жителям Инмире нужно было больше воды, они просили у меня разрешения лишней день пользоваться ею. А вас прошу не вмешиваться в дела старшины!»

Дядя, очень задетый этими словами, вернулся домой. Однако нужно сказать, что они также напугали его. Ведь до сих пор он не слышал таких резких слов.

Он размышлял: видно, старшина очень прочно стоит на ногах, если даже со мной разговаривает таким тоном. А сельчанам Дядя сообщил следующее:

– Да, я говорил со старшиной, он выразил сожаление и заверил, что это больше не повторится.

Сельчане утикли.

Но с этого момента эти два человека вступили в своеобразное состязание. Дядя, полагаясь на свои деньги и имя, думал так: «Конечно, старшина должен будет посчитаться с моими словами». Старшина же, резко ответивший Дяде, испытывал его убеждения. Он думал: «Если Дядя действительно всем сердцем стоит за своих людей, тогда, конечно, он сделает так: скажет правду им, и те, чтобы защитить свои права, придут ко мне, поделятся со мной своими заботами». Воистину старшина был рассудительным человеком. Через две недели жители Инмире снова на один день больше получили воду...

Жители Намелсем снова обратились к Дяде. Дядя снова обещал поговорить со старшиной. Однако на этот раз он со страху не сказал ни одного слова. И, несмотря на это, он объявил сельчанам:

– Я высказал старшине все, что было у меня на душе, и старшина ответил: «Простите меня, это больше не повторится».

Люди поверили Дяде и замолчали.

Когда же это повторилось еще раз, несколько парней из Намелсем, взяв заступы, отправились к источнику. Случилось так, что несколько молодых людей из Инмире сидели в это время у источника. Пришедшие из Намелсема хотели повернуть воду на свой участок, но другая сторона начала противиться этому. Переругиваясь, они сцепились в драке, и на их крики сбегались люди с обеих сторон села. Пришел и старшина. Он арестовал несколько жителей Намелсем и ни слова не сказал людям Инмире. Жители Намелсем пришли к Дяде и рассказали о случившемся.

Возмущению и негодованию Дяди не было предела. Наконец, он сказал:

– Жаль, что я сейчас болен, но ничего, вы идите и успокойтесь, посмотрите, как я расправлюсь со старшиной.

Люди, поверив, ушли, а Дядя на следующий день отправил старшине одного барана и один мотал, и затем сам навестил его... Старшина, встретив Дядю, сказал:

– Вчерашнее происшествие обеспокоило меня. Я написал сегодня рапорты и начальнику, и губернатору. Надо сослать одного или двух людей из селения, и притом с вашей стороны.

Дядя, улыбнувшись, промолвил:

– Конечно, конечно, не перевелись еще люди, позорящие нашу сторону.

Нужно бы сослать одного или двух парней, у которых в голове не все в порядке... А жители Намелсем ждали-ждали, так ничего и не добились. Все это наводило старшину на размышления: «Воистину, – думал он, – люди этой стороны бессловесны, как животные. Что бы ни делал с ними плохого, сносят все».

Люди из Инмире, столпившись у дома старшины с раннего утра, возбужденно галдели, требуя сослать зачинщиков и буянов. И трех жителей Намелсем навсегда сослали из села.

После этой драки отношения между обеими сторонами еще более ухудшились: везде, где это было возможно, каждая из сторон пыталась навредить другой. Однажды, когда женщины с детьми из Намелсем находились у источника, молодые парни Инмире стали задевать их. Некоторых девушек даже пытались поцеловать. Женщины и дети с криком бросились в село и рассказали о случившемся дома. Сельчане снова попали в затруднительное положение. Делать нечего, нужно снова сообщить об этом Дяде, посоветоваться с ним! Навестив его, они сообщили о происшествии.

Дядя, желая показать, что задета и его честь, гневно ударил по столу и воскликнул:

– Вы только потерпите и увидите, что сделаю я со старшиной. Этот человек не достоин того, чтобы я с ним говорил; на днях я отправлюсь в город, пойду прямо к губернатору и расскажу ему обо всем.

Спустя два дня после этого разговора, старшина навестил Дядю, и тотчас же последовало приглашение на обед. Однако старшина ответил:

– Я явился к вам не за тем, чтобы обедать. Я пришел, чтобы сказать вам всего несколько слов. Мне передали, что на вашей стороне села ведутся какие-то приготовления, будто бы ваши жители собираются напасть на жителей Инмире и вновь затеять драку. Я отлично знаю, что люди вашей стороны слушаются вас... Это известно и начальству... Теперь, сами понимаете, если что-нибудь случится, за это будете в ответе вы...

Дядя, по-настоящему испугавшись, ответил:

– Господин старшина, от имени всех даю слово, что этого не случится, наши люди никогда не посмеют сделать ничего недостойного.

Когда же старшина собрался уходить, Дядя передал ему сто рублей для раздачи их деревенским сиротам и вдовам... Как только старшина ушел, Дядя, быстро созвав сельчан, сказал им:

– Сейчас старшина был у меня. Ему известно, что наши люди собираются затеять драку. Я ответил, что доложу обо всем губернатору. Старшина попросил меня воздействовать на людей, так как виновные будут наказаны, и сказал, что нужно набраться немного терпения, ибо вопрос этот будет решен и наступит примирение... На это я ответил: «Нет, довольно с нас, этого нельзя больше так оставлять».

С гневом произнес последние слова, Дядя немного призадумался и затем сказал:

– Если что-то и затеяли, то пока воздержитесь. Я поеду к губернатору, улажу все дела и постараюсь, чтобы этого старшину убрали от нас.

Один из присутствующих промолвил:

– Дядя, ты как отец нам, что бы ты ни сказал, будет по-твоему; сделай так, чтобы не задевали наших детей и жен. Мы, правду сказать, не сможем это снести.

Дядя успокоил их:

– Нечего горячиться, я знаю, что делать. Только сдерживайте ваших ребят.

И вправду, с самого утра Дядя отправился в город. По-торговал и вернулся обратно. И не только не увидел губернатора, но с испугу даже близко не подошел к той улице, где стоял его дом...

Люди, услышав о возвращении Дяди, тотчас же пришли к нему.

Дядя сказал:

– Эй, мужики, вы знаете, что я за вас готов положить все свое добро. То, что могут сделать деньги, никто другой не сделает. Что поделаешь, для того, чтобы уладить все дела, пришлось заплатить сколько нужно. А теперь я вышибу дух у старшины. Вы ступайте, спокойно сидите и ждите завершения этого дела.

И народ понапрасну ждал. В довершение всего несколько людей из Намелсем попали в тюрьму...

Жители Инмире так напугали своих противников, что с наступлением вечера люди противоположной стороны боялись показаться на улице. Со временем положение этой стороны еще более ухудшилось. А старшина, видя положение жителей Намелсем, не боялся ничего и, по возможности, старался помочь противоположной стороне, прислушивался к их людям, более чутко разбирал их жалобы, принимая соответствующие решения.

А почему бы и не делать этого?

Старшина был умным человеком... Он знал, что в городе живут выходцы из Инмире – образованные и деловые люди. И понимал, что вести из села доходят до города. Когда же нужно, туда отправляется подходящий человек, который там все улаживает. Он знал: найди он общий язык с теми людьми, его служебные дела пойдут еще лучше. И действительно, как только не помыкал старшина жителями Намелсем, а все равно его авторитет перед начальником и губернатором неизменно возрастал.

Наконец, настало время, в городе открылась вакансия на должность пристава. Утвердили в этой должности Дандемира. Когда весть об этом дошла до села, огорчению жителей Инмире не было предела. А жители Намелсем, услышав об этом, обрадовались и повеселели. За день до отъезда старшины, Дядя, собрав всех в Намелсем, посмеиваясь в бороду, поздравил их и сказал:

– Эй, люди, вам известно, что с нами творил этот злодей. Теперь покажем ему, как недовольны мы им. Я дам вам такой совет: когда он отправится в путь, не выходите его провожать, не прощайтесь с ним. Я думаю, что только мое присутствие может быть необходимо. Я должен сказать ему несколько слов на прощанье, пусть поймет, как должно, и не забывает, что мы еще – сила...

Люди согласились с этим.

Наутро все жители Инмире, собравшись на окраине села, ждали проводов старшины. Со стороны Намелсем не было никого, кроме Дяди. Один за другим выступали вперед мужчины Инмире, произносили речи, говорили слова благодарности старшине, поздравляли его, а некоторые даже расплакались.

Дядя тоже, подавшись вперед, сказал:

– Любимый, уважаемый старшина! От имени населения Намелсем, от всего сердца поздравляю вас с новым назначением. Мы очень огорчены тем, что вас разлучают с нами.

Пусть Аллах вас не отдаляет намного от нас. Мы считаем вас своим отцом...

Он даже нарочно скривил губы, будто хотел заплакать... А старшина не заметил и не почувствовал отсутствия жителей Намелсем. Ведь вместо народа всегда говорил Дядя, а сейчас он был тут.

Да, старшина уехал. Расстался с селом. Расстался, но оно осталось в его памяти как неразрешимая загадка. В пути он думал: «Странные эти люди из Намелсем. Они или очень хорошие, или же очень глупые. Я так много доброго сделал их врагам, оказывая им предпочтение во всем, и все же они послали самого влиятельного человека – Дядю, чтобы поздравить меня».

Старшина уехал, так и не поняв, о чем думают, что чувствуют эти люди, кому верят и какому богу поклоняются.

*Перевод Гасана Гулиева
(«Литературный Азербайджан»,
1989, № 9, с. 80 – 85)*

НАРИМАН НАРИМАНОВ: НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Сценарий документального телефильма

Волны, взметнувшиеся на гребень скалы. Шум морского прибоя. Песчаный берег обнажается по мере того, как с него скатывается очередная волна...

ВЕДУЩИЙ: Говорят, что человек и его дела по достоинству оцениваются лишь после смерти. В годы репрессий советского времени могло случиться и так, что наступало забвение человека и всего, что он сделал. Так сказать, смерть после смерти... Как это случилось с Нариманом Наримановым...

Скульптурный портрет Н. Нариманова сменяют фотографии его и его семьи, окружения, детских и юношеских лет, а также кадры кинохроники, отражающие его политическую, государственную и просветительскую деятельность в хронологической последовательности. На этот изобразительный ряд накладываются последующие слова от автора.

...Вначале, вплоть до середины 20-х годов еще давались восторженные оценки его деятельности и заслуг. Потом, уже после его смерти – полное забвение. Затем снова, с середины 50-х годов, уже после смерти Сталина, он вновь – на пьедестале. Его вновь величают «просветителем народа», «писателем-революционером», «видным общественным и государственным деятелем»...

За этими громкими эпитетами и определениями порой исчезали истинные черты этой незаурядной личности. Он оставался в памяти, теперь ассоциируясь скорее с монументом-памятником, чем живым человеком. Его связывали с прошлой «советской историей», нежели с его собственным народом, чьим заступником он был и до установления Советской власти на его родине, и после, когда он возглавлял республику в самом начале ее образования...

Скульптурный памятник Нариманову, с которого открывается вид на панораму бакинской бухты, сменяется панорамой Тбилиси.

Площади и проспекты современного Тбилиси. Памятники города. Старая часть Тбилиси. Дома, будто бы прилепившиеся друг к другу.

Дорога, ведущая к мусульманскому кладбищу. Около нее – высокое здание, и впритык к нему – домик...

...Он родился вот здесь, вырос в этом городе, учился в школе, в Горийской учительской семинарии, окончил в Одессе медицинский университет, чтобы приносить пользу своему народу... Впоследствии он не раз будет приезжать сюда, в Тифлис, который, как и Нагорный Карабах, защищаемый им от притязаний дашнаков-армян, станет также объектом их интересов. Позднее, в одном из своих выступлений в Баку (8 мая 1921 года) он говорил об этом так:

ГОЛОС: (текст Н. Нариманова) Я помню хорошо, когда вызван я был в Тифлис на ряд лекций и еще в 1917 году я был в Тифлисе во дворце, где Ной Жордания и Ной Рамишвили и Гегечкори при мне рассматривали карту и возмущались тем, что получили известие из Питера о том, что, мол, там уже работают дашнаки и с цифрами в руках доказывают, что начиная с запада Эривани до Ростова, на всем этом пространстве нужно создать Великую Армению. Даже в Петербурге был поставлен вопрос о Тифлисе: посмотрим, Тифлис – это армянский или грузинский город, потому что вся экономическая жизнь в Тифлисе во времена Николая и в последующее время была в руках армян. И вот поставлен был вопрос, и чуть ли не до моря доходила линия предполагаемой Великой Армении, что оттуда до Владикавказа и Ростова нужно создать Великую Армению.

ВЕДУЩИЙ: Он пытался просвещать народ, защитить его исконные земли, вывести его на дорогу освобождения от колониального ярма, самодержавного строя, к прогрессу.

Впрочем, мыслями об освобождении жили многие азербайджанские интеллигенты, в том числе писатели, которые тогда приветствовали Советскую власть...

Когда же эта власть стала обнаруживать черты тоталитарного режима, одним из первых на это обратил внимание именно Нариман Нариманов, возвысив голос против «партаппарата» и его «рулевого» Сталина, который уже начинал прибирать в стране власть в свои руки.

Два письма, написанные Наримановым в начале 20-х годов, говорят о многом. Сегодня для нас они – важные документы-свидетельства, указывающие на кризис в его умонастроениях и конфронтацию со Сталиным и его окружением.

Напомним, что Нариман Нариманов умер в 1925 году, когда советский режим и его репрессивные органы только-только формировались...

Кадры кинохроники, фото последних лет, газетные фото Н. Нариманова в траурной рамке, посмертные издания его книг, газетные публикации. Мемориальная доска на Кремлевской стене, в которую замурована урна с прахом Н. Нариманова. Мемориальная доска на доме (по ул. Воровского), где он жил в последние годы жизни.

...Он был похоронен с почестями, как один из председателей ЦИК страны, как видный государственный и общественный деятель.

И сразу же после его смерти отношение к нему начало меняться. Словно по мановению дирижерской палочки, его имя предавалось забвению...

Чтобы установить причину этого, вникнем в содержание писем последних лет – «Доклада в ЦК» и «Письма к сыну»...

ГОЛОС: (текст Н. Нариманова) Когда азербайджанский крестьянин, не имея керосина, зажигает лучину, когда азербайджанский гражданин видит, что в Тифлисе керосин продается дешевле, чем в Гяндже, то поневоле приходится слышать по адресу тех, кто все это делает, упреки, обвинения в колонизаторстве и т.д. Я целый год воевал с тов. Се-

ребровским по поводу процентного отчисления нефтяных продуктов в пользу Азербайджана, дело довел до Политбюро, которое постановлением обязало тов. Серебровского сделать это отчисление. Почему республиканский ЦК не следит за выполнением этого постановления? Потому, что товарищам Кирову, Мирзояну и компании в высокой степени наплевать на все это. Нужно действительно иметь интернационалистскую душу, если можно так выразиться, чтобы обратить на это внимание. Не все ли им равно, что в Азербайджане крестьяне тонут в болоте невежества...

ВЕДУЩИЙ: Н. Нариманову, разоблачавшему тех, кто хотел превратить Азербайджан в «сырьевой придаток» Российской Федерации, пришлось нелегко, когда тиски уже взрешшего аппарата начали сжимать его с двух сторон: из центра и в самой республике, где образовалась оппозиция ему из местной «номенклатуры» и «направленных центром», как называл их Нариманов, «залетных птиц»...

Его стремились дискредитировать как «националиста» сверху, при активной поддержке Сталина, Микояна, Орджоникидзе, и «левые» на местах – М. Гусейнов, Р. Ахундов, Л. Мирзоян. Его выживали из республики, отрывали от народа, который его понимал, видел в нем своего заступника. Сам Нариманов не обольщался насчет своей новой должности, понимая последствия своего «выдвижения» для республики.

ГОЛОС: (текст Н. Нариманова) Снимают меня под видом предоставления высшей должности в Москве. И действительно, меня избирают в председатели ЦИК СССР. Мирзоян и Серго торжествуют! Сняли меня и ничего особенного не произошло, даже никто не осмеливается произносить имени Нариманова. Тем временем несчастный Азербайджан будет игрушкой в руках этих бессовестнейших аферистов.

ВЕДУЩИЙ: Строки из письма к сыну также помогают понять многое.

ГОЛОС: (текст Н. Нариманова) Я был соцдемократом. Но эта организация все более и более отдаляется от идеала. Я

принял программу большевиков с особенным удовольствием, т.к. в ней я видел и вижу скорое осуществление моей именно программы: уничтожить рабство на земле.

Быть может, ты прочтешь эти строки, когда и большевизма не будет. Но это не значит, что большевизм не годится; это будет означать, что мы не сумели его удержать, мы не достаточно оценили его, мы плохо взялись за дело. Откровенно сказать: мы настолько стали надменными от власти, что, занимаясь пустяками, дрызгами, упустили главное из рук.

ВЕДУЩИЙ: Нариманов находился в расцвете сил, творческих и организаторских, когда писал это письмо сыну. Он пытался говорить то, что думал, отстаивать свои убеждения до конца.

ГОЛОС: (текст Н. Нариманова) Обо всем этом ты узнаешь из моего обширного доклада в ЦК. Этот доклад даст тебе возможность разобраться во всем этом и из этого же доклада узнаешь, что твой отец имел смелость говорить то, что многие другие не могли этого делать из боязни лишиться службы или власти...

ВЕДУЩИЙ: Что это: предчувствие опасности, с какой был связан этот шаг, или желание объяснить близким причину этого поступка?!

И что означает это письмо, написанное пятилетнему сыну, который еще не умел читать?!

Такие речи не могли остаться без внимания Сталина... И, возможно, Нариман Нариманов стал одним из первых в списках его жертв...

До сих пор остаются тайной, вызывают различные толки и пересуды последние часы его жизни и скоропостижной смерти... Последовавшей, как говорят, после беседы со Сталиным в Кремле...

Троицкие ворота Кремля, решетка Александровского сада. По тротуару от Троицких ворот Кремля до площади Революции камера фиксирует прохожих, автомобили, дома

и деревья, движущиеся в кадре со скоростью пешехода, который идет рывками, то убыстряя шаг, то останавливаясь и тяжело дыша...

ВЕДУЩИЙ: ...Вот по этой улице он шел мартовским вечером 1925 года, направляясь домой...

На Моховой улице, недалеко от Манежа, у решетки Александровского сада (в направлении от Троицких ворот Кремля до площади Революции) изображение в кадре замирает. Деревья, дома, прохожие, оказавшиеся в кадре, начинают клониться набок.

Серое небо и на его фоне с криком взметнувшиеся ввысь черные вороны.

ВЕДУЩИЙ: ...Из «расписки» медсестры Юлии Литвин... В кадре текст расписки, которую читает женский голос.

Женский голос: Я, сиделка кремлевской амбулатории, Юлия Ивановна Литвин, проходя после окончания работы в восемь с четвертью - восемь с половиной часов вечера сего 19 марта 1925 года по тротуару у решетки Александровского сада по направлению Троицких ворот до площади Революции увидела прислонившегося к решетке и сильно кашляющего человека, которому, видимо, было дурно.

Подойдя, чтобы оказать ему помощь, я узнала в нем председателя ЦИКа тов. Нариманова, которого я несколько раз видела ранее в нашей амбулатории.

Узнав, в свою очередь, меня, он сказал: «Ведите меня скорее в больницу, я умираю...» Я переспросила: «Не хотите ли он ехать домой?» Он категорически распорядился везти его в больницу Кремля.

Дорогой он все время стонал, говорил, что ему плохо, а пока мы доехали до больницы, он уже скончался.

В кадре движение по тому же маршруту, только в обратном направлении и с большим ускорением. Стук копыт лошадей, запряженных в пролетку (фаэтон), на которой умирающий. Пролетка движется к Кремлевской больнице.

Внезапно шумы улицы, стук копыт и все остальное исчезает, пропадает...

Замедленное изображение (съемка) движения на словах Ю.Литвин «он уже скончался».

Замедленное изображение сопровождают и последующие слова от автора.

ВЕДУЩИЙ: В этой официальной версии бросается в глаза ряд моментов и странных совпадений. Во-первых, то, что именно медсестра из Кремлевской амбулатории оказалась рядом, первая увидела Нариманова в момент, когда ему стало плохо. Во-вторых, Нариманов, зная, что умирает, «категорически распорядился», чтобы его везли в больницу Кремля, а не домой. В-третьих, кому и для чего писала свою «расписку» Ю. Литвин, если врачи в Кремлевской больнице могли и без нее констатировать причину смерти?! Может быть, «расписка» нужна была для подтверждения «времени» и «места» кончины?!...

Исследователей жизни и творчества Нариманова должна была насторожить и сама форма «расписки о кончине» человека, который, будучи профессиональным и опытным врачом, вел себя так противоречиво в момент «внезапно» возникшей болезни.

На то, что Нариманов в конце своей жизни мог попасть «в немилость», с чем можно связывать и его скоростную смерть, указывают и другие косвенные обстоятельства. Например, полное забвение его имени уже через год после смерти, причем не только в масштабах СССР, но и республики, где был широко известен.

Нариманов умер 55 лет от роду. Он мог бы дожить до 1937 года и ему было бы тогда 67 лет. Однако вряд ли он смог бы перешагнуть через этот трагический для многих «зловещий год».

Кто были противники Нариманова, «расплачивавшегося» уже после смерти за свою смелость и последователь-

ность в отстаивании собственных принципов?! Сталин, Багиров, Берия?!

Любопытен еще один факт: когда Сталин, демонстрируя свое высокое покровительство Мамед Эмину Расулзаде после того, как пала Азербайджанская Демократическая Республика, освободил его из лап ЧК и привез с собой в Москву, в Кремль, это могло иметь далеко идущие последствия для Нариманова...

Сам Мамед Эмин Расулзаде вспоминает об этом так. В Кремле один из коммунистов спросил его:

« – Правда ли, что доктора Нариманова (в то время Председателя совета комиссаров Азербайджанской советской республики) снимают и вас назначают на его место?

– С чего это взяли?

– Так говорят в Кремле.

Я объяснил ему, что эти слухи, видимо, распространяются кем-то специально...»

Современные ниспровергатели авторитетов, которые пытаются умалить заслуги Нариманова перед его народом, противопоставляя его Мамед Эмину Расулзаде, должны знать, что они в этом не оригинальны.

Ведь за много лет до них это пытался сделать Сталин. Их сталкивали и при жизни и после смерти, хотя оба они, являясь фигурами трагическими в истории своего народа, оказались разъединенными от родины и похоронены далеко от нее и друг от друга: один в Москве, другой – в Анкаре...

Да, Нариманов мог при жизни быть неугоден многим. Вслушаемся в то, о чем он говорил, о чем спорил со своими оппонентами...

Голос: (текст Н. Нариманова) Последнее время некоторые ответственные товарищи в Азербайджане выступают в прессе по вопросу о сокращении числа тюркского (т.е. азербайджанского) языка в школах, или о сокращении числа спектаклей в тюркском (т.е. азербайджанском) театре и т.д.

ВЕДУЩИЙ: Наджафу же – единственному сыну Нариманова, так и не довелось прочитать письмо отца. Но не потому, что оно было не окончено. Ведь не 5-летнему сыну, а последующим поколениям он хотел оставить свидетельство своих опасений о будущем. Не пришлось же прочитать письмо отца потому, что он не дожил до тех дней, когда оно было предано огласке. Наджаф Нариманов, в годы Второй мировой войны командуя танковым взводом, погиб при освобождении города Волновахи на Донбассе.

Пока читается текст, снова возникает цокот копыт. Крупы двух лошадей, впряженных в фазтон. Словно ожили вновь улицы, дома, деревья... Но это - не Москва, а Баку.

Бакинский бульвар. Вид на бухту. И с бухты - на город.

Панорама города застыла в кадре до тех пор, пока следуют заключительные титры.

*Баку – Москва 1998 г. (Из кн.: Гасан Гулиев.
Сценарий документального фильма.
Б., 2001 г., с. 50 – 56)*

МАМЕД ЭМИН РАСУЛЗАДЕ- СОВРЕМЕННОК И СОРАТНИК

В начале века активную роль в общественной, политической и культурной жизни Азербайджана играл и Мамед Эмин Расулзаде (1884 – 1955), ставший впоследствии одним из создателей Азербайджанской Демократической Республики (1918 – 1920).

Окончив русско-татарскую школу, директором которой был С.М. Ганизаде, он продолжил учебу в техническом училище. В 1902 году 18-летний Мамед Эмин создает «Организацию мусульманской молодежи», а в 1903 году появляется его первая статья о чистоте родного языка в газете «Шарги-Рус» («Русский Восток») – единственной в России газете, издававшейся на азербайджанском языке.

Следует отметить, что национально-освободительное движение в Азербайджане в начале XX века носило сложный и противоречивый характер, объединяя партии и деятелей, стоявших на разных идейных и политических платформах.

В этом процессе, связанном с общероссийским революционным движением, можно было выделить два направления – демократически-либеральное, ограничивающееся требованием гражданских свобод, и демократизации общественной жизни, и радикальное, представляемое социал-демократами и эсерами, которые стояли за революционный путь свержения монархии. Именно к этому радикальному крылу и примыкал в то время М.Э. Расулзаде – один из основателей организации «Гуммет». Это была первая в Азербайджане партия, созданная для проведения революционной работы среди трудящихся-азербайджанцев. В эти годы М.Э. Расулзаде активно сотрудничает со Сталиным, Наримановым, М. Азизбековым и другими членами партии большевиков в борьбе за свержение царского самодержавия, выступает с многочисленными статьями в органах «Гуммета» – газе-

тах «Гуммет», «Тежямул», «Йолдаш», а также в газетах «Иршад» и «Терегги», издаваемых Ахмед-беком Агаевым. В них он откликается на злободневные и актуальные проблемы общественной и политической жизни.

Эти годы участия в социал-демократическом движении были самыми насыщенными и одновременно самыми противоречивыми для М.Э. Расулзаде, который в конечном итоге разочаровывается в политике большевиков по национальному вопросу.

М.Э. Расулзаде помимо публицистических работ проявлял интерес и к художественному творчеству, писал стихи и пьесы. В 1908 году была осуществлена постановка его пьесы «Гаранлыгда ишыглар» («Огни во тьме»), завершена работа над другой – «Неожиданная беда».

Однако, находясь под наблюдением полиции в связи со своей революционной деятельностью, в начале 1909 года он под давлением властей вынужден был покинуть Баку и отправиться в эмиграцию в Иран, где активно выступил в поддержку демократического движения, за осуществление конституционных реформ в этой стране. С этой целью он пишет статьи, даже основывает газету «Ирани-ноу» («Новый Иран») – издание, по свидетельству современников, нового типа.

Пребывание М.Э. Расулзаде в Иране совпало с разоружением и подавлением отрядов Саттар-хана – лидера национально-освободительного движения в Южном Азербайджане (Иране), приведшего к наступлению реакции в стране. В этой неблагоприятной для его деятельности обстановке М.Э. Расулзаде, ставший к этому времени членом Демократической партии, вместе с лидером этой же партии С.Г. Тагизаде эмигрируют в Турцию (1911). С первых же дней пребывания в этой стране М.Э. Расулзаде принимает деятельное участие в обществе «Турецкий очаг», сплотившем прогрессивную интеллигенцию, в том числе видных азербайджанских поли-

тических деятелей, оказавшихся к тому времени в эмиграции, – Алибека Гусейнзаде, Ахмед-бека Агаева и других.

По настоянию и предложению М.Э. Расулзаде его сподвижники в Азербайджане создают мусульманскую демократическую партию «Мусават» (1911). В Стамбуле он издает книгу своих переводов «Образцы русской литературы» (1912).

Наступает 1913 год. Это был год 300-летия династии Романовых, и по этому случаю была объявлена амнистия, которая коснулась и эмигрантов. М.Э. Расулзаде получает возможность вернуться на родину и, оказавшись в Баку, начинает активно участвовать в общественной и политической жизни в качестве одного из лидеров партии «Мусават».

Февральская революция 1917 года открывала возможности для обретения независимости народов России, что определяло и программу партии «Мусават». Участие М.Э. Расулзаде в работе съездов мусульман Кавказа и затем мусульман России, его активная деятельность по консолидации передовых сил в Азербайджане выдвинули его в ряд видных общественно-политических деятелей страны.

И когда с окончательным крахом самодержавного строя в России возникла возможность для обретения независимости, М.Э. Расулзаде сыграл важную роль в создании Азербайджанской Демократической Республики, которая, просуществовав с 1918 по 1920 год, пала под нажимом большевиков и XI Красной Армии, с приходом которой в Баку в апреле 1920 года была установлена Советская власть.

Последующие страницы жизни М.Э. Расулзаде исполнены драматизма: мусаватисты, его соратники по партии и правительству, скрываются, продолжают работу в подполье. Сам М.Э. Расулзаде скрывается в горном селении Лагич, где его арестовывают и доставляют в ЧК. Приезд Сталина в Баку, его участие в освобождении М.Э. Расулзаде и отъезд с ним в Москву открывают новые возможности для сотрудничества с большевиками. Однако, отказавшись от выгодных

предложений Сталина, М.Э. Расулзаде тайно, через Финляндию, уезжает в Турцию, где и проводит остаток своей жизни, став непримиримым врагом большевиков, «советизировавших» его Азербайджан.

М.Э. Расулзаде внес заметный вклад в развитие общественной и философской мысли в Азербайджане, Иране, Турции, Германии, Польше, написав большое количество работ и статей по актуальным вопросам политики, международной жизни, национального самоопределения.

В последующие годы, в связи с изменениями политической обстановки в мире ему также приходится часто менять местожительство, перебираясь из страны в страну (Польша, Германия, Румыния и снова Турция). В Берлине он выпускает газету «Истиггал» («Независимость», 1932), а также журнал «Гуртулуни» («Освобождение», 1934), в Польше вместе с поляками создает группу «Прометей», проводит в 1936 году съезд партии «Мусават» в Варшаве. В годы Второй мировой войны он выпускает газеты «Азербайджан» и «Худжум» («Атака»), в которых проводит основную мысль – независимость родины.

Творческое наследие М.Э.Расулзаде охватывает большой и разносторонний материал. Это – написанные в разные годы сотни статей, книга «Сиявуш нашего века» (Стамбул, 1922), научный труд «Азербайджанский поэт Низами» (Анкара, 1951), «Азербайджанская республика» (Стамбул, 1922), «Современная азербайджанская литература» (Варшава, 1936), книга переводов «Образцы русской литературы» (Стамбул, 1912), переводы рассказов М. Горького (Баку, 1914), книги «Народовластие» (Баку, 1917) и «Какое нам полезно правительство?» (Баку, 1917), «Азербайджан и его независимость» (Париж, 1930), «О пантюркизме» (Париж, 1930), «Современная история Азербайджана» (Анкара, 1951), «Воспоминания о беседах со Сталиным» (Анкара, 1954) и другие.

Все перечисленные работы дают представление как о мировоззрении, идейной направленности всей деятельности М.Э. Расулзаде, так и о жизненном пути, препятствиях, которые он преодолевал, двигаясь к заветной цели.

Стремление к этой заветной цели и определило «маршруты» его эмиграции: из Баку в Иран, затем в Турцию, отсюда в Польшу, Германию, и снова в Турцию... Независимый Азербайджан, ради которого жил и боролся М.Э. Расулзаде, не оставлял ему возможности для маневра или компромисса, тем более находясь в опасной близости к диктаторам и лидерам, властно утверждавшим свой авторитет...

Когда М.Э. Расулзаде после падения АДР был схвачен в горах Лагича и доставлен в ЧК, где над его жизнью нависла угроза, его спас Сталин, доставивший его из Баку в Москву в своем вагоне. По свидетельству самого М.Э. Расулзаде, Сталин вез его в Москву, чтобы организовать «замену» Н. Нариманова... Но принципиальная позиция М.Э. Расулзаде, идейно расходившаяся с коммунистической, последующий его побег в Финляндию и отъезд в Турцию сделали невозможным его близость со старым революционным соратником Кобой.

Он критически отнесся к действиям турецких военачальников, которые, поверив, что Красная Армия идет на помощь Турции и лишь временно должна войти в Азербайджан, в Баку, дали свое согласие на смену АДР властью большевиков. В последующем, под давлением Кремля турецкие власти во главе с Ататюрком изгнали мусаватистов во главе с М.Э. Расулзаде из Турции, где они нашли себе пристанище...

Как видим, союз М.Э. Расулзаде, проповедника общетюркского единства, с Ататюрком также не состоялся...

В годы Второй мировой войны стремление вывести «свой» Азербайджан к свободе от большевиков, к государственной независимости подводят М.Э. Расулзаде к необходимости согласовать свои позиции оппозиционера по отно-

шению к большевикам с гитлеровским руководством. Речь шла о возможности создания «независимого Азербайджана» в случае поражения большевиков. Но не увидев одобрения и поддержки этой идеи в гитлеровском руководстве, М.Э. Расулзаде уходит от контактов с окружением Гитлера; теперь он стремится спасти как можно больше своих соотечественников от гибели в немецких лагерях для военнопленных и в частях легионеров, которые формировались из военнопленных, в числе которых были и азербайджанцы.

В своей книге «Современная азербайджанская история» он стремится близко познакомиться с новым поколением азербайджанцев, которые в результате военных действий оказались в немецком плену. Это в основном представители молодого и среднего поколения, в которых автор обнаруживает новые черты: некоторые оказываются приверженцами новой советской идеологии, патриотами своей родины. Беседуя с ними, М.Э. Расулзаде хочет понять их психологию, корни их преданности советскому строю. Иные удивляют его своим атеизмом, полным равнодушием к религии, что становится причиной их гибели в немецком плену: чтобы отличить азербайджанцев от евреев, немцы требуют от пленных проявить свою национальную принадлежность и наталкиваются на полное непонимание и равнодушие со стороны азербайджанских пленных. Они забыли мусульманские обряды и ритуалы, что в условиях тотального антисемитизма в фашистских условиях обрекает их также на смерть.

Автор старается быть объективным в оценке своих соотечественников, оказавшихся в плену. Он пишет, что среди азербайджанцев, с которыми он встречался в Германии военного времени, преимущественно с пленными, не было ни одного, кто не умел бы читать и писать⁶⁷.

⁶⁷ Məmməd Əmin Rəsulzadə. Əsrimizin Səyavuşu. Çağdaş Azərbaycan ədəbiyyatı. Çağdaş Azərbaycan tarixi. Bakı. Gənclik. 1991, s. 97.

Отмечая достижения народа в области науки, образования, техники и т.д., автор не упускает возможности отметить фактор ослабления национального самосознания, политику русификации, осуществляемую советскими властями, централизацию власти в области промышленности, в том числе нефтяной, и строительства, науки и образования, во всех сферах культуры.

В основе публикации «Современная азербайджанская история» лежит доклад М.Э. Расулзаде, сделанный им в Народном Доме, в Анкаре 28 мая 1950 года, то есть в 32-ю годовщину установления АДР. В этом докладе-обзоре автор пытался обобщить свои наблюдения и мысли в связи с ситуацией, сложившейся у него на родине, отметить перемены и особенности развития образования, литературы, науки и техники.

Разумеется, события и факты, их осмысление связывались с критическим отношением автора ко всей политике советской власти, которая, по его мнению не учитывала коренные национальные интересы его народа, проводя по отношению к нему империалистическую и колонизаторскую тактику русификации и эксплуатации.

В таком же критическом ключе рассматриваются им в работе «Современная азербайджанская литература» основные тенденции развития литературы. Объект критики здесь – советская идеология, составившая основу литературного процесса в целом.

Анализируя творчество некоторых мастеров литературы старой, досоветской школы (Дж. Мамедкулизаде, Сулеймана Ахундова, Гусейна Джавида и др.), он отмечает у них отдельные мотивы и темы, которые не соответствовали, с точки зрения советской критики, злобе дня, не представлялись «актуальными» и значительными. Так, он отмечает в пьесе Дж. Мамедкулизаде «Книга моей матери» идею обращения к собственным «материнским» корням в поисках путей культурного развития, которую выдвигает драматург, представ-

ляя трех сыновей, получивших образование в разных странах: в Иране, Турции, России...

Предметом разбора М.Э. Расулзаде в этой работе также становятся «Кяманча» Дж. Мамедкулизаде, «Орлиное гнездо» С.С.Ахундова, «Пророк» Гусейна Джавида, стихотворения Ахмед Джавада, пьесы Джафара Джаббарлы «Верная Сария», «Айдын», «Октай», «Севи́ль», «Невеста огня», «Яшар», роман Сабита Рахмана «Неверный», драма Самеда Вургунуна «Вагиф», поэма Джафара Хандана, стихотворения поэта Гюльтекина, Алмаса Иллырыма и других.

Автор выделяет в рассматриваемых работах темы и мотивы, которые соответствуют национальным представлениям и традициям, отмечает то, что не могло быть принятым господствующей идеологией, а потому или замалчивалось, отвергалось или же подвергалось резкой критике в печати.

Взгляд М.Э. Расулзаде на литературный процесс остро подмечает идеологическую заданность или несоответствие ей, фальшь и лицемерие, которые обнаруживаются в ряде произведений азербайджанских советских писателей, пытавшихся шагать «в ногу со временем»...

Разумеется, взгляд на «современную литературу Азербайджана» – это взгляд политика, оппозиционера и эмигранта. Но это – вместе с тем и взгляд литератора-теоретика и практика, патриота и человека, болеющего за свою родину, за успехи своего народа на разных поприщах, в том числе и на литературном. И, конечно же, это – отношение профессионального литератора, журналиста и публициста, посвятившего многие годы жизни созданию книг, статей, обзоров...

В это трудно поверить, но в самые критические дни своей жизни, находясь в бегах, преследуемый органами ЧК и ее руководителем – палачом Панкратовым, М.Э. Расулзаде, забыв о нависшей над ним угрозе смерти, отводит душу тем, что пишет одну из лучших своих работ – «Сиявуш нашего века»...

Автор так описывает историю создания своей книги. В селе Лагич, известном своими мастерами, М.Э. Расулзаде обнаруживает в доме, где прятался от посторонних глаз, книгу классика иранской литературы Фирдоуси «Шахнаме». Он зачитывается эпосом, в которой была представлена галерея богатырей и мифологических образов, вся история Ирана, завершающаяся наступлением Арабского халифата...

Сиявуш – один из центральных образов эпопеи, рассказывающей о войне Ирана и Турана, фарсов и тюрков, представляет собой оба этих мира, и потому своими действиями пытается примирить их, оставаясь независимым и непокорным ни одному из них...

М.Э. Расулзаде аллегорически перевоссоздает эту ситуацию, взятую из далекой истории. У него Сиявуш – это Азербайджан, причем «Азербайджан нашего века»... Страна, которая является средоточием сразу двух традиций: религиозных, исторических, культурных...

С одной стороны, ее история тесно связана с Ираном, ее историей, переплетается с ней. Имеются духовные, литературно-художественные и культурные точки соприкосновения. В том числе классическая азербайджанская литература, создаваемая на фарси. Это – Фелеки, Мутереззи, Хагани, Мехсети, Низами...

С другой – связи с Турцией, с тюркским миром. Этнически, по языку, общей религии, ментальностью и т.д.

Пользуясь приемами аллегории, прибегая к метафорам, М.Э. Расулзаде возводит Азербайджан в ранг мифологических героев нового времени, делает его богатырем, вышедшим победителем в «схватке миров». Азербайджанская Демократическая Республика – вершинный взлет его истории. История «богатыря», показавшего пример всему Востоку своими успехами: торжеством демократии и парламентаризма, равноправием всех партий и сословий перед законом. Своими успехами в промышленности, градостроительстве, своим богатством и достижениями во многих областях.

И опять же нефть, как основа богатырской мощи Азербайджана, в жилах которого она течет, чтобы удесятить его силы.

«Во времена Фирдоуси сила государства опиралась на богатырей. А в наше время такой великой силой являются природные богатства», – пишет М.Э. Расулзаде⁶⁸.

Нефть – залог процветания и будущей мощи Азербайджана, утверждает автор, и призывает его оберегать от чужих, охочих до него рук.

«Сиявуш нашего века» – это и история борьбы, обретения независимости страной, ее успехов и достижений. Она рассказывает о тех враждебных Азербайджану силах, внешних и внутренних, которые помешали обретению вечной свободы и независимости...

Республика пала, как пал в битве Сиявуш, но «Безвинная кровь будет отомщена» (это название последней главы), потому что следует извлечь уроки из случившегося. «Реакционные силы погубили Сиявуша нашего века, но его свободолюбивые идеи бессмертны. Приверженцы этой мысли находятся сейчас вдали от своей родины; некоторые из них скрываются в горах, другие сосланы в далекие страны, а часть упрятана в тюрьмы. Хотя народ в страхе перед большевизмом с виду отрекся от трехцветного знамени, символизирующего его свободу и независимость, но оно еще долго будет нежно развиваться перед его глазами и призывать к свободе».

Так писал человек, завершая свою рукопись в июле 1920 года, которую затем передал на хранение в том же Лагиче перед тем, как оказался в лапах ЧК и был препровожден в Баку.

Но удивительное дело: рукопись «Сиявуша», когда уже у его автора пропала надежда найти ее, обнаружилась через три года и увидела свет, поразив читателей как своей не-

⁶⁸ Журн. «Хазар», 1990, № 1, с. 52.

обычной формой повести – сказа, так и непоколебимой убежденностью ее автора в торжестве идей, которые он отстаивал, став жертвой репрессий.

Необычность формы рассказа... Это признаки писательского и исследовательского дара, которым был наделен М.Э. Расулзаде. Он обнаруживается в наиболее крупном его научно-литературоведческом исследовании, посвященном творчеству азербайджанского классика XII века Низами Гянджеви.

Фирдоуси, Низами... Чем вызвано внимания политического деятеля такого масштаба, каким был М.Э. Расулзаде, к мировой классике прошлых веков?!... Мы видели, как мастерски он соединил мотивы богатырского сказания о Сиявуше с современной историей Азербайджана, с историей борьбы народа за свою независимость в начале бурного XX века.

Фирдоуси, как видим, не «чужой» для Азербайджана классик, если учитывать систему научно-философских взглядов М.Э. Расулзаде на синтез «ирано-туранских» традиций. И образ Сиявуша у Фирдоуси удачно ассоциируется с современными, по М.Э. Расулзаде, представлениями об Азербайджане.

Ну, а Низами?.. Почему Низами, а не, скажем, Насими или Физули, согласно автору, представляющие другой полюс, так называемый мир «Туранский»?!...

Для М.Э. Расулзаде, политика и эмигранта, представляющего за рубежом «другой», «свой» Азербайджан, выбор объекта исследования также был неслучаен. Это было время, когда в Азербайджане шла интенсивная подготовка к 800-летнему юбилею классика, и мероприятия в связи с этим принимали масштабный характер: основные востоковедческие учреждения Советского Союза, специалисты-востоковеды, поэты-переводчики, ученые-литературоведы, знатоки фарсидского языка, творческие организации, издательства и редакции журналов проделали большую работу по сис-

тематизации, научно-критическому переводу, исследованию и популяризации творчества Низами Гянджеви.

1941 год должен был ознаменоваться большими мероприятиями в честь Низами, но помешала война...

Именно в канун этого юбилея начал свою работу М.Э. Расулзаде и продолжал дополнять и дописывать ее в последующие годы, издав ее в Анкаре в апреле 1949 года.

Можно без преувеличения сказать, что М.Э. Расулзаде, как никто другой из литературоведов этого периода, был подготовлен и имел моральное право исследовать творчество Низами. Знаток восточной литературы и, в том числе, иранской, а также фарсидского языка, с которого он осуществлял отрывки из произведений Низами, востоковед, использующий обширную литературу на европейских и восточных языках, в том числе труды видных советских низамиведов, которым он воздает должное, М.Э. Расулзаде обладал многими профессиональными возможностями, которые он и использовал в своем труде, представляющем собой одну из значительных книг, когда-либо созданных в низамиведении.

Свою книгу он назвал «Азербайджанский поэт Низами», как бы во всеуслышание заявив о национальной принадлежности поэта. И это было своевременно и уместно в спорах о том, кто составил вершину не только азербайджанской, но и фарсидской поэзии. Естественно, возникала проблема двуязычия, двуязычных писателей, их национальной принадлежности и «этнических показателей», – то есть все то, что не раз становилось объектом споров и дискуссий в разных литературах, где имелись «двуязычные» или «трехязычные» писатели... М.Э. Расулзаде научно-обоснованно отвечал на такого рода вопросы, демонстрируя недюжинные познания в европейских и восточных литературах.

Хотя он уважительно относился к иранской художественной традиции, включавшей в себя целый ряд имен мирового значения, восхищался Фирдоуси, Хафизом, Саади и

другими классиками, что было естественным в свете его теории о культурном двуединстве Ирана и Турана, в результате которого родился «Сиявуш нашего века» – Азербайджан, но, учитывая конъюнктурный предубиленный ажиотаж вокруг имени Низами, преднамеренно и категорически определил его как «азербайджанский поэт»...

Вторым важным, с нашей точки зрения, утверждением автора книги было определение новаторского характера его творчества. По утверждению М.Э. Расулзаде, Низами Гянджеви «создал новый жанр (любовную легенду)»⁶⁹. Именно этот «любовный роман» и сделал его творчество привлекательным для последующих поколений авторов, создавших бесчисленные «подражания» («назире») его «Пятерице» («Хамсе»).

В этом фундаментальном своем исследовании М.Э. Расулзаде дал всесторонний и основательный обзор творчества Низами, продемонстрировал великолепное знание исторической обстановки «эпохи Низами», проблематику и историю изучения его наследия, определил значение и место его творчества в мировой литературе.

И здесь, оставаясь патриотом и политиком, М.Э. Расулзаде вскрыл искривления и недочеты, обнаружившиеся в трудах исследователей, рьяно следующих курсу «марксистско-ленинской методологии»...

В этом поистине энциклопедическом труде мы видим панораму азербайджанской и, шире, восточной литературы (фарсоязычной и тюркоязычной), получаем сведения о целом ряде поэтов и ученых, об исламской культуре и ее роли в развитии азербайджанской литературы. В книге отдельно выделены главы о самом Низами, его биографии и взаимоотношениях с разными правителями, отдельно рассматриваются произведения «Хамсе» («Пятерицы»), их тематика и

основные мотивы, философские и идейные обоснования его поэзии.

Если бы М.Э. Расулзаде создал бы всего лишь одну эту книгу, то и тогда он остался бы в азербайджанской культуре и литературе яркой величиной, стяжавшей себе имя талантливого и вдумчивого, объективного и плодотворного ученого-низамоведа...

Но эта книга была всего лишь одной из многих книг, созданных им. В их числе исследование – трактат «О пантюркизме», «Азербайджанская Республика» – летопись возвышения и падения АДР, «того» Азербайджана, в создании и формировании которого большую роль сыграл М.Э.Расулзаде – писатель-публицист, политик и эмигрант.

*(Из кн.: Гасан Гулиев.
Эмигрантская литература Азербайджана.
Б., 2004, с. 22 – 35).*

⁶⁹ *Məmməd Əmin Rəsulzadə. Azərbaycan şairi Nizami. Bakı. ADN, 1991. s. 29.*

ПОЕЗД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ПЬЕСА В 2-х ДЕЙСТВИЯХ И 6-и КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мамед Эмин
Сталин
Доктор Нариман
Ванда
Азер
Мамед Али
Панкратов
Фон Менде
Фаталибек
Гамидбек
Конвоир, проводница вагона, пленные, немецкие офицеры и солдаты

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1-я

Анкара. Мартовский день 1953 года. Комната в полу-подвальном помещении. В комнате металлическая кровать, стол, два старых кресла. На тумбочке у кровати телефон. Из радиоприемника звучит песня на польском языке. Ее слушает Ванда, которая сидит в кресле и что-то шьет. Входит Мамед Эмин с пакетом в руке.

МАМЕД ЭМИН. Что, слушаешь родную мелодию? (Кладет пакет на стол, снимает плащ и шляпу, прислушивается). Да, хорошо поет...

ВАНДА. Ты узнаешь эту мелодию, да? Она была популярна в Польше еще тогда, лет 15 тому назад. Когда мы с тобой только познакомились.

МАМЕД ЭМИН. Что-то не помню... Тебя помню, конечно. Какой ты была тогда, пятнадцать лет тому назад... Пани Ванда, которая чем-то мне понравилась. Тогда...

ВАНДА (не дает ему договорить)... Наверное, тем, что я много спорила с тобой. Вместо того, чтобы соглашаться и быть тихой, смиренной, как ваши восточные женщины..

МАМЕД ЭМИН. Нет, наверное, потому, что ты тоже хотела мне понравиться...

ВАНДА. Если бы это было так, то я, вероятно, вела себя как-то иначе... Просто тебе нужна была помощница, жена... Наверное, сказала и скитальческая жизнь. Переезды из одного города в другой. Из одной страны в другую...

МАМЕД ЭМИН. Ты была все это время хорошей подругой. (Подходит к ней, целует). Без тебя я, наверное, пропал бы. И потом, не забудь, я был влюблен, как... как Меджнун (с наигрышем). Обезумев от любви... Бывает же такое с немолодыми людьми, а?! Разве нет?

ВАНДА (вновь принимается за шитье). Бывает, бывает... (Усмехается). Иначе ты не назвал бы меня «Лейли». Лейлаханум, которой нравятся польские песни...

МАМЕД ЭМИН (чтобы сменить тему). Кстати, как называется эта песня? Вот ее что-то я, действительно, не помню. (Нарочито вздыхает) Нет...

ВАНДА. Помнишь, помнишь. (Пауза). Хотя, правда, откуда тебе помнить?! Ведь ты был занят своим делом... Политикой, встречами с соотечественниками, изданием журнала... (Встает, подходит к столу, смотрит на пакет). А это что? А, так ты получил премию? Или тебе повысили зарплату в твоей библиотеке?! То-то, я смотрю, ты сегодня какой-то необычный... Озорной какой-то...

МАМЕД ЭМИН. А что, об этом сообщили по радио?..

ВАНДА (разворачивает пакет). Рис... Сушеный абрикос... Кишмиш. Нет, по радио не сообщили.

МАМЕД ЭМИН. Вот именно. По радио не сообщат такое... Что, например, скромный служащий, работающий в национальной библиотеке Анкары за 150 лир в месяц, из которых он одну третью часть отдает хозяину вот этого дворца (обводит руками комнату), нуждается в повышении зарплаты. Так как имеет потребность иногда есть плов, принимать своих друзей.. И мало ли что?!. (Подходит к Ванде и снова целует ее). Вот так-то.

ВАНДА. А-а... Так ты пригласил друзей?..

МАМЕД ЭМИН. Да, земляка...

ВАНДА. Из Азербайджана?

МАМЕД ЭМИН. Нет, из Германии... Его приведет Гамидбек. Кстати, он не звонил мне? (Замечает оставленное в кресле шитье). А что это ты лагаешь?

ВАНДА. Рубашку скромного служащего. Ведь неизвестно, догадаются ли твои друзья из Центра культуры преподнести тебе на день рождения приличную сорочку...

МАМЕД ЭМИН. Догадаются, догадаются... Можешь мне поверить (Видя недоумение во взгляде жены, подмигивает ей). Я сам им намекну... (Улыбается вслед Ванде, вынесшей пакет в кухню-прихожую). Так звонил мне кто-нибудь?

ВАНДА (входя в комнату). Никто тебе не звонил. А что?

МАМЕД ЭМИН. Странно... Так значит, ты тоже ничего не знаешь...

ВАНДА. А что я должна знать?

МАМЕД ЭМИН. А то, что умер Сталин. (Вздыхает, вынимает из кармана плаща газету, разворачивает ее и садится в кресло). Об этом напечатали во всех турецких газетах... (Читает). «Его именовали в Советском Союзе «вождем мирового пролетариата». (Вздыхает снова).

ВАНДА. Ты вздыхаешь. (Пауза). Ты... Вы... может, хотите устроить поминки? (Указывает рукой в сторону кухни). Так сказать, поминальный плов по своему бывшему соратнику по подпольной работе?! (С издевкой). Как-никак вы же были вместе... Затеяли революцию в Баку... Ты даже спасал его, кажется. Ты как-то намекнул мне об этом. Правда, не особенно-то распространялся... Ведь твои нынешние соратники могли и не понять... Ведь Сталин потом уже был, так сказать, по ту сторону баррикады. Сперва соратником, но потом лидером и вождем, который преследовал вас, своих бывших товарищей и друзей...

МАМЕД ЭМИН (раздраженно). Ради бога, не надо об этом....

ВАНДА (упрямо). Нет, надо... Ты, надеюсь, не забыл, что НКВД подсылал к тебе человека... в Берлине, в 46-м году... Чтобы убить, я думаю, а не орден вручить...

МАМЕД ЭМИН (с вызовом в голосе). Но я обязан ему жизнью. Он спас меня. Он приехал в Баку специально, чтобы вырвать меня из рук этого палача Панкратова. Начальника Особого отдела бакинского ЧК. Разве такое забудешь? Надо помнить хорошее..

ВАНДА. Хорошее... Он тоже обязан тебе. Ведь и ты спас его. Хотя я и не представляю тебя в роли спасителя.

МАМЕД ЭМИН. И напрасно. (Воодушевляясь). Я тоже в молодости что-то стоил. Однажды, помню, хозяин нефтепромысла за агитацию среди рабочих распорядился бросить Сталина в колодец с нефтью. Кое-как спас его, хотя сам тоже рисковал. Вырвал его из рук разгневанных людей. Потом еще один раз... Побег был из Баилловской тюрьмы. Это – в Баку. Собрали деньги, организовали побег.

ВАНДА. Ну, вот. Значит, ты тоже был в их стане. Выходит, сотрудничал с большевиками...

МАМЕД ЭМИН. Видишь ли, до революции в России все революционные силы невольно стремились к объединению ради того, чтобы свалить империю. Большевики, ко-

которые были активны в пролетарском Баку, хотели найти союзников в нашем лице. Предлагали объединяться. Ведь наши цели в чем-то совпадали на первых порах: разрушить империю, свергнуть царизм... А вот дальше... Наши пути расходились. Да и формы борьбы у нас были разные. Большевики без колебания убивали со своего пути неугодных, экспроприировали или, говоря попросту, грабили богатых, вымогали выкуп за заложников. Знаешь, известный бакинский нефтепромышленник Муса Нагиев, взятый в заложники, откупился от банды Кобы за огромную сумму!..

ВАНДА. Вот, видишь... Ты сам знаешь, что он был террористом и бандитом.

МАМЕД ЭМИН. Но самый интересный случай произошел примерно тогда же, когда полиция напала на след Сталина, гонялась за ним вплоть до селения Новханы. Это – на Апшероне. (Пауза). Мое родное село... Где я родился... (Вздыхает). Так вот, я спрятал Сталина в мечети, в которой служил мой отец-ахунд. Спрятал его прямо под «минбаром». Это – место, где обычно ахунд читал свои проповеди. (Смеется). Вспоминая об этом, я вначале испытывал веселье: как-никак приют революционеру и атеисту дал храм божий, как бы благословляя его на дальнейшие революционные подвиги.

ВАНДА. ...На разбой и террор, ты хочешь сказать.

МАМЕД ЭМИН. Мы думали тогда по-другому. Были солидарны в борьбе и обязаны были выручить из беды товарищей-революционеров... Не знаю, как об этом периоде жизни Сталина, об этом эпизоде, в частности, писали в Советском Союзе, но потом... потом я видел в этом лишь злую шутку судьбы...

ВАНДА. Хорошая шутка, если вспомнить, что сделал этот негодяй с твоей семьей...

МАМЕД ЭМИН. Ради бога, не напоминай об этом. Помолчи... (Оба молчат. Звонит телефон, и он берет трубку). Да, да, алейкума-салам... Кто? А... Да... да... Добрый день,

господин редактор. Я слушаю вас. (Слушает). Да, конечно, знаю... Все газеты пишут об этом... Статью? Конечно, мог бы... Нечто вроде экролога-воспоминания? Хорошо, хорошо... я подумаю... Зайду, зайду... Обязательно. Всего хорошего, эфенди*. До свидания.

ВАНДА. Ну вот. У тебя появилась возможность публично похвалить своего бывшего соратника... Что это была за газета? Кто звонил?

МАМЕД ЭМИН. Редактор газеты «Дунья»*. Я сказал, что еще подумаю... Вот как бывает: смерть не щадит ни маленьких, ни великих. Эх, дунья, дунья... Хорошее название для газеты, заказавшей статью об этом... Сейчас личность Сталина в Советском Союзе канонизирована, где-то даже священна... Написать то, что я о нем думаю, может, рискованно... Ты, конечно, права... Щупальца НКВД стали еще длиннее. Если вспомнить, как они расправились с Троцким, который думал, что смог спрятаться от них в Мексике. Даже дом свой превратил в настоящую крепость с охраной. (Обводит руками комнату). Не то, что этот полуподвал... (Вздыхает). Но написать в виде воспоминания... Так сказать, объективно...

ВАНДА (с иронией). Да еще подчеркнуть какие-то качества революционера, борца...

МАМЕД ЭМИН (не заметив иронии). Зачем же так... Просто рассказать, что было... как было... как мы встретились...

ВАНДА. ...Как ты спасал его...

МАМЕД ЭМИН. Нет, об этом я не буду говорить. Наоборот, я расскажу о том, как он меня спасал... Тогда.. после того, как наш парламент принял ультиматум большевиков и Азербайджанская Демократическая Республика перестала существовать. Перестал существовать «тот» Азербайджан. Независимый, свободный, идущий демократическим путем...

* Эфенди – господин (турецк).

* Дунья – мир (азерб.).

ВАНДА. Тогда ты расскажи о том, как, нарушив договоренность, большевики арестовали всех вас и тебя, в первую очередь. Если ты, конечно, хочешь быть объективным...

МАМЕД ЭМИН. Я именно с этого и начну. Расскажу, как я скрывался в горном селе Лагиче, а потом они схватили меня и бросили в тюрьму вместе с товарищами... Главное – быть объективным! Не сбиться бы на сведения политических счетов. После смерти человека, которому ты обязан жизнью...

ВАНДА. Не представляю себе, как это можно сделать после всего, что было между вами?! Впрочем, ты всегда отличался всепрощенчеством. В тебе больше христианского, чем от мусульманина. Готов простить всех, даже своих врагов... Ты и Ататюрку простил то, что он в начале 30-х годов выдворил вас, эмигрантов, из Турции... Когда Сталину этого захотелось...

МАМЕД ЭМИН. Это все – происки Карахана, армянина, посланника Советов в Турции. Они включили один пункт в Договор о дружбе между Советским Союзом и Турцией. Этот пункт и был направлен против нас, азербайджанских эмигрантов, нашедших приют в соседней стране. А «вообще (вздыхает), Ататюрк не любил коммунистов, но вынужден был считаться с сильной державой. (Улыбается Ванде). А ты не должна быть недовольной тем, что мы тогда покинули Турцию. Не будь Ататюрка, из-за которого я оказался в Польше, мы с тобой и не познакомились бы.

ВАНДА. Ну уж, если быть кому-то благодарным за это, то надо благодарить маршала Пилсудского, на приеме у которого мы встретились.

МАМЕД ЭМИН. Да, покойный маршал очень нас, азербайджанцев, поддержал тогда. С этим обществом «Прометей», которое мы создали тогда... Потом съезд национальной партии «Мусават», который мы провели в Варшаве в 36-м году... Нам очень хорошо помогли ваши поляки! Спасибо им. И тебе тоже... Спасибо за солидарность, за дружбу и за любовь...

ЗАНАВЕС

Картина 2-я

Баку. Лето 1920 года. Кабинет начальника Особого отдела ЧК. Панкратова. В комнате двое. Стук в дверь.

ПАНКРАТОВ. Войдите.

Входит конвоир и арестованный Мамед Эмин.

КОНВОИР. Вот, товарищ начальник Особого отдела ЧК, привел арестованного Расулзаде.

ПАНКРАТОВ. Хорошо. Подожди за дверью. (Обращается к сидящему около его стола). Вот он, сам перед вами...

СТАЛИН (поворачивает голову к вошедшему, встает, подходит к Мамед Эмину, начинает внимательно разглядывать). Товарищ Расулзаде, узнаете? (Пауза). Сталин...

МАМЕД ЭМИН. Да, узнаю, Коба...

СТАЛИН (Панкратову). Оставьте нас одних. (Панкратов выходит из комнаты). Да... Вот так... В тяжелые времена мы были вместе, а теперь вот... стали врагами.

МАМЕД ЭМИН. Ну что ж, такова жизнь. В ней все бывает.

СТАЛИН. Я ознакомился с вашим делом. Вы в очень тяжелом положении.

МАМЕД ЭМИН. Я не наивен и понимаю, что, являясь лидером партии «Мусават», не могу надеяться на что-то хорошее от вас... наших рабочих в массовом порядке расстреливают за одну только принадлежность к этой партии. Однако я не знаю, что это за дело, которое завели на меня здесь...

СТАЛИН. Я пришел сюда не из-за этого. Приехав в Баку, я узнал, что вы в тюрьме. О том, что я хочу с вами встретиться, я сказал только доктору Нариману. Здесь вас боятся. Одни хотят вас расстрелять, другие хотят продержат вас в

тюрьме до конца вашей жизни. Мне же не нравится ни то, ни другое. (Подходит к столу, садится за стол Панкратова, указывает Мамед Эмину на свободный стул.) Садитесь...

МАМЕД ЭМИН (улыбается). Я уже сижу. (Медленно подходит к столу, садится). Спасибо.

СТАЛИН (вынимает из кармана френча трубку, набивает ее табаком, закуривает). Вы – мой старый товарищ по совместной борьбе с царизмом и... вообще по революционному движению. Поэтому я и пришел сюда... Я знаю, сколько вы сделали для пролетарского дела. Вы нужны нашей революции. Вас нельзя ни расстреливать, ни гноить в тюрьме. (Пауза). Я считаю, что вас надо выпустить на свободу. А там... Смотрите сами: хотите, оставайтесь здесь, хотите, поедем со мной в Москву. Я лично советую вам последнее, потому что здесь вас не оставят в покое и, придравшись к чему-нибудь, снова схватят. (Внимательно наблюдает за реакцией Мамед Эмина). Ну, а если хотите, можете вообще уехать в любой конец света. Словом, вы свободны в своем выборе. Подумайте... Подумайте, как следует, может, нам действительно стоит поработать вместе?

МАМЕД ЭМИН. После всего того, что случилось, уже невозможно «поработать вместе», товарищ Коба.

СТАЛИН. Да, вы правы, нам не надо было посылать сюда в 18-м году Шаумяна... Он много чего натворил здесь... По отношению к тюркскому населению... Большевики ведь тоже люди и могут ошибаться...

МАМЕД ЭМИН. Дело не в одном Шаумяне. Не только в 18-м, но и сейчас, в 20-м вам не нужно было сюда приходить... Вам не нужно было приходить в Баку, потому что диктатура пролетариата, введенная здесь силами русских, не может быть ни чем иным, кроме как утверждением русского господства в Азербайджане... Представьте, что в Россию пришли бы немцы и установили бы в Москве Советскую власть. Как вам это понравится?..

СТАЛИН (улыбаясь). Они это сделали бы гораздо лучше нас...

МАМЕД ЭМИН. Но как сам русский народ воспримет этот и «более лучший» режим? Могу себе представить...

СТАЛИН. Ладно, что было, то прошло. Что вы сейчас решили? Давайте об этом.

МАМЕД ЭМИН. У вас здесь вот, за этим столом, столом Панкратова, меня допрашивали несколько человек. Руководил допросом молодой следователь, видимо, из рабочих. Он не отставал от меня, и все пытался выяснить, какую антисоветскую деятельность я проводил, скрываясь в горах? Я ответил, что я просто следил за событиями и больше ничего. Но такой ответ его не устраивал, ему хотелось услышать что-то другое. «Но ведь это невозможно, – говорил он, – вы же были душой мусаватского правительства, вы непосредственно влияли на политику Азербайджанской Республики! Разве можно поверить, что человек такого масштаба, как вы, находился в позиции пассивного наблюдателя?» (Вздыхает). Ничего другого я ему сказать не смог. Если я сказал бы ему правду, он все равно не поверил бы и решил бы, что я просто боюсь за свою жизнь. Но вам, Кобе, который знает меня гораздо лучше, я могу сказать правду. (Пауза). Под предлогом оказания военной помощи Турции вы вторглись в Азербайджан и приступили к насильственной советизации, используя для этого местных предателей. Так мы оказались между двух огней. И нам не остается ничего другого, как ждать. Ждать изменения обстановки. Так что мое состояние до ареста правильнее было бы назвать не безразличием, а выжиданием. Но этого тот молодой следователь не понял бы. Мы не признаем советского режима, мы думаем о борьбе, но только тогда, когда будет другая обстановка.

СТАЛИН. Предположим, что ситуация изменилась и вы можете действовать. Что тогда?

МАМЕД ЭМИН. Тогда, ни минуты не колеблясь, мы восстанем против вашей власти.

СТАЛИН. Но ведь вы маленькая страна, и даже если вы будете независимыми, вам все равно придется вступить в союз с каким-нибудь большим государством.

МАМЕД ЭМИН. Что же, в случае необходимости мы подпишем с вами, с нашим большим соседом, договор, но не такой, какой подписал доктор Нариман.

СТАЛИН (усмехаясь). Нариманов с нами, или мы с Нариманом? Кстати, он ведь некогда был вашим соратником тоже. Все его уважали, считали аксакалом. Как он... (спохватившись) как вас содержат здесь? На что жалуетесь?

МАМЕД ЭМИН. Тюрьма есть тюрьма. Нас, несколько человек, поместили в темном подвале. Спим на асфальтовом полу. Без постелей. Мы с вами знаем, слава богу, что такое царские тюрьмы... Но ваша тюрьма – это суций ад...

СТАЛИН (усмехаясь). Царская тюрьма была раем, говорите? Так, так... Ну, а как насчет совместной работы?

МАМЕД ЭМИН. Я подумаю об этом, когда выйду на свободу.

СТАЛИН (строго). Подумайте. Подумайте. О себе... О своей семье... Подумайте хорошенько. (К конвоиру за дверью). Пусть Панкратов войдет. (К вошедшему Панкратову). Немедленно переведите его в нормальную комнату... Что это вы держите людей в каких-то темных помещениях? И дайте ему встречаться с семьей. Идите. Нет, стойте... Смотрите у меня. Отвечаете за него головой.

Картина 3-я

Специальный вагон с отдельными купе, в которых размещаются канцелярия с телеграфом, места для пассажиров. За столом обширного купе-ресторана в конце вагона Сталин и Нариманов.

ПАНКРАТОВ (открывает дверь). Разрешите войти, товарищ Сталин?

СТАЛИН. Входите. Садитесь. Ну, что там Расулзаде? Решил что-нибудь? Прошла уже неделя. Через час мы отправляемся...

ПАНКРАТОВ. Вчера он обратился ко мне с просьбой выяснить, как вы решили о нем. Почему его не выпускают на свободу... Я сказал ему, что предложение товарища Сталина остается в силе. Что это – определено. Что вы, товарищ Сталин, на него можете обидеться за недоверие.

СТАЛИН. Почему он решил, что я могу нарушить слово, а?! Я же вас просил передать ему, что если его семья останется здесь, то о ней позаботится Азербайджанское советское правительство. Не так ли, товарищ Нариманов?

НАРИМАНОВ. Да, он может быть спокоен на этот счет...

СТАЛИН. Он может взять свою семью с собой в Москву, где ему и его семье будет предоставлена полная свобода. Заботы о его материальном обеспечении Советское правительство берет на себя...

ПАНКРАТОВ. Но, товарищ Сталин, его семья остается здесь. А с собой он хочет взять двух своих товарищей: Мамеда Али и Аббаскули...

НАРИМАНОВ (Сталину). Это те, кто основал партию «Мусават». Мамед Али к тому же родственник Расулзаде. (Услышав шум подъезжающего автомобиля). А вот и они сами.

СТАЛИН (Панкратову). Скажите, чтоб их выпустили.

ПАНКРАТОВ (выходит и возвращается вместе с Мамед Эмином, Мамедом Али и конвоиром). Вот, товарищ Сталин, арестованные... (спохватившись) освобожденные товарищи прибыли.

СТАЛИН (встает, здоровается за руку). Здравствуйте, товарищи, присаживайтесь.

НАРИМАНОВ (встает, здоровается с прибывшими). А где же Аббаскули?

СТАЛИН (косясь на Панкратова). Местные коммунисты не хотят выпускать Аббаскули. Он им явно чем-то не угодил.

НАРИМАНОВ (с раздражением, глядя то на Панкратова, то на Мамед Эмина). Хм... мы же сказали, чтоб он поехал с вами...

МАМЕД ЭМИН. Вы-то, может, и сказали, но так или иначе (кивая на Панкратова) его не выпустили.

СТАЛИН. Ну, ладно, ладно. (К Мамед Эмину). Попрошались с семьей, товарищ Расулзаде?

МАМЕД ЭМИН. Да, спасибо. Увидел впервые своего двухмесячного сына Азера, своих детей, жену, бабушку наших детей – Марал-ханум.

СТАЛИН (оживляясь). Марал-ханум? Помню, конечно. Дай бог ей здоровья. Она готовила так вкусно, когда я скрывался у вас, в Новыханах... Помните, в мечети? (Мамед Эмин, улыбаясь, кивает). Она такие блюда готовила. Впервые познакомился с азербайджанской кухней по-настоящему. (Улыбается). Кстати (Панкратову), мы уже уезжаем. А перед отъездом не мешало бы выпить... чаю и закусить как полагаются. (Смотрит на присутствующих).

ПАНКРАТОВ. Продукты доставлены, товарищ Сталин. Все готово. Разрешите мне идти? (Сталин утвердительно кивает). До свидания. (Берет под козырек, уходит).

СТАЛИН (делаясь серьезным, возвращается к прерванному появлением Панкратова разговору). Так, вот... Международное положение сложное. Буржуазные лидеры интригуют...

НАРИМАНОВ. Да, да... Буржуазные газеты снова почтили нас своим вниманием. Сомневаются, сможем ли мы вывести Азербайджан из тисков голода и разрухи. Намекают на нефть, как на основной источник. Тон газет тот же, что и

в начале века: если нефть королева, то Баку – ее трон... Уж не хотят ли снова захватить его?!..

СТАЛИН. Ну, положим, они его уже упустили...

НАРИМАНОВ. Но и мы пока мало что сделали, чтобы вывести народ из нищеты с помощью нефти (смотрит на Мамед Эмина, который с усмешкой качает головой). Ну, мы, конечно, это сделаем. Нефть будет принадлежать азербайджанскому народу (заметив вопросительный взгляд Сталина), ну, мы, безусловно, поможем и Советской России... Трудящимся пока везде плохо. Надо помогать друг другу.

СТАЛИН. Да, нужно наладить отгрузку нефти как можно скорее...

НАРИМАНОВ (задумавшись). Пока империалисты чуют запах нефти, они не оставят Азербайджан, не дадут нам спокойно жить...

МАМЕД ЭМИН (с интересом). Какой это империализм? Уж не...

НАРИМАНОВ (перебивая его). Конечно же, западный. Буржуазный Запад.

МАМЕД ЭМИН (разочарован, усмехаясь). А... а... Вот как (встает, подходит к окну, как бы про себя). Скоро, очень скоро ты узнаешь, доктор Нариман, что империалисты бьются не только на Западе. Тогда-то ты и начнешь свою войну с серебрянскими, кировыми, мирзоянами и другими своими соратниками... Ты заговоришь по-другому: мол, спасите крестьян, народ Азербайджана, который эту самую нефть или керосин купить не может. Не может этим керосином обогреть и осветить свои жилища... Потому что этот керосин уж больно дорогой. И в нефтяном Баку он стоит в несколько раз дороже, чем в Тифлисе... Ты начнешь тогда эту борьбу, я знаю тебя, ты будешь писать, требовать, доказывать... Тогда они (усмехаясь) пришлют за тобой поезд... Да, да такой же, возможно, поезд и увезут тебя в Москву, в центр, даже возвысят как будто бы... Ну и оторвут тебя от твоих любимых крестьян и рабочих.. А там и погубят...

НАРИМАНОВ (встает). Спасибо, товарищ Сталин. Мне надо быть в комиссариате, на совещании. (Видя, что Сталин не задерживает его, прощается со всеми за руку). Счастливого пути. (Сталину). Передавайте наши коммунистические приветы Владимиру Ильичу, другим товарищам. До свидания. (Выходя из купе, пропускает женщину, которая несет в купе-ресторан на подносе закуски).

СТАЛИН (проводив Нариманова до двери, возвращается к столу, на который проводница спецвагона раскладывает еду). Так, так... Ну, чем вы, товарищ Берзановская, сегодня нас угостите? (Перечисляет еду, разложенную на столе) Зелень, редиска... (Видя, что его гости не отводят взглядов от стола). Конечно, в тюрьме особенно не попируешь. Да и в Баку, в Закавказье, во всей стране голод и разруха. Цены на продукты питания взвинчены до предела... Помидоры, огурцы, сыр... Белый хлеб (Проводнице)... А что, черного не было? Все белый да белый... Иногда хочется что-то другое. Можно тендирный хлеб. Знаете, вроде лепешки. Здесь же его делают очень вкусным. Да, да, конечно, сейчас, когда муки нет... А вот икры черной много... Вашей, азербайджанской...

ПРОВОДНИЦА. Целый бочонок товарищ Панкратов доставил в спецпоезд. И одного большого осетра. Вечером подадим на ужин. Кушайте на здоровье. А я пойду заварю чаю... (Уходит).

СТАЛИН. Осетрина – это хорошо. Товарищ Мамед Али, опустите занавески на окна.

МАМЕД АЛИ. А зачем? Ведь темно будет.

СТАЛИН. Ничего, ничего. Опустите и зажгите свет в вагоне. (Мамед Эмину). Власть переменилась, а положение осталось прежним! Продуктов не прибавилось. Положение трудящихся плачевное. Одной коммунистической агитацией людей не накормишь. (К Мамеду Али, который опускает занавески и зажигает свет в купе). Если ваши голодные трудящиеся увидят, что мы кушаем (рукой показывая на стол).

они не посмотрят, кто из нас мусават, а кто коммунист... Они не посмотрят и на то, что это поезд специального назначения... Просто придут и перевернут этот вагон кверху ногами. Вах!.. (Вагон сильно встряхивает. Все вскакивают с места... раздается скрежет металла. Еще один толчок. Затем раздается паровозный гудок, и поезд начинает движение). А-а... (Придя в себя). Кажется, мы поехали...

Постепенно дневной свет снаружи исчезает, сменившись темнотой, а внутри, во всех помещениях вагона, зажигаются электрические лампы, освещающие и стол, за которым сидят и пьют чай Сталин и Мамед Эмин.

СТАЛИН. Да, такие дела, товарищ Расулзаде. (Отхлебывает из стакана). Хороший чай после еды – тоже ничего. Дает возможность сосредоточиться, располагает к серьезному разговору, как вино – к веселью и пению... И вообще через желудок тоже иногда нелишне проверить отдельные теоретические постулаты.. Как вы думаете, кто лучше воспринимает революционные идеи: сытый человек или голодный?

МАМЕД ЭМИН. Думаю, сытый...

СТАЛИН. Ошибаетесь, товарищ Расулзаде. Сытый человек хорошо работает, сочиняет книги, создает науку. А вот революционные идеи воспринимает слабо... Потому что, гласит поговорка, «сытый голодного не разумеет»... А голодный, между тем, готов на все... – ждет только приказа. Вот почему мы, большевики, ставку делаем не на сытую интеллигенцию, а на голодных трудящихся... Зато сытыми легко управлять... Особенно если испугать их тем, что у них можно отобрать эту самую сытую жизнь. Элементарная логика, о которой часто, очень часто забывают те, кто находится у власти.

МАМЕД ЭМИН. Сытым народом и управлять не надо. Он сам справится с этим... Достаточно хороших законов. Как в Европе, европейских странах.

СТАЛИН. В Европе – может быть. Но Россия и ее окраины – не Европа. А скорее всего Азия. Она нуждается в управлении. В сильной власти. И мы, большевики, создали такую власть... Вот только расправимся со всякой контрой, с белогвардейщиной...

МАМЕД ЭМИН. Но вы же говорите об обществе свободных людей, бесклассовом обществе, коммунизме, кажется... Как же совместить это с сильной властью, которая, от кого бы она ни исходила, всегда будет инструментом подавления?

СТАЛИН. Свободное общество? Конечно, конечно. Такое именно общество мы и создадим. За это и боремся. И это будет... Наверное, лет через пятнадцать, двадцать. Может быть, в 35-м или 36-м году. А может, в 37-м. Точно не скажу. Но будет, обязательно будет...

МАМЕД ЭМИН. Но для всех ли это общество будет свободным или только для пролетариата? Трудящихся всех стран...

СТАЛИН. Мы осуществляем революцию в мировом масштабе. Вот почему нас поддерживают представители разных национальностей: русские, евреи, немцы, поляки, грузины, армяне, азербайджанцы. Кстати, представители этих национальностей стоят у руководства Советов. В том числе доктор Нариман, который намерен распространить революцию на Восток, в мусульманский мир...

МАМЕД ЭМИН. Но нации не могут развиваться, завися от кого-то... Как тогда быть с суверенитетом нации?! А революция на Востоке – это вообще утопия...

СТАЛИН. Говоря о суверенитете, вы имеете в виду Азербайджан? (Мамед Эми утвердительно кивает). А как он может быть независим, находясь между Россией, Турцией и Ираном? Можно ли быть независимым «в одиночку»

среди капиталистических акул, таких, как Англия, Франция, Германия? Они же вас сожрут, с разных сторон сожрут... Они даже сами не могут «в одиночку» сопротивляться... Создают Союзы, пакты... Возьмите Антанту, которая набросилась на Германию... То, что вы хотите – тоже утопия... Никто не свободен... Абсолютной свободы нет и не может быть, учит товарищ Ленин. И как бы вы к нему не относились, но это – учение... Крупные умы, большие философы Европы создали идею социализма, сторонников которой все больше в мире. А какое учение создали вы, мусаватисты, освободители мусульманского Востока? Какую идеологию для всех, не для одного только вашего народа, вы проповедуете?....

МАМЕД ЭМИН (усмехаясь). Мы не претендуем на такой универсализм учения, какого вы придерживаетесь... Наша задача поскромнее – вывести наш народ к свободной и обеспеченной жизни, двигаться к мировому прогрессу, опираясь на собственные традиции.

СТАЛИН. На ислам, например...

МАМЕД ЭМИН. И на ислам тоже.

СТАЛИН. Мы говорим об универсальной идеологии. Идеологии для всех, идеологии объединяющей.

МАМЕД ЭМИН. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»?

СТАЛИН. Да, и это... А ислам только для вас, мусульман.

МАМЕД ЭМИН. Но и ваше объединение только для пролетариата. Ведь есть и другие: обыватели, мещане, мелкая буржуазия, капиталисты... А их что, утопить в Каспии?!

СТАЛИН. Их нужно перевоспитывать, воздействовать на их сознание, внушить им нашу правду. А если нет, то... есть другие средства... Но ради всех народов, а не только мусульманских... И реализация этого учения – и есть социализм, потом коммунизм. А когда вы говорите об исламе, то другие говорят о христианстве, католицизме, буддизме, зо-

роастризме и других религиозных «измах» (усмехается). Начнется драка... Так уже было в истории не раз... По религиозному признаку. Когда, знаете ли, идет драка между попами, они тоже забывают, что бог, между прочим, один. Для всех один. Это я вам говорю, как бывший ученик семинарии (смеется, но, став внезапно серьезным, уточняет), которого вышибли за такого рода мысли...

МАМЕД ЭМИН. Тогда как же совместить все это?

СТАЛИН. Надо работать прежде всего... Шаг за шагом... (Зевает)... Но, пожалуй, пора спать... Завтра в Дербенте у меня трудный день... Встреча с их руководством, трудящимися... Спокойной ночи. (Уходит).

МАМЕД ЭМИН. Спокойной ночи. (Переходит в соседнее купе, где Мамед Али сперва испуганно поднимает голову со сна, потом, увидев Мамед Эмина, успокаивается, поворачивается на другой бок). Не знаешь... (Пауза). Не знаешь, как себя вести... (К Мамеду Али). Кто мы, Мамед Али, пленники или гости товарища Сталина?

МАМЕД АЛИ (после небольшой паузы, слегка приподнявшись). Мы – пассажиры поезда специального назначения....

МАМЕД ЭМИН. Ну, раз пассажиры, то пассажирам полагается спать... (Ложится, не раздеваясь, и тушит свет в купе).

Стучат колеса в ночной мгле. Сцена затемнена полностью. Лишь возникают всполохи красного огня: это – то ли искры от трубы паровоза, то ли лучи зари нового утра.

ДОКТОР НАРИМАН (появляется в темноте). Мы не договорили...

МАМЕД ЭМИН (его часть купе теперь освещена, и видно, что он сидит, обратив взор к появившемуся Нариманову). Да, да... Спасибо, что вы пришли. Мне много надо вам сказать...

ДОКТОР НАРИМАН. Мне тоже. Я не хотел ни о чем говорить при Кобе. А мы – два азербайджанца, два соратника, на плечи которых легла такая большая ответственность за наш народ. Мы должны поговорить, объясниться...

МАМЕД ЭМИН. Я хочу сказать вам, доктор Нариман, откровенно: вы отбросили наш народ на несколько лет, может, десятки лет назад... Вы стали орудием в руках большевиков, которые не позволят вам сделать что-либо в интересах наших тюрков-мусульман... Вы не обидитесь на меня за критику, прямой разговор?.. Я тоже не хотел спорить и выяснять отношения при Сталине, который, попомните меня, еще себя покажет.

ДОКТОР НАРИМАН. Нет, не обижусь. Да и Сталин – нам не указ. Он – всего лишь наркомнац в стране, где около ста национальностей. Прямо скажем, ему не позавидуешь... Конечно, легко говорить, критиковать нас, старшее поколение революционеров. Стариков... (Усмехается). Так, кажется вы нас называете?! Ленина, Троцкого и меня тоже... У каждого из нас есть недостатки... Но дело не в каждом из нас, а в том общем направлении, которое мы избрали. В программе нашей партии...

МАМЕД ЭМИН. Вот об этом-то я и говорю. Ведь наша азербайджанская интеллигенция знает вас как человека, старающегося облегчить положение тюрков в бывшей империи, которая, как говорил ваш вождь, была тюрьмой для народов... Партия «Гуммет» создавалась с ясной программой защиты трудящихся тюрков, которых особенно эксплуатировали... А вы вдруг повернули к большевикам, которые, вы сами видите, не отпускают нас, не хотят свободы для нашего народа. Не будете же вы утверждать, что 11-я Красная Армия пришла потому, что мы в ней нуждались?! Ведь никто ее не приглашал сюда. Они шли в Турцию, на помощь младотуркам, так и шли бы себе... Нет, им обязательно надо было повернуть в Баку!..

ДОКТОР НАРИМАН. А вас устроило бы, если здесь оказались бы дашнаки или англичане, или другие силы?..

МАМЕД ЭМИН. Почему же так?! Мы знаем, что собой представляет партия Дашнакцутюн. У нас в парламенте она была представлена отдельными депутатами. Лучше, когда твои оппоненты перед тобой... Ты их видишь... Тогда они не смогут тебе навредить исподтишка.

ДОКТОР НАРИМАН. Ну, положим, исподтишка навредить всегда можно... Или, скажем, открыто призвать иностранные силы. Англичан, например. Как это сделал Шаумян... За что и поплатился своей жизнью и жизнью своих товарищей.

МАМЕД ЭМИН. Вы ведь тоже были в той группе?

ДОКТОР НАРИМАН. Провидению было угодно, чтобы я заболел и меня отправили в Астрахань... Но, конечно же, я тоже мог бы погибнуть.

МАМЕД ЭМИН. Вот, видите... Красную Армию никто не призывал. Ее ввели в Азербайджан вы, большевики... Уничтожив Демократическую Республику.

ДОКТОР НАРИМАН. Постойте, постойте... А почему же вы, демократы, это допустили? Вы же без всякого сопротивления, добровольно уступили свою власть?! Другим, то есть нам?!

МАМЕД ЭМИН. Но был же ведь ваш ультиматум.

ДОКТОР НАРИМАН. Ну и что ж?! Нужно было сопротивляться, показать свою силу, свой характер... Где это видано...

МАМЕД ЭМИН (перебивает его). Нам противостояла целая армия.

ДОКТОР НАРИМАН. А где же была ваша (с нажимом) армия? Да, да... Понимаю... ваша армия была неокрепшей... Хотя ее создавали такие выдающиеся специалисты, как Мехмандаров и Шихлинский. Тогда чего же вы хотите?.. Красная Армия тоже ведь молодая была: всего-то ей два-три года... За свободу, независимость свою, за свою родину

нужно сражаться. И, если нужно, умереть. Но умирать вы не хотели. Ясно... Вы с радостью... ну, хорошо, хорошо, не с радостью, но с каким-то облегчением передали власть нам, большевикам... С голодом, разрухой, со всякими вопросами трудно было разобраться. Пусть разбираются большевики. Нариманов и его товарищи. Пусть у них болит голова. А мы подождем, посмотрим. Если у них ничего не будет получаться, мы покритикуем, назовем их... Как вы нас будете называть? (Пауза).

МАМЕД ЭМИН. «Приспешниками Москвы, Красной империи»...

ДОКТОР НАРИМАН. Да, именно так... «Красной империи»... А что до революционного переустройства, о котором вы говорили на всех перекрестках, то знаете, говорить можно все, что душе угодно. А вот работать, созидать гораздо сложнее... Тем более защитить себя. Ничего не стоит та революция, которая не может сама себя защитить... Эту мысль высказал Ленин еще... (Задумывается). В каком же году он это сказал?..

МАМЕД ЭМИН. А что... Вы свою власть сумеете защитить?

ДОКТОР НАРИМАН. Весь вопрос именно в этом. Сумеем или нет? Советскую власть... (Задумчиво). Или же это будет власть отдельных вождей... Может быть, даже одного?! Кого же? (Напряженно размышляя). Ленина, Троцкого, Кобы?... Вот в чем вопрос! А критиковать легко. Легче всего находиться в оппозиции и смотреть со стороны, когда же споткнутся те, кто у власти... И сразу же указать на это с чувством превосходства... А я говорю: надо помогать нам, а не критиковать. Если вы, действительно, защитники народа. Несчастливого азербайджанского народа, прозябающего в темноте, невежестве, нищете... Расчлененного между Россией и Ираном. А теперь и между собой. А критиковать легко. Знаете, хорошо сказано в одной мудрой книге: не судите, да не судимы будете... Или вы думаете, что не найдутся те, ко-

торые укажут на ваши ошибки?! Как сказал Сталин, не ошибается тот, кто не работает... До свидания. (Уходит).

МАМЕД ЭМИН (усмехаясь про себя). Он это пока еще не сказал. Но однажды, через лет пятнадцать, скажет. Когда вас уже не будет на свете... (Ложится вновь).

Стук в дверь.

ГОЛОС ПРОВОДНИЦЫ. Откройте, откройте...

МАМЕД ЭМИН (встает, зажигает свет, будит Мамеда Али). Вставай, стучат. (Громко). Сейчас, открываю. (Открывает дверь и зажигает свет).

ПРОВОДНИЦА (входит). Крепко спите, товарищи... Вас, наверное, будут сейчас выселять.

МАМЕД ЭМИН (тревожно переглядывается с Мамедом Али). Как выселять? Куда выселять? С какой стати?!

ПРОВОДНИЦА. Начальник вагона-канцелярии, то есть мой муж, Берзановский, проявил недовольство. Мол, телеграф рядом. Передает всякую секретную информацию, которую должен знать только товарищ Сталин. Больше никто. (Прикладывает палец к губам). А вы вот, рядом. Не положено.

МАМЕД ЭМИН. А что, собственно, передал телеграф такого?

ПРОВОДНИЦА. Да с фронта. Деникин наступает. Дела у Троцкого того... Не очень-то...! Понимаете? Вот они и боятся, что узнают все. Паника будет. Могут кое-кого из-за этого и в расход пустить. Так что готовьтесь на выход...

МАМЕД ЭМИН (переглядывается с Мамедом Али). На выход? Это нас-то?

ПРОВОДНИЦА (резко). Ну, конечно, вас. Не меня же?! (Уходит).

Мамед Эмин и Мамед Али в тревоге смотрят друг на друга.

ЗАТЕМНЕНИЕ ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 4-я

Комната. Мамед Эмин сидит в кресле.

МАМЕД ЭМИН. Ошибка? Кто же, интересно, из нас ошибся? (Ванде, входящей в комнату из прихожей-кухни). Я, кажется, вздремнул. И, знаешь, увидел во сне доктора Наримана. Старые знакомые из той, прошлой жизни часто приходят ко мне во сне. К чему бы это, ты не знаешь? Ах, сны, сны... Кто знает, почему они порой не несут успокоения... Напоминают о былом, не всегда приятном.

ВАНДА. Ты просто заснул в неудобном положении. Лег бы в постель. Немножко вздремнул бы. Кстати, ты не забыл купить свои лекарства? Смотри, не шути с диабетом. Нужно регулярно принимать таблетки, прописанные доктором Бахманом.

МАМЕД ЭМИН. Он тоже хорош, этот мой молодой друг. Прописал лекарства, которые и трудно достать, и недешево стоят.

ВАНДА. Немножко приляг на кровати. Отдохни, пока есть еще время. До их прихода. Тебя взволновало сообщение о смерти этого тирана... Вот ты и...

МАМЕД ЭМИН. Тирана? Но, когда я его знал, он не был тираном. В те 20-е годы он был моим соратником, товарищем, даже другом. Спас меня от ЧК... (Пауза). О нем надо писать объективно, научно, без эмоций. Как об историческом деятеле – порождении определенной эпохи и человеку, который своими делами выразил свое время. Конечно, у него могли быть как положительные, так и отрицательные качества. А у кого их нет?! В чьей деятельности – только хорошее и нет плохого?! Когда мы с Мамедом Али приехали в Москву, везде висели портреты Ленина и Троцкого. В газе-

тах много информации было о других лидерах. А вот Сталин... Нет, он всегда был в тени... Может быть, именно поэтому он смог вдруг подняться, возвыситься?! Или Нариманов, например... Убежденный, идейный вождь большевиков-мусульман. Соратник Ленина. (Тихо). Одна из первых жертв Сталина. В сущности, несмотря на различие во взглядах, ну, скажем так, на методы и средства борьбы, цель ведь была одна – независимость Азербайджана, свобода для народа... А получилось так, что мы разъединились...

ВАНДА. Вас разъединили.

МАМЕД ЭМИН. И судьба у нас похожая... Мы с ним оказались под конец вдали от родины, от Азербайджана. Он – в России, Москве... Я в Турции. Я вынужден был уйти от опеки Сталина... Доктор Нариман тоже разочаровался в нем. И вообще... Мне говорили, что в последнее время он выступал против своих бывших соратников – руководства партий... иначе трудно понять, почему его до сих пор упорно замалчивают в СССР... Ты знаешь, уже в 20-х годах он висел на волоске. Когда я был в Кремле у Сталина, близкие к тем кругам считали, что Нариманова хотят заменить мной...

ВАНДА. А ты не хотел?..

МАМЕД ЭМИН. Хотел или нет, меня бы не назначили. А потом я погиб бы в 37-м. Да и Нариманов, если бы жил, был бы убит в 37-м. Вот, видишь (со вздохом), я еще живу. А многие уже ушли...

ВАНДА. Это все он, Сталин... Рассорил вас, чтобы расправиться с каждым поодиночке... Не дал вам объединиться... Тогда, может, вы бы многое смогли вместе. Да и теперь вас противопоставляют друг другу, тебя и Нариманова. Кому-то нужно, чтобы было два полюса. Два антипода, чтобы манипулировать общественным мнением.

МАМЕД ЭМИН. Да... Но Нариманова тоже особенно не вспоминают сейчас. Пока жив был Сталин... Может, потом начнут.

ВАНДА. Вот, видишь... Неизвестно, как еще будут оценивать самого Сталина.

МАМЕД ЭМИН (задумчиво). Видишь ли, говорить так, что нас рассорил Сталин, мне думается, неверно. Если бы это было так, грош была бы нам цена. Мне и доктору Нариману. Выходило бы, что Сталин умнее и сильнее нас был тогда. Нет, не было этого, хотя сейчас как хочешь это можно трактовать... Да и отношение к Сталину на Западе... Вот я читал ссылку на европейские газеты, вернее эмигрантскую русскую, мол, умер тиран, который держал бедный русский народ своей железной рукой. Не давал слова молвить своим соратникам... Загнал народ в концлагеря, погубил сотни тысяч людей и т. д. Говорят не о человеке, а о каком-то монстре...

ВАНДА. Он именно и был монстром, запугавшим не только свой народ, но и другие. Поляки от него, знаешь, как натерпелись?! Ведь Западная Украина – это наши земли...

МАМЕД ЭМИН (шутливо). Наши? Чьи, не пойму: турецкие, азербайджанские, советские?..

ВАНДА. Польские, вот чьи...

МАМЕД ЭМИН (думает о чем-то своем). Так бы и сказала...

ВАНДА. Страшный человек... Если бы не был бы таким страшным, не держал бы целый народ под страхом...

МАМЕД ЭМИН. Страшный, говоришь?! Тогда скажи, пожалуйста... (Раздумчиво). Тогда невольно возникает вопрос: а что собой представляет сам народ, если позволяет одному человеку, причем обычному – Сталину, которого я-то очень хорошо знал, – обычному смертному, физически не сильному, даже рябому, хоть и симпатичному, держать огромный народ в тисках?! Что-то не вяжется это, не то... И вообще, что бы ни говорили о нем сегодня, или в дальнейшем, дело не в нем. Вернее, не только в нем. Такая фигура есть отражение определенных тенденций. Россия – империя. Была империей и осталась империей. Только название дру-

гое – «советская»... СССР со всеми прежними народами, прозябавшими в колониальном рабстве. И Сталин нужен был этой империи, которая его создала. А не он – ее, как утверждают его враги. Интересно, как пойдет дальше история России?! Вот, если она повернется сейчас, после его смерти, к демократии, в чем я очень сомневаюсь, тогда – другое дело.

ВАНДА. Сталин был грузином. Вряд ли он захотел служить этой империи, которая подавила инородцев, вас, кавказцев, в том числе... И вряд ли русские хотели иметь своим руководителем нерусского человека,

МАМЕД ЭМИН. Вот тут ты не права. Инородец, грузин Сталин как нельзя лучше устраивал Россию... Потому что он как никакой другой русский, чтобы доказать свою честность... и преданность делу, ответственно и рьяно служил этой империи... Был, так сказать, более русским, чем самый типичный русский человек... И так делали многие нацмены: евреи Троцкий и Свердлов, ваш поляк – Дзержинский, грузины Сталин, Орджоникидзе, армянин Микоян...

ВАНДА (в тон ему). Ваш азербайджанец Нариман Нариманов.

МАМЕД ЭМИН. Да, и доктор Нариман тоже... Но его ошибка была в том, что он думал, что служит своему, азербайджанскому народу...

ВАНДА. Даже тогда, когда его взяли в Москву, дав ему высокие посты в русской империи?!

МАМЕД ЭМИН. В том-то и дело, что его не столько возвысили, сколько оторвали от народа, срезали, так сказать, корни... Убрали почву под ногами... И когда он понял это, стал выступать, нервничать, поругался, впал в немилость Сталину... Его фактически убрали...

ВАНДА. Наверное, в этом есть божья кара. Ведь ты не забыл, что он отобрал у тебя власть. Или ты считаешь, что ты сам уступил ее ему?!

МАМЕД ЭМИН. Пойми, я уступил не ему. А власти. другой, более сильной власти. И он, доктор Нариман, думал,

что эта – правильная власть, которая всех азербайджанцев выводит к свободе и счастью... Но потом сам понял, что ошибся... Стал неугоден Сталину, который уже в 25-м году забрал власть в свои руки. Поэтому его и забыли. По-моему, это трагическая фигура...

ВАНДА. Он же видел, куда все идет...

МАМЕД ЭМИН. К сожалению, прозрение приходит поздно. Да и не в нем одно дело. Мы – маленькая страна... Расколота большими: Россией и Ираном. Лучшие умы погибли, арестованы, или, вот как мы, здесь.

ВАНДА. Да, с Россией не разбежишься к свободе и независимости... Сколько наших польских революционеров, патриотов погибли, сражаясь за свободу. Но Россия сильнее... Она крепко вцепилась в земли, которые начала завоевывать еще со времен Ивана Грозного...

МАМЕД ЭМИН. Ты знаешь, ведь Сталин восхищался Иваном Грозным, он сам мне говорил об этом. Это был его кумир.

ВАНДА. Один тиран восхищается другим... что здесь удивительного?!

Звонит телефон.

ВАНДА (берет трубку). Здравствуйте, эфенди... Да, он дома... Нет, не отдыхает. Только собирается... Да, передам... Звоните, пожалуйста... (Мамед Эмину) – Это – Гамидбек. Он сказал, что его друг поехал на вокзал встречать гостя, что он еще позвонит... Да, кстати, кто этот гость, которого вы ждете?

МАМЕД ЭМИН. Это Фаталибек. Большой патриот, которого уважают не только наши азербайджанцы-эмигранты, но и иностранцы. После войны он остался в Германии, в Мюнхене, работал на радиостанции... Я помню его хорошо. Ведь сколько с ним у нас было общего в те грозные дни войны, которая, мы не знали, чем закончится для Азербай-

джана. Кто победит. И не будет ли фашизм, диктатура Гитлера тяжелее для нашего народа, чем... Нужно было действовать. А что, если... открывался шанс и для независимости?! Если, конечно, Гитлер и его «Новый порядок» могли нам это гарантировать. Тогда мы решили не выжидать, а действовать... Через Розенберга... Он возглавлял в рейхе Восточный отдел... Его заместитель – шеф политического управления фон Менде – ко мне относился хорошо. Он знал турецкий, русский, был профессором-востоковедом. По его рекомендации меня и пригласили в Германию в 1941 году. Там я познакомился с Фаталибеком...

ЗАТЕМНЕНИЕ

Картина 5-я

Германия. 1941 год. Комната в казарме, где находятся Мамед Эмин, фон Менде и его адъютант.

ФОН МЕНДЕ (Мамед Эмину). Вы хорошо сделали, что приняли наше предложение и приехали сюда. Вы сами убедились, как нужен ваш опыт в таком тонком деле, как национальный вопрос. То недоразумение, связанное с расстрелом полутора тысяч азербайджанцев, которых приняли за евреев, смутило даже фюрера... Примите мои сожаления...

МАМЕД ЭМИН. Но ведь фюрер дал распоряжение, чтобы из Иерусалима был доставлен религиозный глава – муфтий Аль Гусейн...

ФОН МЕНДЕ. Верно... Хотя муфтий объяснил нашим службам особенности обрезания у мусульман, их отличия от обрезания у евреев... (Усмехается). Однако он не смог решить проблему. Он сам не понимает, как отличить советского еврея от советского азербайджанца-турка...

МАМЕД ЭМИН. Как так?..

ФОН МЕНДЕ (адъютанту). Пусть приведут трех... нет, пятерых пленных из последней партии. (Адъютант, щелкнув каблуками, уходит). Вы знаете, ведь это не просто этнический вопрос. Нужно признать свою ошибку: поначалу наши ученые отнесли, например, татар-тюрков к «низшей расе». Я об этом доложил Розенбергу, а тот фюреру, который указал нам на политические последствия, чреватые осложнениями с Турцией и другими нашими союзниками...

МАМЕД ЭМИН. Но, профессор, вы же знаете, что тюркоязычных народов, имеющих общие этнические корни, много не только в мире, но и в самом Советском Союзе... Они подвержены сильной ассимиляции, к тому же сказывается идеологическое воздействие на умы...

ФАТАЛИБЕК (входит). Разрешите?

ФОН МЕНДЕ. Входите, майор. Вы нам поможете тоже...

ФАТАЛИБЕК. Здравствуйте, господин профессор, здравствуйте, господин Расулзаде...

ФОН МЕНДЕ (Фаталибеку). Мы обсуждаем проблему ваших соотечественников, попавших в плен... Сейчас общее число советских военнопленных достигло трех миллионов. Их всех надо разместить, использовать на благо рейха...

МАМЕД ЭМИН. Господин профессор, вы, наверное, имеете в виду и собственные их интересы, не правда ли?! Ведь среди них очень много представителей тех народов, которых большевики лишили суверенитета и национальной независимости.

ФОН МЕНДЕ. Вот именно... Поэтому мы и создаем здесь для ваших соотечественников комитет, который будет центром для всех азербайджанцев, объединит их против общего врага – большевизма... Из мусульман-военнопленных... – не всех, конечно, а изъявивших свое желание, – мы создаем так называемые мусульманские легионы, которые будут сражаться с оружием в руках за освобождение своей родины...

МАМЕД ЭМИН. Да, со временем Азербайджану нужна будет своя армия. И чем больше будет офицеров и бойцов, прошедших хорошую выучку, тем легче ее будет создать в будущем.

ФАТАЛИБЕК. У наших азербайджанцев сильна вера, господин Расулзаде, в то, что «тот» Азербайджан, который был провозглашен вами, снова, как птица-феникс, возродится из пепла. Многие из наших бойцов, да и эмигранты, уехавшие из Азербайджана после советизации, надеются, что победа рейха сделает возможным их возвращение на родину... Всех без исключения.

МАМЕД ЭМИН. Как вы лично, профессор, видите будущее Азербайджана после освобождения от большевизма?..

ФОН МЕНДЕ. Он войдет в состав рейха, как самостоятельная единица, и будет управляться из Берлина. Такова точка зрения фюрера. И у нас нет пока иного плана. Ваше предложение о восстановлении независимости Азербайджана, как суверенного государства, некогда оккупированного большевиками, пока не встретило поддержки у фюрера. Но, посмотрим... Война ведь еще идет... К сожалению... Нужно ее довести до конца. (Подходит к окну). А где же лейтенант с нашими пленными?

МАМЕД ЭМИН (тихо Фаталибеку). Помните, майор, русскую поговорку: «Хрен редьки не слаще»? От них тоже нашей бедной родине не будет, кажется, проку... И наши люди оказались между этими дэвами, пожирающими, как Зоухак, – помните, в «Шахнаме» Фирдоуси? – головы юношей – наших соотечественников.

ФАТАЛИБЕК. Да, и не только наших...

МАМЕД ЭМИН (видя, что фон Менде повернул голову от окна и направился к столу). Господин профессор, я хочу вас спросить вот о чем. Между воюющими сторонами оказались десятки народов и стран, которые также, будучи самостоятельными, испытали сильное давление со стороны Рос-

сии. Я имею в виду страны Восточной Европы! Польшу, Чехословакию, Румынию...

ФОН МЕНДЕ. А что именно вас интересует?

МАМЕД ЭМИН. Солдаты-тюрки не могут стрелять в тех, кто так же, как и они сами, испытывали давление со стороны большевиков. Нас, азербайджанцев, татар, тюрок из Советского Союза, просто не поймут...

ФОН МЕНДЕ. Почему же не поймут? Такие же соединения мы сформировали из славянских национальностей. Украинцев, словаков. Или целая армия генерала Власова, в которой большинство русских... Они же стреляют в своих... то есть большевиков.

МАМЕД ЭМИН. Этого я не понимаю... Здесь нет никакой логики. Ведь такая политика разъединяет...

ФОН МЕНДЕ. Ничего, ничего... После победы рейх объединит всех на основе «нового порядка»...

Стук в дверь.

АДЬЮТАНТ (входит). Господин генерал, пленные прибыли.

ФОН МЕНДЕ. Пусть войдут. (Входят пятеро пленных в сопровождении двух немецких солдат с автоматами). Ну вот, господин Расулзаде, ваши соотечественники. (Усмехаясь). Бывшие, конечно...

МАМЕД ЭМИН (взволнован, встает, подходит к пленным, внимательно разглядывает). Кто они (обращается к адъютанту) по национальности?

АДЬЮТАНТ. Азербайджанцы. Так, во всяком случае, они заявляют... Они находились все вместе: азербайджанцы и евреи. Но все называют себя азербайджанцами. Понятно, хотят спасти свои шкуры...

МАМЕД ЭМИН (к пленному). Ты откуда?

1-й ПЛЕННЫЙ. Из Баку.

МАМЕД ЭМИН. Национальность?

1-й ПЛЕННЫЙ. Азербайджанец...

МАМЕД ЭМИН. А как ты докажешь, что азербайджанец? Ведь на лбу у тебя это не написано... А документы сохранились? (Пленный отрицательно качает головой). Вот видишь.

ФОН МЕНДЕ. Знаете, муфтий использовал такой прием. Он предлагал пленному сказать начальные слова мусульманской молитвы...

МАМЕД ЭМИН (пленному). Знаешь «кэлмеји-шәһадәт» – начало мусульманской молитвы? (Пленный снова отрицательно крутит головой). Да откуда они могут знать, профессор?! Они же неверующие... (Ко всем пленным). Есть ли среди вас верующие в Аллаха, истинные мусульмане?

2-й ПЛЕННЫЙ. Я верю в Аллаха...

МАМЕД ЭМИН. Скажи,

2-й ПЛЕННЫЙ. Ла илаха-иллаллах Мухаммед ан расул иллах. «Нет бога, кроме бога, и Магомед – пророк его».

МАМЕД ЭМИН. А Коран читать можешь? (к фон Менде). Есть ли здесь Коран?

ФОН МЕНДЕ. Вон там, в шкафу, среди прочих книг и инструкций...

МАМЕД ЭМИН (пленному). Я тебе дам сейчас Коран, ты прочти одну суру из священной книги. (Подходит к шкафу, открывает дверцу, достает Коран и протягивает пленному).

2-й ПЛЕННЫЙ. Как можно?! Ведь я должен быть чистым, чтобы чистыми руками взять в руки священную книгу. А я уже месяц, как не мылся, весь в грязи...

МАМЕД ЭМИН (Фон Менде). Это – мусульманин на все сто процентов...

ФАТАЛИБЕК (Фон Менде). Разрешите, господин генерал, я с ним поговорю. Он мне подойдет. (Фон Менде кивает). Я выйду с ним. (Пленному). Пойдем, поговорим. (Уходит вместе с пленным).

МАМЕД ЭМИН (другому пленному). Ну, а ты кто такой? Какой национальности?

3-й ПЛЕННЫЙ. Я из Кубы... Родился там. Семья вся переехала в Баку. Живем там...

МАМЕД ЭМИН. А как зовут?

3-й ПЛЕННЫЙ. Мордухай. (умолкает в испуге).

МАМЕД ЭМИН. А, Михаил. Михаил... бек... Понятно, понятно. (Фон Менде). Хорошо говорит по-азербайджански (подмигивает незаметно пленному). Стопроцентный азербайджанец... (К следующему пленному). Ну, а ты по национальности кто?

4-й ПЛЕННЫЙ. Я советский.

МАМЕД ЭМИН. По национальности, я спрашиваю, кто ты...

4-й ПЛЕННЫЙ. Я и отвечаю: «советский».

МАМЕД ЭМИН. Гм... Гм... Как это так... (В недоумении смотрит то на пленного, то на Фон Менде). Ты что, забыл свою нацию? Ведь говоришь по-азербайджански...

4-й ПЛЕННЫЙ. Нет, это ты забыл свою нацию... Предал свой народ фашистам. (Презрительно). Мусульманин... азербайджанец, тоже мне...

МАМЕД ЭМИН. Зачем так, сынок... Ты уважил хоть бы мой возраст. Ведь в отцы тебе гожусь... Или вас не учили уважать старших?

4-й ПЛЕННЫЙ. Нас учили уважать старших... Только не таких, как вы – предателей родины. «В отцы гожусь»... Да, если бы мой отец стал предателем, я собственными руками убил бы его... Товарищ Сталин верно сказал, что врагу не должно быть пощады...

ФОН МЕНДЕ (Мамед Эмину). Не надо придавать значения его словам... Это – типичный фанатик сталинской выучки. Такие тоже попадают к нам. Их лучше всего пустить в расход.

МАМЕД ЭМИН. Не нужно, профессор... Пусть их уведут, я с ними потом поговорю...

ФОН МЕНДЕ. Не надо с ним церемониться. Из него ничего путного не получится. Видели его лицо?..

МАМЕД ЭМИН. Я видел именно его лицо...

ФОН МЕНДЕ. Вот видите... (Адыютанту). Увести. (Пленные выходят в сопровождении автоматчиков).

МАМЕД ЭМИН. Я вижу... У него лицо моего старшего сына Расула. Очень похож... Ему было 19 лет... Как этому парню. Когда его расстреляли из-за меня... Может, он вот так же бесстрашно говорил с офицером НКВД?! Хотя вряд ли он что-либо мог сказать, как сын «врага народа»... Невинное существо... Мой старший сын...

ФОН МЕНДЕ (подходит к Мамед Эмину, кладет ему руку на плечо). Не уберегли, значит? Не смогли, да?..

МАМЕД ЭМИН (со вздохом). Не сумел... Не получилось... Хотя бы этих спасти... Мой долг...

ЗАНАВЕС

Картина 6-я

Снова комната Мамед Эмина. Он сидит в кресле.

ВАНДА (входит в комнату со стаканом воды из кухни-прихожей). Вот, возьми свою таблетку, запей... Немножко отдохни, хочешь, приляг... Я уже поставила плов... Как раз будет готов к их приходу. Ляжешь?..

МАМЕД ЭМИН. Нет, я посижу, читаю...

ВАНДА. Я пойду в лавку Ахмеда, куплю чаю и кофе. И кое-что еще. Все же гости...

МАМЕД ЭМИН. Хорошо... А я немного отдохну...

ВАНДА. Я включу радио... И выключу свет. (Включает радиоприемник. Гаснет свет. Уходит).

Затемнение. Звучит народная мелодия «Гара гиле». Мамед Эмин внимательно слушает и вспоминает. За ним

опускается прозрачный занавес, за которым силуэт детской лодки, над ней склонилась женщина в платке. Появляется силуэт мужчины, который приближается к лодке и склоняется над ней. Мужчина протягивает руку к женщине, касается ее плеча... Затем возникают два луча света, которые освещают Мамед Эмина и внезапно появляющегося Азера.

АЗЕР. Ты звал меня? Я – здесь...

МАМЕД ЭМИН (смотрит впереди себя, никого не видя. Как бы про себя). Вы кто? Зачем вы здесь?

АЗЕР. Я искал отца... Мне сказали, что он умер в Анкаре в 55-м году. Я не помню его, никогда его не видел. Пришел, чтобы увидеть хотя бы его могилу...

МАМЕД ЭМИН. А кто был ваш отец

АЗЕР. Мамед Эмин Расулзаде. Лидер Азербайджанской Демократической Республики. Так мне сказали в НКВД. Я сам не знал, кто он такой... Да и в Азербайджане об этом мало кто знал...

МАМЕД ЭМИН (взволнован, встает, делает шаг к Азеру, по-прежнему как бы не видя его). Вы... Ты... сын Мамед Эмина? Азер?... Сын мой... Видишь, я все еще живу... И тоже вас ищу. Вернее, перестал искать...

АЗЕР (смотрит куда-то в сторону на всем протяжении разговора). Вижу, что живешь... И, кажется, неплохо. (Пауза). О том, что перестал искать, мог бы не говорить. Если бы искал, то нашел бы...

МАМЕД ЭМИН. Я часто вас вспоминаю... Вы приходите ко мне... Я вижу твою лодку... Ведь тебе было два месяца... Когда я... Меня выпустили из тюрьмы... Я не мог долго оставаться с вами. На улице меня ждала машина, которая должна была привезти на вокзал. К поезду Сталина, так сказать, поезду специального назначения. Сталин не мог ждать...

АЗЕР. Да, Сталин ждать не мог. А мы... твою семью по-лождет... А ты знаешь, что сделал этот твой Сталин с нами, нашей семьей?! Нет? Когда арестовали нас, вместе с нашей бабушкой Марал-ханум, она сказала начальнику: «Пойди, скажи этому усатому парню, то есть Сталину, что арестовали Марал-ханум. Ту самую, которая не раз ставила перед тобой чай, накрывала на стол». Наша бабушка надеялась на то, что, быть может, у этих людей осталось какое-либо представление о человечности, хоть капля совести...

МАМЕД ЭМИН. Сталину, наверное, не доложили. Он умел ценить хлеб-соль...

АЗЕР (с иронией). Да, умел. И поэтому мы оказались всей семьей в Казахстане, а моего брата, твоего старшего сына – расстреляли...

МАМЕД ЭМИН. Я часто думаю о нем... о тебе... Я почему-то вижу твою люльку. Вспоминаю тебя -- младенцем. А не такого, прости, взрослого. (Пауза). Я знаю, что принес вам много горя...

АЗЕР. Да, это так... Ведь ты – эгоист... Мне говорила мать: ты только о себе и думал, о своих делах, своей работе... Приходил домой редко... Уезжал куда-то – в Иран, Турцию, Россию... У тебя и сейчас есть все – друзья, твое дело. Женился... Мне сказали там, в НКВД... Какая-то русская или полячка... Ты зовешь ее Лейли... Меджнун (усмехаясь), потерявший голову от счастья...

МАМЕД ЭМИН. Я знаю, что вы из-за меня страдали, что вас отправили в Казахстан. Вы, наверное, меня ненавидели?..

АЗЕР. Ненавидели? Когда мне в НКВД сообщили, что ты умер в Турции, в Анкаре, я сказал им, что рад его, то есть твоей смерти. (С болью, почти кричит). Да, сказал именно так, что рад (уже тише, почти шепотом), что рад смерти собственного отца... Даже офицер, сообщивший мне эту весть, похоже, был ошеломлен... и переспросил еще раз... я промолчал. А он не знал, что сказать мне: то ли выразить соболезно-

вание, то ли поздравить. Подумать только, сегодня 5 марта 1953 года. Умер Сталин, и я, как и все, плачу. А вот смерть отца, последовавшую ровно через два года и один день... Да, да, вы были настолько близки, что умерли почти в одно и то же время года: он 5-го, а ты – 6-го марта. Так вот, смерть отца моего, о которой мне сообщили год спустя, я воспринимаю с облегчением. Ведь ты принес нам одни только несчастья и горе. (Плачет). Только мать наша говорила, вздыхая: «Ничего, ничего... Он ваш отец... он, наверное, прав...»

МАМЕД ЭМИН. Скажи, твою мать... моя жена (оглядывается на кухню), что она рассказывала еще обо мне? Или, как ты, тоже проклинала меня?! Для меня вы все, моя жена Умбюльбану-ханум, ты, Азер, мои дочери Лятифа и Халида, мой старший сын Расул, расстрелянный в 38-м году из-за меня. Да, да, я знаю, что из-за меня... Вы все возникаете перед моим взором.

АЗЕР. Ты... Как ты можешь вспоминать нас в этой твоей нынешней жизни?! Ты обеспечил себе приятную жизнь в приятной стране, где и язык-то не надо учить. Свой как-никак, тюркский... И денег не надо зарабатывать... Ведь ты, кажется, прихватил с собой приличную сумму?! Мне сказали там, в НКВД, что ты присвоил себе государственную казну, не так ли? Чего молчишь?.. А вспоминал ли ты нас, свою семью? Знаешь ли ты, как мы жили в Казахстане, в бараках, впроголодь, в холоде? Как выжили?..

МАМЕД ЭМИН. Я не хочу кривить душой... Скажу честно: я старался не ударяться в воспоминания. Потому что эти воспоминания для меня мучительны. (Возвысив голос). Понимаешь ли ты, (кричит) мучительны!..

Зажигается свет. Азер исчезает. Мамед Эмин в кресле. Одной рукой держится за сердце. Входит встревоженная Ванда, бросается к Мамед Эмину.

ВАНДА (взволнованно). Что с тобой, Эмин? Сейчас принесу лекарство. (Не раздеваясь, бросается в прихожую, несет таблетку и стакан с водой).

МАМЕД ЭМИН (принимает таблетку. Запивает водой). Ничего, ничего... Это – сердце. (Пытается улыбнуться). Знаешь, когда сердце болит, значит, оно есть... Значит я – не бессердечный.

ВАНДА. Сейчас дам тебе чаю с лимоном... Я купила халву для гостей... Ты, может, попробуешь? Чуть-чуть...

МАМЕД ЭМИН. Халву!.. Это можно, чуть-чуть... Если не особенно сладкая. Ведь диабет!

Стук в дверь

ВАНДА. Пойду открою... Они, наверное, пришли. (Выходит и возвращается вместе с Гамидбеком).

ГАМИДБЕК. Здравствуйте, Мамед Эмин-бек.

МАМЕД ЭМИН (приподнимаясь с кресла, пожимает руку гостю). Здравствуй, мой дорогой. А почему один? Что-нибудь случилось?

ГАМИДБЕК. Да, случилось. И притом самое неприятное.

МАМЕД ЭМИН (пытается приподняться). Что? Что?

ГАМИДБЕК (встревоженно). Сидите, ради бога, сидите... Дело вот в чем... Наш коллега из Центра культуры приехал на своей машине на вокзал – встречать Фаталибека. Как раз подъехал, вовремя. И когда подошел к вагону, увидел полицейских и санитарную машину... Из вагона выносили кого-то на носилках... Тело было прикрыто простыней. И наш коллега, он рассказывает, вдруг почувствовал что-то недоброе. Попросил, чтобы показали лицо умершего... И когда полицейский приподнял простыню, он увидел, что это – Фаталибек, его труп. Он знал его в лицо, служил в его легионе во время войны.

МАМЕД ЭМИН (печально). Ай-яй-яй... Отчего же он умер? Как это случилось? Там что, не было в поезде врача?! Кого-нибудь?!

ГАМИДБЕК. В том-то и дело, что был. Этот кто-то и убил его выстрелом из пистолета. Забрал его вещи и документы. Даже его плащ и шляпу. И сошел на первой же станции. Так что, если бы не наш человек, труп, возможно, никто бы не опознал.

МАМЕД ЭМИН. А где он, этот твой коллега? Почему он не пришел сюда?

ГАМИДБЕК. Он сейчас в полиции. Помогает в дознании. Они попросили....

МАМЕД ЭМИН. Что же это такое? Похоже, Сталин не оставляет нас в покое? Даже после своей смерти. Хочет забрать с собой всех нас – своих жертв... Мы что – вечные его жертвы?!

ГАМИДБЕК. Как говорится, Сталин умер, но дело его живет. Да и люди его – тоже...

МАМЕД ЭМИН. Бедный Фаталибек. Не успел, значит. Настигли его... Сколько же это злодейство будет продолжаться?! (Встает, подходит к Ванде). Может, эта пуля предназначалась мне, а сразила моего соратника и друга?! Фаталибек был у них как бельмо на глазу. Своими передачами на радио «Свобода» он не давал им покоя с идеями «того, нашего Азербайджана». Азербайджанской Демократической Республики.

ВАНДА. Да и ты, некогда соратник Сталина, в последние годы немало мешал ему, подрывал его авторитет в глазах его сторонников. Не так ли? Ты не можешь понять одного, что он с самого начала омрачил нашу жизнь, мешал нам спокойно жить, жить по-человечески. Помнишь, в 39-м году мы вынуждены были покинуть Польшу, где неплохо ведь устроились?!

МАМЕД ЭМИН (шутливо). Ты хочешь сказать, что Сталин для того, чтобы помешать нам с тобой счастливо жить, приказал ввести Советскую Армию в Польшу?

ВАНДА. Конечно, а как же! (Видя, что Мамед Эмин начинает смеяться, уточняет). Чтобы помешать полякам... всем... жить нормально... (видя, что от смеха Мамед Эмин начинает задыхаться, участливо) Тебе вредно, Эмин, так волноваться. Сядь в кресло...

МАМЕД ЭМИН (смеясь). У тебя свой подход к политике... Своя аргументация.

ВАНДА (дает лекарство Мамед Эмину). Не хуже твоей... (Протягивает стакан). Пей... Откашляйся. Для твоего друга его поезд также оказался несчастливый. Вот и все. Как и твой когда-то... Спецпоезд, на котором Сталин вез тебя... На чужбину... У каждого человека есть свой поезд... И куда он привезет, знает один лишь бог...

МАМЕД ЭМИН. Нет, вы скажите, почему же людям, народу, который хочет жить свободно, не дать такую возможность?! Кто может судить, кому дано такое право решать: как народу жить, быть независимым или нет, дышать полной грудью, или нет... (Хватается за грудь). Ведь посмотрите, даже самые большие диктаторы, создавшие диктаторские режимы, уходят. Как Сталин. Неужели это не может быть уроком для других?! Как хорошо, наверное, жить в стране свободной, в стране свободных людей... Я, наверное, этого уже не увижу... (К Гамид беку). Ты – другое дело... Может, откроют границы после смерти Сталина... Может, и наша родина когда-нибудь, лет через сорок-пятьдесят, станет свободным и независимым государством, а? Сколько лет понадобилось пророку Моисею-Мусе, чтобы вывести своих сородичей из рабства? Сорок? Может, за такой же срок и наш народ сбросит груз тоталитаризма?! Может, то самое трехцветное знамя, которое мы подняли однажды... взойдется снова на нашей родине?! Давайте верить в это! Иначе не стоит, ей богу, не стоит жить. Давайте радоваться

жизни! Ведь через две недели наш весенний праздник – Новруз-байрам. Жизнь берет свое, все обновляется. Нужно верить в наше светлое будущее! Граждане! (Это звучит фрагмент речи Мамед Эмина Расулзаде, произнесенный им в том же 1953 году в связи с 35-летием Азербайджанской Демократической Республики на радиостанции «Голос Америки»). Мамед Эмин, обращаясь к своим соотечественникам, завершает свою речь-призыв стихами).

Sən bizimsən, bizimsən durduqca bədəndə qan,
Yaşa, yaşa, çox yaşa, ey şanlı Azərbaycan!

(Ты с нами, ты с нами, пока в жилах не стынет кровь,
живи и здравствуй во веки, мой славный Азербайджан!)

ЗАНАВЕС

Баку. Апрель 1994 г.

(Из кн.: Гасан Гулиев.

Поезд специального назначения.

Пьесы и очерки. Б., 1997, с. 5 – 39).

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ

1. Русская советская печать 20-х годов о жизни и творчестве Н. Нариманова (К истории русско-азербайджанских литературных связей советского периода). Ученые записки АПИЯ им. М.Ф. Ахундова. Серия XII. Язык и литература. Б., 1966, № 2, с. 3 - 11.
2. Новая встреча с Бахадуром и Соной. Журн. «Литературный Азербайджан», 1964, № 1, с. 110 – 111.
3. Талант, отданный народу. К 95-летию со дня рождения Наримана Нариманова. Журн. «Литературный Азербайджан», 1965, № 2, с. 125 – 127.
4. Неоконченное письмо Наримана Нариманова. Газ. «Бакинский рабочий» от 13 января 1989 г., с. 3.
5. Неоконченное письмо Наримана Нариманова. В кн.: «Правда и только правда». «Белые пятна» нашей истории. Б., Аз.гос.изд., 1991, с. 43 – 54.
6. Нариман Нариманов: неоконченное письмо (сценарий документального телефильма). В кн.: Гасан Гулиев. Сценарий документального фильма (от замысла к воплощению). Б., 2001, с. 50 – 56.
7. Перевод с азербайджанского языка рассказа Н. Нариманова «Злоключения одного села». Журн. «Литературный Азербайджан», 1989, № 9, с. 80 – 85.
8. Великий кавказец. Портрет в ракурсах истории. В кн.: М. Асад-бека. Сталин. Карьера фанатика. Б., «Нурлан», 2003, с. 6 – 29.
9. Поезд специального назначения. Пьеса. В кн.: Гасан Гулиев. «Поезд специального назначения». Пьесы и очерки. Б., 1997, с. 5 – 39.
10. Н. Нариманов: неоконченное письмо. Очерк. в кн. Гасан Гулиев. «Поезд специального назначения». Пьесы и очерки. Б., 1997, с. 110 – 129.
11. К истокам – к истине. Очерк. В кн.: Гасан Гулиев. «Поезд специального назначения». Пьесы и очерки. Б., 1997, с. 130 – 154.
12. Верность себе – верность принципам. К 120-летию со дня рождения Наримана Нариманова. «Бакинский рабочий» от 14 апреля 1990 года, с.2.
13. О Н.Нариманове. В кн.: Гасан Гулиев. Здоровье тамады, или Карабакнаке. Роман. Б., «Нурлан», 2004, с. 42- - 423.
14. Нариман Нариманов. В кн.: Гасан Гулиев. Азербайджанская литература. Учебник для 9 – 11 классов общеобразовательных школ с русским языком обучения. Б., XXI-YIV E, 2001, с. 165 – 171.
15. Нариман Нариманов. В кн.: Гасан Гулиев. Азербайджанская литература. Учебник для 10 класса общеобразовательных школ с русским языком обучения. Б., XXI- YNE, 2005, с. 67 – 73.
16. Нариман Нариманов. В кн.: Гасан Гулиев. Азербайджанская литература. Исторический очерк. Учебное пособие для гуманитарных факультетов. Б., «Нурлан», 2005, с. 175 – 177.
17. Мамед Эмин Расулзаде. В кн.: Гасан Гулиев. Эмигрантская литература Азербайджана. Б., «Нурлан», 2004, с. 22 – 35.

18. Мамед Эмин Расулзаде. В кн.: Гасан Гулиев. **Азербайджанская литература. Исторический очерк. Учебное пособие для гуманитарных факультетов.** Б., «Нурлан», 2005, с. 200 – 204.
19. Мамед Эмин Расулзаде. В кн.: Гасан Гулиев. **Азербайджанская литература. Учебник для 9-11 классов общеобразовательных школ с русским языком обучения.** Б., XXI - YNE, 2001, с. 139 – 141.

Содержание

Предисловие – Эльхан Самедов, канд.филол.наук.	
От автора	4

Очерки-эссе

Иностранцы во власти	7
Октябрь, прервавший процесс.....	18
В ракурсах истории	22
Необходимость переосмысления	45

Публикации

Новая встреча с Бахадуром и Соной.....	56
Талант, отданный народу.....	60
Русская советская печать 20-х годов о жизни и творчестве Н. Нариманова.....	68
Н. Нариманов: неоконченное письмо.....	83
Верность себе – верность принципам.....	101
Перевод рассказа Н. Нариманова «Злоключения одного села»	107
Н.Нариманов. Злоключения одного села	109
Н. Нариманов: неоконченное письмо.....	121

Мамед Эмин Расулзаде – современник и соратник	130
Поезд специального назначения (пьеса)	144
Список публикаций автора по теме	186

ГАСАН ГУЛИЕВ

В РАКУРСАХ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

**Критико-биографические статьи, материалы
и эссе о государственном деятеле и
писателе Наримане Нариманове**

Серия «Сыны Азербайджана»

Подписано в печать: 10.02.2008
Формат 60x84 1/16.
Объем: 12 п.л.
Заказ № 48
Тираж: 500

Издательство «Нурлан».
Директор: проф. Н.Мамедли
Тел: 497-16-32, 850-311-41-89
E-mail: nurlan1959@yahoo.com
Адрес: Баку, Ичеришехер,
3-й Магомиевский переулок 8/4